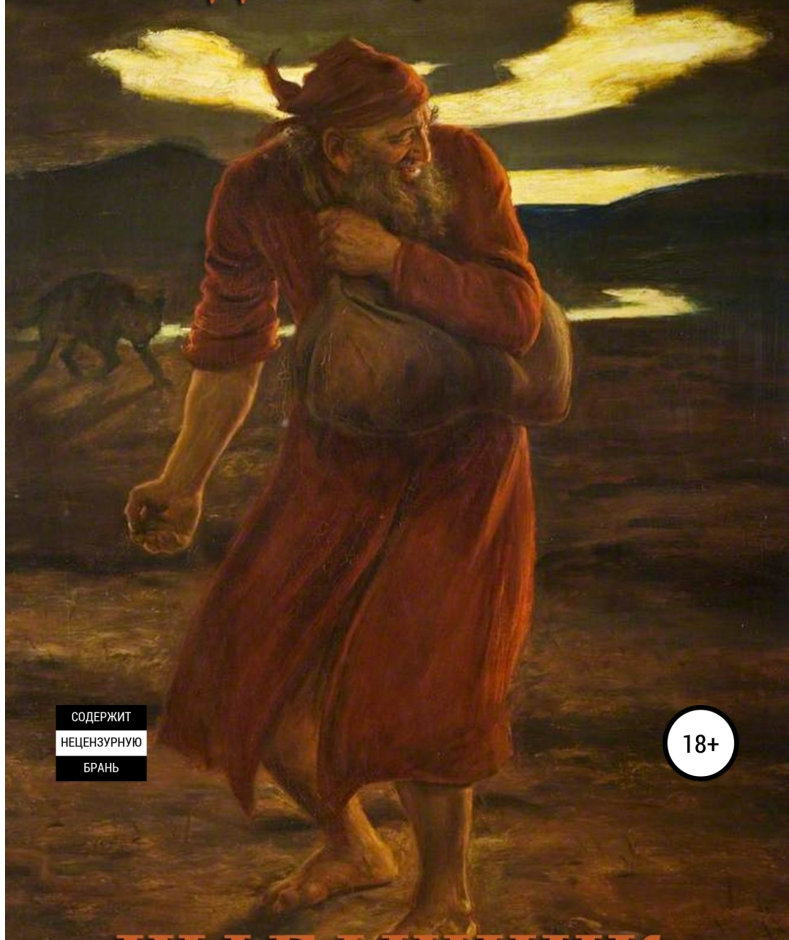

ФЁДОР КОЗВОНИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ШАБАШНИК

Фёдор Романович Козвонин

Шабашник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57483664

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97021-2

Аннотация

Перед вами поэма о необходимых, но ненужных людях. О соли бессолой земли и о надежде, что город-сад всё равно будет. О столице, о провинции; о провинции в столице и о провинциальной столичности. Книга для тех, кто прожил десятилетия и готов с головой ринуться в двадцатые. Это рассказ с рассеянной и тревожной улыбкой на лице. Роман – наследник всех своих родных. Полемичная история с надеждой на то, что диалог породит если не истину, то понимание. Магический соцреализм с хтоническими замашками. Притча о том, что в тоннеле крошечной серости за поворотом есть свет.

Лауреат премии "В поисках правды и справедливости" – 1 место в номинации "Молодая проза России".

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава I	6
Глава II	34
Глава III	54
Глава IV	90
Глава V	122
Глава VI	148
Глава VII	185
Глава VIII	200
Глава IX	234
Глава X	263
Глава XI	298
Глава XII	326
Глава XIII	371

Фёдор Козвонин Шабашник

И если кто-нибудь даже

Захочет, чтоб было иначе,

Бессильный и неумелый

Опустит слабые руки,

Не зная, где сердце спрута

И есть ли у спрута сердце...

Аркадий и Борис Стругацкие

«Трудно быть богом»

«Я чувствую, что мою страну опорочили, а я хотел, чтобы у нее было доброе имя; у нее всегда было доброе имя; порой я сижу и гадаю, кто ж это опорочил мою страну?»

Татанка Йотанка (Сидящий Бык)

Глава I

17.09.201... года. Киров.

Ярко-красными лучами Солнце играло на спицах велосипедного колеса, катившего вдоль железобетонного забора электроподстанции. Грунтовая дорога вела к деревне и надо сказать, что деревня тут была задолго до электроподстанции.

Мимо металлических ворот в бетонном заборе ехал красивый чёрный велосипед, на каких обычно ездят подростки, молодые пенсионеры, бородачи-хипстеры, политики-популисты, физкультурники или творческие натуры, которым права на автомобиль не положены; словом, все те, кого называют гражданами с активной жизненной позицией. На велосипеде ехал мужчина – не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтоб стар, однако ж и не так, чтоб слишком молод. Его звали Сергеем и на его голове поверх бейсболки были надеты наушники с чёрным обручем оголовья, за спиной был рюкзак. Сергей на ходу пнул валявшееся на обочине мятое жестяное ведро с ручкой и насквозь проржавелым дном. Ведро с грохотом и треском улетело в кусты, где немного пошуршало откалывающейся эмалевой краской, чтобы потом пропасть навсегда. Когда я проходил весной следующего года по этой

дороге, то никакого ведра в кустах не было. Один Бог ведает, куда оно подевалось.

Подъехав к своему дому, молодой человек спешился, закатил велосипед куда-то внутрь и через пять минут, уже переодетый, вышел в расположенный за домом большой огород. Солнце клонилось к западу и своими пронизательными лучами пробивалось через беззаботно шелестящие листья разросшейся ирги, до которой Сергей ещё не успел добраться с секатором, потому что у него в руках была лопата. Неделю назад Сергей выкопал картошку и теперь перекапывал землю.

Десять дней назад Сергея уволили с работы. Уволили, просто поставив перед фактом и даже не стали придумывать причины, чтобы указать на дверь. Дело было в том, что для большой фирмы, где он работал, наступили не самые лучшие времена и было принято решение несколько сменить профиль деятельности. В новый профиль Сергей уже не вписывался. С формальной точки зрения, дело было обстряпано ловко и кругло: фирма была поделена на несколько мелких фиктивных индивидуальных предпринимательств и тот индивидуальный предприниматель, за которым по документам числился Сергей, ликвидировался. То есть предприниматель как личность ещё существовал, но все его недавние полномочия теперь готовились делегировать какому-то другому зицпредседателю.

Конечно, можно было написать в прокуратуру или в тру-

довую инспекцию. Конечно, они бы прижали к ногтю подставное лицо, на имя которого был составлен трудовой договор: описали бейсболку с прямым козырьком, шорты и кроссовки. Его бы признали негодяем, сказали бы: «Ай-яй-яй, как нехорошо!» и испортили дальнейшую предпринимательскую жизнь, но Сергею от этого вряд ли стало бы легче: движимое и недвижимое имущество дороже пятисот рублей благополучно переписано на маму пенсионерку и выйдет так, что бывший начальник живёт в этом мире на иждивении, доходов не имеет и взять с него нечего, хотя ещё вчера он так старательно и убедительно корчил из себя владетельного князя с не сходящей многомудрой ухмылочкой. На деле вчерашний игемон даже не нашёл сил лично объявить об увольнении – по телефону с Сергеем говорил руководитель параллельного звена, а в офисе ждал бухгалтер. При этом тот, кто действительно принимал решения, тот, кто владел и распоряжался предприятием через череду доверенностей, подставных фирм и юридических лиц, был недоступен для претензий законным порядком. Разве что в окно ему кирпич бросить. Но от этого Сергею точно не стало бы легче.

Поэтому Сергей решил не заморачиваться битвой с ветряными мельницами, а спокойно написал заявление об увольнении, получил на руки документы и пошёл искать работу.

Хорошо, что Сергей был парнем не гордым и рукастым – многое в этой жизни успел попробовать, поэтому надеялся, что на разосланные им резюме в конце концов придёт ответ.

Но время шло, а работы не было. Зато был огород, копание в котором было чем-то средним между исполнением религиозного обряда и занятием физкультурой: привычкой, способом отвлечься и забыться.

На эти сельскохозяйственные мытарства внимательно смотрел Андрей Иванов, который прямо сейчас стоял у забора и хлопал себя по карманам в поисках сигарет. Облокотившись на забор и сложив ладони замком, Иванов опустил голову так, что выбритый подбородок лёг на основание большого пальца правой руки, в то время как ладонь правой руки и большой палец левой почти полностью закрыли рот. Вытянув шею, чтобы губы поднялись выше скрещенных пальцев, он крикнул:

– Бог в помощь!

Сергей встрепенулся, резко обернулся, но, увидев знакомое лицо, снял наушники:

– О, здравствуй, Иванов! Дай огоньку. Как твой кот?

Иванов снова похлопал себя по всем карманам, хотя точно помнил, что зажигалку он положил в левый нагрудный. Как-то само собой получилось.

– Да ничего, выздоровел вроде – глаза больше не слезятся, да и сам поправился, а то был тощим, как твой велосипед...

– А чем болел-то он? Выяснил хоть? – озабоченно и с ноткой сомнения спросил Сергей.

– Да какой там! Кололи ему три дня лекарства, которые в клинике дали – два витамина и один антибиотик. Я, главное,

сколько не допытывался до того коновала, а так и не вызнал, что он Ваське моему диагностировал, – Иваныч прикурил и, поперхнувшись, выпустил дым уголком рта. – Не, хорошо устроились, а? Лечат от чего попало – только денег им дай, ага. Косарь содрали прямо как с куста!

– Нормально, блин! – от удивления Сергей хлопнул себя ладонью по бедру. – Я весной от пневмонии лечился и за таблетки и уколы отдал сотен шесть. И это три недели лечения.

– Вот! А я кота три дня лечил. Нет, давно пора прижать эти шараги – понимают, паразиты, что раз животное не скажет, что и где у него болит, то с хозяина можно драть, как со сволочи. И ведь не скажешь тоже, мол, жалко денег – пусть подышает? Нет ведь!? А поди его разбери – может, это у животного, как простуда у человека – лечи-не лечи, а само через неделю пройдёт. Или действительно животное при смерти и потом всю жизнь себе вспоминать будешь, как денег пожалел.

– Так да, на это у них и расчёт. Кстати, я тут прикинул, а ведь мой кот лучше моего питается! Вот я только что из магазина: пятихатку потратил, а из неё три сотни на корм коту. Ещё хорошо, что я на велике, а так бы на проезд ещё сорокет ушёл.

– Да, вот ты про проезд сказал. Видал, что на вокзале делают? Гляди, билет в кассе брал, а мне вместо одной бумажки две суют. Что за дела такие, думаю, но у кассы разбираться не стал – сзади очередь напирает. А в поезд сел, гляжу –

во! Уже сами себе рекламу покупаем.

Опустив руку в правый нагрудный карман куртки, он достал и протянул Сергею билет с прикрепленной к нему скрепкой степлера рекламкой. Сергей мельком посмотрел на строчки и его глаза загорелись восторгом.

– Слушай, Иваныч, тебе ведь эта бумажка не нужна? Можно я возьму?

– Да бери, конечно, ни во что она мне не упёрлась... – Иваныч довольно усмехнулся и барственно приосанился, но тут же, как будто спохватившись, взмахнул рукой в каком-то театральном жесте. – Кстати! Я ведь чего зашёл-то? Дело у меня к тебе, шабашка. Я только спешу сейчас, а к тебе вечером загляну, чтоб подробно обсудить?

– Да не вопрос. Буду ждать.

– Варенья принесу свежего, чаю попью.

– Ну, вот и договорились!

Придя домой, Сергей внимательно рассмотрел рекламку, в которой говорилось о том, что в самом центре Москвы действует организация, помогающая трудоустроиться всем встречным и поперечным – столярам, плотникам, каменщикам, охранникам, водителям, поварам, грузчикам, разнорабочим и дворникам. Зарплата, конечно, не астрономическая, но приятная – выходило значительно больше, чем Сергей получал раньше.

Чтобы разузнать подробнее, Сергей зашёл по первой вы-

скочившей в поисковике ссылке. Вроде и тут всё в относительном порядке – да, находились негативные реплики, но сдержанно-хвалебных отзывов было больше. Получается, что работа себе и работа: не хорошая и не плохая. Нормальная.

– Значит, если ещё неделю ничего не нарисуетя..., – сказал Сергей своему коту и почесал его за ухом. Кот зажмурил глаза от удовольствия.

Иваныча Сергей знал с самого детства. Конечно, тогда он был не «Иваныч», а «дядя Андрей» – друг и коллега отца. Отец развёлся с матерью в середине девяностых и сгинул где-то без вести на ниве строительства новой личной жизни – сына и бывшую жену он излишним вниманием не обременял. Сергей его почти не помнил. Покойная мать тоже редко вспоминала бывшего супруга. Иваныч же, у которого была дача в соседнем с деревней садоводстве, всегда при встрече радушно приветствовал Серёжу шутками-прибаутками. Когда Серёжа подрос, то Иваныч радушно одалживал его инструментом или дельным советом, на том и сдружились. Ну, не то, чтоб уж закадычными друзья стали – разница в возрасте создавала известную дистанцию, но приятелями были близкими. С отцом Сергея Иваныч не поддерживал отношений тоже где-то с середины девяностых: что-то они тогда не поделили. Тогда же Иваныч вышел на пенсию по инвалидности из-за производственной травмы. Что это была за травма

и чем занимается Андрей в свободное время, Сергей не знал – ну, дачник себе и дачник.

Ровно в семь вечера в окно постучали.

– Снова здравствуй, дорогой! – Иваныч махнул раскрытой пятернёй.

Сергей поспешил открыть дверь и впустить гостя. Пока Андрей снимал камуфляжную куртку, Сергей суетился у стола:

– А я как раз чай заварил. Иваныч, тебе сколько сахара?

– Без сахара, что ты! С вареньем же. На-ка вот, держи банку – вчера только варил, ещё утром тёплое было. Яблочное, с корицей.

– Может, моего попробуешь? Облепиховое, тоже свежее, – Сергей было подался к буфету, но Иваныч остановил его порыв:

– Не, лучше яблочного. От облепихи изжога у меня. Не уважаю эту ягоду манчжурскую.

Пожав плечами и положив добрую треть банки в вазочку с претензией на хрусталь, Сергей всё же ушёл к буфету, откуда достал пакет сушек и пересыпал в такую же, как вазочка, хрустальную салатницу. Сушки были с маком. Хозяин разлил заварку по чашкам. Иваныч о чём-то подумал и махнул рукой:

– Ай, ладно. Положи одну ложку сахара!

Сергей улыбнулся и насыпал в горячий чай ложку с порядочной горкой.

– Слушай, а ты никогда на вахту не ездил? – с каким-то нетерпением спросил Сергей.

– Нет, сам-то я не ездил, – Иваныч будто ждал этого вопроса. Он с достоинством поднёс к носу чашку, с видимым удовольствием понюхал, но отставил в сторону. Горячо. – Я же всё на заводе своём. Брат вот ездил когда-то на Север, большую деньгу там зашибал, но это давно было, год девяносто пятый, что ли? Что точно помню, так что страху он там натерпелся – караул. Прикинь, их после вахты прямо на перроне вокзала бандиты на пушки поставили. – Андрей посмотрел Сергею прямо в глаза. – Но пронесло. Повезло, говорит, потому что боялся деньги пропить и положил их на самое дно сумки, в носки – под свитерами, штанами, трусами, шапками... Спьяну он бы туда не полез, а в кошельке была мелочь – её-то братки и забрали не глядя. Но некоторые работяги бесплатно, считай, отработали. Брат ещё говорил, что у иных бандитов рожи знакомыми были: вроде он кого-то из их в охране месторождения видел. Больше брат туда не ездил.

Сергей как-то совсем безвкусно отхлебнул чая, обмакнул сушку в варенье, откусил половину и, тщательно прожевав, высказал кому-то, кого не было за столом:

– Ну, теперь-то на вокзалах полицейские дежурят, да и деньги не наליком дают, а на карту переводят... – тут он снова посмотрел на Иваныча. – Просто я чего? Меня твоя рекламка заинтересовала – сижу, прикидываю. Может, рва-

нуть, а?

– Это с билета-то которая? Да хрен его знает. Хотя столица наша, конечно, город богатый... Неужели ты здесь работу найти не можешь?

– Сколько уже ищу, а ничего подходящего нет! На четыре собеседования ходил – одно что «мы вам перезвоним». И на моё резюме результат один – по три раза в день звонят и предлагают менеджером быть по продажам. Я сперва удивился, подумал – а чего бы и нет? Приехал к ним в контору, которая в новом БЦ на берегу реки у моста, знаешь? Вот. Приехал туда, значит, на двенадцатый этаж поднялся, а там всё чинно, благородно – девушка красивая в блузке и галстук за стойкой. Анкету, значит, заполнил, сижу на диване кожаном, вызова жду, готовлюсь. Ну, думаю, повезло мне наконец – теперь бабло грести лопатой буду! Вызвали. Сидит в кабинете дядька такой солидный, в пиджаке и сразу, с ходу прямо давай мне рассказывать, как он так же, как и я, два года назад пришёл в эту же организацию, но только в Казани. На мои ноги поглядел и говорит, что тоже денег на кроссовки нормальные не было, но через три месяца он машину купил, ещё через год подразделением руководил, а теперь сам открывает такой же центр в Кирове, потому что контора у них инновационная, передовая и методы европейские, но интегрированные в отечественные реалии. Я весь расплылся, представляя, как себе Ниву-пятидверку к новому году куплю, но потом соображаю, спрашиваю, а что де-

лать-то надо? А он мне, мол, мы такие-растакие-этакие...

– Наркота что ли? – Иваныч усмехнулся от своей догадки.

– Да нет. Короче, полчаса он воду лил и по ушам ездил...

Смысл такой – ездить по райцентрам и там страховые полисы пенсионерам втюхивать, убеждать их в том, чтобы они свои пенсии переводили в наш негосударственный пенсионный фонд. Работать я буду за процент и формула расчёта там какая-то очень мутная – большую часть денег я получу потом, как раз месяца через три, когда все бумаги пройдут и всё оформят. А до того времени мне причитается тридцать рублей за один полис и оклад восемь косарей, но через два месяца будет аж по пятихатке сверху за каждый заключённый договор.

– А что ж ты, по подъездам бегать будешь? Где пенсионеров-то этих брать?

– Иногда и по подъездам, но в основном, типа, какую-то стойку в поликлинике или на почте ставить будут. Типа, ходит туда народ с как раз с документами и там можно их тёпленькими брать. Сам говорит, что у себя в Казани он по двести человек за день подписывал.

– В Казани-то, может, столько народу и обрабатываешь, но никак не у нас в каком-нибудь райцентре.

– И я так подумал. Человек десять я за день оприходуя, двадцать – край. То есть больше шести сотен за день не получу, а командировка туда на четыре дня, потом три дня отдыха и даже если я по двадцать человек в день получится,

то в месяц это и десяти косых не будет. Ладно, плюс оклад, но всё равно не густо! Конечно, через два месяца, когда всё оформят...

– Погоди, а ты разве учился на менеджера-то?

– В том и дело, что нет. Три года назад симками торговал, вот в трудовой и запись – «менеджер по продажам». Я это в резюме указал, вот, видать, меня и нашли.

– Но диплома у тебя нет?

– Вот именно, что нет. Я и работу-то не менеджером искал, не продавца даже, – Сергей отхлебнул чая. – Но и не в этом ещё дело. Я с тем дядей солидным раскланялся, сказал, что подумаю над его предложением сегодня-завтра, а сам, не выходя из офисного центра, в интернет. Сразу выяснил, что в Казани о такой фирме никто никогда не слышал, а потом узнал, что в Москве за один такой же заключённый договор платят тыщу триста. Причём сразу, а не через два месяца.

– Теперь понятно, зачем этот «татарин» набирают себе именно таких «специалистов» – чтобы ни один у него больше двух месяцев не отработал. Это если по районам мотаться за пятнадцать косарей, то через неделю убежишь от такой работы, – чашка Иваныча стояла нетронутой и неразмешанный сахар на дне превратился во что-то слипшееся и безнадежное.

– Понятно, что в эту контору я больше ни ногой. Зато кое-что я понял.

– Что же?

– Что хотел бы в Москве поработать! – Сергей торжественно отхлебнул из своей чашки.

– Будто ты в Кирове не зарабатываешь!

– Заработаю, но когда? Через три года? Через пять? Через десять? И вот этот вариант с вахтой в Москву мне очень понравился, в смысле 60/60. То есть ты два месяца работаешь, а потом два месяца свободен. И при деньгах, которые тут за такую же работу не получишь. И целых два свободных месяца! Хочешь – пей, хочешь – не пей, но, главное, можешь делать свои дела спокойно и без истерики.

В зрачках Иванаыча вспыхнули какие-то огоньки, будто горящие газовые вышки на фоне непроглядно-чёрного запыленного неба, но тут же потухли:

– Говоришь ты резонно, да, но лучше пока поостынь на эту тему и меня послушай. Я ведь чего к тебе пришёл?

Иваныч задумался, словно врач, прикидывающий, стоит ли сообщать пациенту страшный диагноз:

– Если только между нами, хорошо? – он посмотрел в глаза Сергею одновременно как бы испытывая, но при этом умоляя. Что-то для себя поняв, продолжил бодрым тоном: – Вот оно иногда так бывает, что можно и подзаработать, и своему другу помочь – одним выстрелом двух зайцев! Ты ведь, наверное, слышал, что я хочу свой участок продать? Весь этот сад, который отец получил при Брежневe – со всеми яблонями, который покойник сажал, а я, ещё школьником, помогал. Со всей иргой, крыжовником, йоштой... С ко-

лодцем, который целое лето в восемьдесят четвертом копали... Можно, я закурю?

– Да, вот пепельница.

Иваныч глубоко затянулся, выпустил пару дымных колец, долетевших до самой печки. Потом сделал уже обычную затяжку, выпустил дым через нос, стряхнул пепел щелчком ногтя большого пальца о фильтр:

– Тут какое дело. Столичный холдинг землю у садоводов скупает и житья всё равно не будет – купят не подобра, так поздорову, а потом всё тракторами укатают. Им ведь без разницы: яблони тут, колодец, качель – им лишь бы только землю, сотки... Вот я и решил максимально свой дом застраховать.

– Ну, это правильно. А то наймут упыря за бутылку, чтобы петуха пустил...

– Нет, ты дослушай. Мне и нужно, чтобы дом сгорел и чтоб сгорел к едрени матери! Чтобы в пепел! И в этом помочь мне можешь только ты...

При этих словах зрачки глаз Сергея сначала устремились куда-то вверх, к лампочке, потом повертели вправо, затем влево и наконец уставились строго перед собой, глаза в глаза собеседника:

– Погоди, Иваныч, ведь это преступление..., – но тот призывно и с нетерпением смотрел на Сергея так, будто не сомневался, что тот согласится. – Да и рука у меня не поднимется – сколько там всего и моими руками переделано...

– Ну, зачем так-то... И меня ты очень обяжешь, поможешь даже.

Сергей отвёл глаза, озадаченной ухмылкой поднял правый край рта, а потом неуверенно посмотрел на Иваныча:

– Блин, дядя Андрей, может, ты сам, а?

– Да я бы сам давно сжёг, но не могу – всё же память... Понимаешь, когда в восемьдесят втором Италия во главе с Росси и Дзоффом растоптала в финале мундиала ФРГ, мои сверстники поголовно хотели быть похожими на Дасаева и Блохина, я был похож на форменную чурку, когда отец вместо сарайчика капитальную дачу построил. В основном-то, конечно, работал отец с мужиками, а я гвозди гнутые прямил, рубероид резал, рейки пилил и на родник за водой бегал, но почти всё лето за этим пролетело! Загорел – просто страсть! В школе хвастался, что в Алуште отдыхал, но потом запутался и сказал, что курорт был в Гаграх... В классе всё равно узнали, что я всё лето у ручья с ведром толочся... Эх, детство!

Иваныч с какой-то ненавистью затушил окурок в пепельнице.

– Зато в восемьдесят четвёртом я уже полноправно с ба-тей на пару работал, когда копали колодец. Один копает, а другой в телеге отвозит. Видел, может, бугорок слева от ворот в садоводство? Так это от нашей глиняной горы осталось. Конечно, за то лето я подкачался неплохо, но космического Платини во Франции на Евро я пропустил. И когда мои од-

нокашники на мопедах всюду с девчонками катались, у меня на ладонях мозоли роговели. В школе потом до октября не мог привыкнуть ручку держать – не рука была, а лапища! Тем летом нормальные пацаны зарабатывали гонореем, а я заработал кифоз. Тыфу ты... А через год я полез на крышу ставить новый колпак на печную трубу. Упал и сломал ногу и потому вместо Рязанского гвардейского училища я поступил на фрезеровщика. Эх, столько всего впереди могло быть...

Иваныч достал из мятой пачки новую сигарету, помял пальцами, с грустью посмотрел на неё и положил обратно в пачку.

– Зато без экзаменов приняли! И, в принципе, на Сельмаше в те времена было спокойнее, чем под Кандагаром, так что, наверное, оно и к лучшему. Хотя я мира и не повидал, но зато цел и почти здоров.

И с дачей-то как жалко... Ведь год назад всё зашил, окна вставил по последнему слову техники – думал, что тут старость встречу, под этими самыми яблонями. И именно тогда пошли слухи о том, что у нас тут будут строить какие-то теплицы, мать их, а, значит, спокойной старости у меня здесь всё равно не будет, – он зачерпнул ложку яблочного варенья, положил её в рот и проглотил с видом разведчика, глотающего секретную шифровку.

– Да и алиби мне надо, понимаешь? Чтоб у страховщиков вопросов лишних не было. К тому же, тебе деньги сейчас

тоже не повредят. Заранее даже дать могу, хоть сейчас сразу всё.

Судорожным, дёрганым и нервным движением Иваныч полез в карман брюк:

– Ничего, ничего, – он достал шесть купюр и положил их на край стола, под пепельницу. – Я как представляю, что бульдозером мой дом снесут – даже сердце прихватывает. Безумно больно, если это чужие люди сделают. А ты ведь свой.

Сергей посмотрел на Иваныча, потом на деньги, о чём-то подумал и посмотрел Иванычу прямо в глаза:

– Ну, если так, то я согласен.

– Спасибо тебе. Нет, правда, огромное спасибо, ведь ... А, ладно! Главное, что и ты теперь лишнюю неделю-другую спокойно работу поищешь и я уверен буду, что всё будет сделано так, как надо.

– Хорошо. Я помогу.

Иваныч просиял:

– Буду тебе очень благодарен, если всё это сгорит к лешему. Историю липовую для ментов и страховщиков я уже состряпал. Буду заявлять, что воры похитили бензопилу и велосипед – пилу я месяц назад Толяну продал, а велосипед у меня ещё в мае украли. Но документы имеются! А подожгли, видимо, для того, чтоб скрыть следы. Или вообще свалю на холдинг – может быть, тогда и менты поспокойнее будут, и страховщики землю рыть не станут. В общем, мы с тобой договорились?

– Конечно.

– Спасибо тебе, – Андрей Иванович пронзительно, с нагнувшейся слезой посмотрел в глаза Сергею, крепко пожал руку и вышел. Его чай так и остался нетронутым.

Хороша наша осень, осень средней полосы России! Как хорош, как чист воздух сосновых лесов, где в ясную погоду ранним утром луч солнца приобретает какую-то пронзительную ясность и кристальную яркость – такой вы не увидите ни в мае, ни в августе. Этой пронзительной святостью природа трогательно прощается со своими наблюдателями, прохожими лесных троп, чтобы тем было не так горько ждать её пробуждения в апреле. Поэтому, чтобы чрезмерно не расстроиться, нужно скорее отодвинуть доску в заборе и пробраться на участок Иваныча.

Пригнувшись, Сергей боком протиснулся в образовавшийся заборный проём. Ну вот – впереди застрахованная по всем правилам дача, выделяющаяся на фоне соседских домиков: обшита основательной вагонкой, а не дешёвым сайдингом; окна пластиковые, поворотно-откидные со стеклопакетом, а не обшарпанные перестроечные рамы, на водочные талоны выменянные, левой ногой через плечо деланные. Сад тоже добротный и, хотя за последний год успел порядком зарости, деревья обрезаны грамотно, крона правильная

– видно, что всё было поставлено серьёзно, если не на века, то на десятилетия. Не стыдно внукам передать.

В пристрое к дому, который Иваныч звал сеньями, несмотря на то, что размером они были чуть не с два гаража, было две секции, «комнаты» разделённые прихожим коридором – одна под инструмент, топоры, вилы, бензопилы и велосипеды всякие(которые вроде и есть, но при этом их нет), а другая – под дровяник.

Сам Сергей ещё недавно радовался, когда забил под завязку свой дровяник! Ведь это не только рай перфекциониста, когда все кубические метры пространства крепко накрепко забиты свеженаколотыми и душистыми тюльками. Полный дровяник – это гарантия того, что зимой будет тепло. Пусть хоть с ноября до апреля «минус тридцать» стоит – не замёрзнешь. По крайней мере, ты сделал всё от себя зависящее, а поэтому полный дровяник – это чувство выполненного долга, это гордость за себя, любование своей силой, ведь каждое полено ты сам расколот, своими руками и своим топором. Поэтому единственное, что говорило о том, что этот основательный и надёжный дом никому больше не нужен, – пустое пространство дровяника, в углу которого сиротливо валялись пара тюлек. В сам дом заходить не хотелось, чтобы не видеть белых стен, пустых стульев и стола без скатерти. Не хотелось быть ещё более причастным к предательству. Нет, не предательство это, а эвтаназия. А Сергей, получает-ся, врач. И убийца.

На полке в сенях он нашёл канистру с бензином, бутылку моторного масла и банку солидола. Бензин разлил аккуратно вдоль стен, сверху вылил масло, а банку солидола просто бросил на пол и осколки разлетелись по углам. Хотел было зажечь охотничью спичку и бросить в угол, но вспомнил, что калитка-то запертая стоит. А ведь придуманные похитители мифических велосипедов и бензопил не полезли бы со всем этим хозяйством через двухметровый забор и точно не стали бы запирать на замок калитку. Значит, придётся сходить и открыть. Хотя бы и для того, чтобы полицейских отвести от своего следа, если те вдруг за дело всерьёз возьмутся.

Чуть не на четвереньках Серёга пробрался от дома до калитки по тропинке, выложенной каким-то битым камнем – будто даже мрамором. Точно не щебёнкой. «Озябла!» – прокрипела открываемая калитка. Странно, неужели она всегда так у Иваныча? Разве смазать не мог? Вон, целая банка солидола на полке стояла – делов-то на три минуты... Озадаченный Сергей вернулся к дому, повернул ручку, оглянулся на калитку...

«К-р-р-р-а-а-а-а-с!!!!!» – вылетевший из дверного проёма огромный ворон чуть не сбил его с ног. Отшатнувшись от дверного проёма, держась за скользкую от масла ручку, он отступил на край крыльца, но, поняв, что сейчас завалится назад, неловко двинулся вперёд, споткнулся о порог и растянулся во весь рост посреди сеней лицом прямо в луже солидола. И откуда только взялось это пугало страшное, ду-

мал Сергей, поднимаясь и сплёвывая едкую кашу. Хорошо ещё, что осколки не попались, а то уделался бы раз и навсегда. Найдя кусок ветоши, кое-как утёрся, отдышался и, придя в себя, осмотрел дом в поисках ещё какой-нибудь живности. Не нашёл, поэтому без малейшего уже сожаления бросил спичку в угол. Занялось.

Выйдя на улицу, Сергей поплотнее закрыл дверь – чтобы дольше не было видно пламени со стороны, и пустился вприсядку к забору. Ловко прошмыгнув в дыру, он уже было обрадовался, что всё прошло так гладко, как вдруг, вылезая на четвереньках из кустов, он, поднимаясь на ноги и отряхивая колени, услышал за спиной шорох – это по мягкой земле резиновыми сапогами ступала невысокая женщина средних лет, знакомая до боли, от которой что-то сжалось в груди и перехватило дыхание. Перед ним стояла с большой хозяйственной сумкой в руке Елена Юрьевна – бывшая классная руководительница с шестого по девятый класс. Она шла из своего сада на электричку, а теперь, остолбенев, широко раскрытыми глазами смотрела прямо на своего бывшего ученика.

Мыслей никаких не было, был только вопль, а ноги сами понесли по пригорку к железной дороге. Пробежав мостик через речушку, ноги забежали на железнодорожную насыпь и в один прыжок перепрыгнули через рельсы. Дальше ноги и задница скатились на другую сторону и опрометью бросились в лесополосу. Там они неслись ещё метров двести, по-

ка, наконец, снова не вернулись в подчинение переставшей вопить голове и упали за куст шиповника. За спиной отдавал небу последнее закат. Впереди полнеба вторым закатом освещал пожар и столб густого чёрного дыма строго перпендикулярно земле уходил в самую вышину, унося с собой всё то, на что два поколения потратили свои лучшие годы и силы.

Пролежав под кустом на мокрой земле минут пять, Сергей смог вернуть что-то похожее на самообладание и привести отчаянно беспорядочную мысленную вакханалию в безысходный и беспросветный, но всё же стройный хоровод. В том, что он погорел капитально, Сергей не сомневался. Учительница не могла его не узнать – два года он просидел перед ней на второй парте первого ряда, а потом ещё два года на третьей парте второго ряда. Конечно, не виделся с ней он уже давно, но, к огромному своему теперь сожалению, не последовал моде и окладистой бороды не отрастил, а она была бы сейчас очень кстати. Елена Юрьевна всегда казалась ему женщиной строгой и принципиальной, поэтому, когда полиция будет опрашивать садоводов, она отмалчиваться не будет. А Иваныч... Иваныч, конечно, смолчал, если б свидетелей не обнаружилось, но когда Сергея прижмут, то своего заявления он просто не сможет забрать, иначе страховщики съедят. А на кого страховщики повесят весь ущерб, теперь можно было даже не гадать... И ещё дадут лет пять. Ох, дорого же мне обойдутся эти тридцать тысяч, – пролетело в го-

лове. Пожалуй, единственным выходом было сбежать, причём сбежать так, чтобы не нашли. Не на пару дней, но хотя бы на пару месяцев – там ментам надо будет дело закрывать, так что свернут по-тихому поди – не Эрмитаж же он поджёт, не дверь у ФСБ! А страховщики, верно, на кого-нибудь расходы спишут – всё равно к тому времени с Иванычем надо будет расплатиться, а тот на него зла не держит.

Теперь надо сделать так, чтобы никаких улик, кроме показаний учительницы не было, да и вдруг её опрашивать не станут вовсе? Надо вспомнить. Других свидетелей быть не должно. Отпечатков он оставить не мог – в перчатках всё делал, которые до сих пор на руках. Придётся от обуви избавиться – вдруг следы оставил? А если с собакой искать будут, то по запаху бензиновому легко найдут – значит, надо след сбить, тем более совсем рядом вторая ветка железной дороги, где как раз цистерны не то с газом, не то с мазутом стоят. Туда и надо бежать и пройти там с километр – после такого манёвра ни одна сука ничего не прониюхает.

Уже пройдя чарующим коридором из смыкающихся высоко над головой полувековых берёз, когда родную деревню почти было уже видно, Сергей услышал вой сирены, который почти сразу прекратился, но таким железом по стеклу прошёлся по всему нутру... Всё упало из того, что только могло упасть. Значит, уже ищут, и ищут рядом. Если уже не нашли. Остаётся только побег. Вот как раз на вахту и сбегу – иди меня ищи в столице! Ох, и попал же я...

– Всех этих грёбанных диспетчеров я бы поувольнял к чёртовой матери! Или лучше так – раз сами такие вызовы принимают, то пусть сами и ездят на них! – молодой, но уже лысеющий врач сидел на пассажирском сидении машины скорой помощи. Одной рукой он держал дымящуюся сигарету, а другой эмоционально жестикулировал, как Ленин на броневике.

– Да ну, что ты, Олегыч, не кипятись – она же по телефону не видит, с кем говорит, – водитель вальяжно крутил руль, объезжая неровности и ухабы грунтовой дороги, идущей вдоль электроподстанции от деревни к городу. – Ей ведь если говорят, мол, лежит, стонет, за сердце держится, встать не может – она и передаёт вызов нам, реанимационной кардиобригаде.

– А спросить не судьба, не пил ли этот «сердечник» месяц без просыху?

– Ну, так ей же об этом не сказали. Да и на месте диспетчера я бы тоже это... того! Потому и перестраховываются.

– Вот если с пожарными или полицией так перестрахуешься, то тебе потом мало не покажется! Ты видал, чтоб на какого-нибудь обормота, который в подъезде насрал, наряд СОБРа вызывали? Вот и я не видел, а вдруг он террорист и на самом деле бомбу заложил? Перестраховаться же надо! А алкаша похмельного, которому надо дать рассолу, а потом

по морде, должна спецбригада реанимационная пользоваться? Причём ещё ладно бы рядом с нашей подстанцией было, а то в это захоlustье ехать, где каждый второй – алкаш, а каждый третий – зек... В жопу! – врач зло выбросил окурок в окно.

– А как же клятва Гиппократа? – саркастично усмехнулся водитель, но тут машина подскочила на кочке и сама собою включилась сирена.

– Слышь ты, демагог! Ты мне тут софистику не разводи, а лучше выключи эту шарманку, иначе тут реально вся округа с приступами сердечными сляжет!

– Да я пытаюсь! Заело что-то..., – водитель свирепел прямо на глазах, пытаюсь выключить сирену, но та не поддавалась и вопила почём зря – Побрал бы чёрт этих синеботов с их дорогами! Чем пить-то без просыху, так лучше бы ямы завалили!

– Чем? Бутылками? – съехидничал доктор.

– Да хоть бы и бутылками! В курсе, что в Верхнекамском районе пожарные только туда ездят, где дороги хорошие, а где плохие – не ездят? Так и нам надо! – сирена наконец выключилась, и машина скорой свернула с ухабистой грунтовой дороги на разбитую асфальтовую, которая вела в город.

Двери электрички закрылись. Приятный, но холодный женский голос объявил:

«Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Киров». Поезд тронулся.

– Здравствуй, Леночка! Как дела?

– Привет, Нин. Да ничего, жива-здоровая, слава богу. Вот из сада еду, последние помидоры собрала – пусть дома краснеют, в цвет входят. За Юрку только своего беспокоюсь – он в этом году никуда не поступил. Теперь боюсь, что в армию загребут...

– Ну, сейчас служить только год – условия лучше и контроль за этим строже, – Нина, женщина лет пятидесяти, хотела добавить что-то ещё, но, словно пожевав с закрытым ртом свои мысли, решила сдержать их при себе. – Нет, твоего Юрку, конечно, жалко, он ведь парень умный, толковый – чего он в педагогический не поступал?

– Да как вожжа под хвост попала – говорит, если учиться, то у лучших! И отправил документы только в МГИМО, МГУ и СПбГУ – отовсюду отказ. Да и слава богу! Вот где бы мы с отцом денег взяли, чтобы он в Питере или Москве жил? Так что, может, оно и к лучшему – глядишь, дурь из него в армии повыбьют, гонор сойдёт. Тем более служившим какие-то льготы положены.

– Это ты верно говоришь, в столичные институты теперь провинциалам сложно поступить. Слыхала, что они с ЕГЭ делают? Тут вопрос подняли, что, если экзамен у нас единый, так пусть он будет одинаковым для всех.

– Это как?

– А так, что разные регионы решают разные варианты. Вот, к примеру, математика та же, задание из геометрии: если у нас в области дети находили площадь круга, то московские ребята искали площадь квадрата.

– Но это же нечестно! Квадрата площадь любой сосчитает, а круга формулу я не помню. Ведь два Пи умножить на радиус?

– Это не площадь у тебя получится, а длина окружности. Площадь чтобы найти, надо Пи умножить на радиус в квадрате, – Нина посмотрела на подругу, поджала губы и кивнула головой. – Вот и выходит, что ты, учитель физики, экзамен не сдала или получила балл ниже, чем столичный школьник. А чего? Ему задали найти площадь простой фигуры и тебе задали площадь простой фигуры.

– Да, нехорошо выходит, несправедливо... Ой, я ведь какого страху натерпелась! До сих пор дрожу. Сейчас с сада иду, мимо забора где, знаешь? И тут передо мной прямо из кустов выскакивает парень молодой – лет двадцать максимум. Кавказец какой-то или азиат – я в полумраке не разобрала, чёрненький такой. Глаза выпучены, весь бешеный – меня увидел, заорал и в лес убежал, дороги не разбирая. Я уж к платформе-то в обход пошла, чтоб через деревню – там хоть в окнах свет горит, люди живые есть. Вот что он там в кустах делать мог? Может, больной?

– Нет, не больной это, а наркоман. Или продавец-закладчик. Сейчас ведь знаешь, они не из рук в руки продают, а в

подъездах, во дворах прячут, а потом покупателю только координаты сообщают – тот идёт и забирает. Но в городе свидетелей много, там их милиция гоняет, а здесь, на окраине, им и вольготно. Так что спугнула ты его и хорошо, что всё обошлось. Ты одна бы не ходила тут вечерами, а то мало ли – если эти у вас там повадились, то добра не жди.

– Ой... Конечно, я теперь без мужа в сад одна не поеду... А парень-то симпатичный такой, только испуганный. И наркоман... Нет, лучше бы в армии служил. Пропадёт ведь ни за грош.

– Жалко их, конечно. И чего они вот все тут забыли? У них ведь там тепло, там фрукты, там море, а тут у нас что?

– Ну, не скажи. Вот я сегодня шла – такой воздух вкусный – хоть ножом режь и в банку на зиму оставляй! Когда вот вся эта прелая листва, свежесть от речки, запах дыма... Словно последняя улыбка природы – грустная, но очень красивая. У меня даже голова кругом идёт! И зачем им все эти наркотики, когда благодать такая кругом?

Приятный, но холодный женский голос из динамика: «Киров. Конечная остановка».

– Ладно, пока. Вот меня Миша на перроне ждёт – побегу.

– Пока! А я посижу, подожду пока все выйдут – оно хоть и последней, зато не толкаться.

Глава II

18.09.201...года. Киров.

Сергей свернул с железной дороги не направо, в сторону деревни, а налево, на запасную боковую ветку и по ней, мимо разграбленных и разрушенных кооперативных гаражей, вышел на примыкающую к заводу промзону. Завод когда-то имел всесоюзное значение: под прикрытием сельскохозяйственного машиностроения он выпускал изделия предназначенные для самых решительных и окончательных битв, но не всегда за урожай. Теперь этот завод выпускал шпингалеты, плохие дверные замки и фрезерные станки. Говорили, что в последние годы заработали линии, брошенные ещё до Перестройки, и там снова наладили выпуск разных специальных изделий крайне узкого спектра применения, но широкого воздействия. Но говорят, что в Москве кур доят.

Сам завод начался тут тогда, когда страна, любившая отмечать свой сельскохозяйственный праздник в октябре, озадачилась приобретением новых и обширных угодий. Его неустанная работа в три смены изрядно поспособствовала тому, чтоб переломить хребет неуёмному аграрию, когда тот успел подмять под себя чернозёмы и уже двинулся к чёрному золоту: подсечно-огневое земледелие принесло ему заслуженные горькие плоды.

Пройдя мимо завода, Сергей сел на скамейке конечной остановки, отдышался. Достал телефон из кармана, вышел из режима полёта и набрал номер друга:

– Гендос, здорова! Слушай, можно у тебя переночевать сегодня, а?

– Да чо ты, Серёг, какой вопрос? Ты один будешь?

– Да, один.

– Тогда, конечно, приходи. А что случилось?

– Да долго рассказывать, ерундовина одна тут вышла...

Лучше при встрече, ок?

– Ну ладно, при встрече – так при встрече. Только я сейчас не у себя живу, у матери.

– Блин, а если я приду, то это удобно будет?

– Да, конечно, не парься. Она даже рада будет тебя пови-
дать.

– Ну, раз так, то жди. Скоро буду.

Синий троллейбус, который идёт на Восток, вкрадчиво, но безапелляционно отворил двери и повёз своего пассажира долгих девять остановок через мост мимо парков, парковок и панельных многоэтажек. На пятой остановке была школа, где Сергей с Геной вместе учились. Вот за этими гаражами они с Геной сражались на палках, а спустя пару лет вместо контрольной по алгебре курили сигареты из мягкой пачки и слушали один на двоих плеер, который пел про кук-

ду колдуна и о том, как мужики ели мясо.

Казалось, что тогда весь мир смотрел на них с ласковой осенней улыбкой и обещал порадовать ещё многими и многими солнечными днями, если у него получится и хватит пышно увядающих сил. Не хватило: листья опали, лужи замёрзли, а своего закадычного друга Сергей последний раз видел почти год назад и то как-то мельком на чьём-то дне рождения. Нет, списывались и созванивались они регулярно, но встреч Сергей избегал, потому что после смерти отца Гены видеться было, как железом по стеклу – воспоминания о

похоронах до сих пор перед глазами стояли. Было очень страшно, что лицо друга станет таким же, каким было в тот день... Поэтому вот уже год встреч и не было.

Троллейбус снова безапелляционно отворил двери у бывшего кинотеатра «Восток» и Сергей пошёл к знакомому, но хорошо забытому дому, из которого Гена съехал лет восемь назад, чтобы снимать малосемейку и всё собираться, но так и не отважиться на ипотеку. Теперь он снова вернулся под крыло матушки.

Открытая дверь с домофоном, второй этаж без лифта. Всё тот же звонок с чирикающей птичкой, всё та же дверь, всё та же ручка... Говорят, организм человека полностью обновляется за семь лет, то есть за это время в нём не остаётся ни одной прежней клетки – ни в его костях, ни в глазах, ни в мозге. То есть человек уже не тот, каким был – он становится копией себя самого, приобретая новые или теряя свои старые качества и свойства. Вещи же остаются неизменными, точно такими, какими были в самом своём начале и поэтому лучше людей помнят прошлое. В сущности, вещи людям для того и нужны – чтобы быть рукотворным и осязаемым свидетельством того, что это прошлое действительно с ними было. Вот и Сергей сразу вспомнил шкаф, коврик, полку для обуви и весенний пейзаж маслом на стене. Как будто ничего и не изменилось. Это чувство прошло приятной немотой по сердцу и понравилось Сергею. Только радушный Гена казался каким-то потускневшим.

Из кухни радиоприёмник сообщил бравым мужским голосом: «Мы долго готовились к увеличению пенсионного возраста и подошли к этому только сейчас, в том числе потому, что созданы условия для продолжительности жизни в рамках программы 80+»

Сергей, насладившись чувством того, что время над ним не властно, наобум брякнул:

– Блин, давненько я у тебя здесь не был. Лет, наверное, десять?

– Может, даже больше... Кажется, тем летом, после выпускного, когда помогал нам обои из магазина тащить.

– Точно! Это же, значит, сколько же... Тринадцать лет, что ли? Кажется, будто вчера было, – Сергей нежно провёл ладонью по стене, как будто гладил большое и доброе животное. Наверное, Вещий Олег также прощался с любимым конём. – Обои-то те самые?

– Да, это они. Обветшали, но всё ещё ничего. Держатся.

Сергей пристально взгляделся в рисунок на стыке:

– Помню, тётя Лариса их тогда чуть не полдня выбирала, хотя там и десятка образцов не было. Ведь чуть не в лупу на них глядела, примеряясь. Скрупулёзно к делу подошла.

Радио продолжало вкрадчивым, но уверенным голосом: «...тем, кому предстояло выходить на пенсию по старому законодательству в ближайшие два года, установить особую льготу – право оформить пенсию на шесть месяцев ранее но-

вого пенсионного возраста. Для примера, человек, который по новому пенсионному возрасту должен будет уходить на пенсию в январе следующего года, сможет сделать это уже в июле года текущего!»

– Ты ещё не видел, как мы с ней их тогда клеили – ведь целая история была! Чуть не с логарифмической линейкой каждый кусок, с радианами, с поправкой на ветер и геомагнитное поле. Она перед этим мероприятием кучу всякой литературы о ремонте проштудировала, чтобы досконально процесс понимать – я себя всё то время, что шла работа, чувствовал, как будто в лаборатории секретного института: всё по граммам, и не то, что минутам или секундам, а по терциям! Потому и ни одного стыка не увидишь – всё по орнаменту, крапинка в крапинку и ни одного подтёка. И за тринадцать лет нигде ничего не отклеилось, ни одного пузыря не образовалось. Вот только что обветшало, но это уж время. Ничего с этим не поделать.

Радио заговорило женским голосом: «Человек, который дольше сохраняет профессиональные стереотипы и дольше находится в строю, он, как правило, по своему биологическому возрасту моложе тех, кто рано оставляет профессиональную деятельность»

– Пошли кофе пить, чего тут в коридоре стоять?

Когда они вошли на кухню, Гена первым делом выключил

приёмник. Потом включил чайник и, пока тот закипал, насыпал кофе и сахар в чашки. На улице было уже темно и оранжевый свет фонарей делал улицу загадочной, таинственной и манящей. Томный запах прелой листвы будоражил в душе сладостную меланхолию, а свежий ветер своею прохладой будто звал на поиски приключений: покорять ли горные вершины; бороздить просторы океанов; изобретать панацею от горя и невзгод; бороться за чье-то чужое счастье, а в итоге обрести своё...

Стряхнув приятный молочный морок, Сергей звучно отхлебнул из чашки хороший, но не такой душистый, как тринадцать лет назад, кофе:

– Кстати, где тётя Лариса? Я думал, что она, как белый человек, до пяти работает, а сейчас уже девять с копейками.

– Так она не там уже работает, в другом месте. После десяти придёт.

– А почему она с молочного комбината уволилась? Ведь начальницей немаленькой была, отделом маркетинга руководила, да? -молчание Гены Сергей принял за признание своей правоты. – Да и на работу ходить, считай, через дорогу. Или, погоди-ка... Ей ведь на пенсию вроде ещё рано?

– Ну, как тебе сказать... Ты разве не в курсе, что молочный комбинат объединился с агрофирмой?

– В курсе. Когда агрофирму пару лет назад москвичи купили, то лихо развернулись – реклама там, магазины фирменные на каждом углу. Под себя, слышал, много частных

подмяли, которые оказались в сфере интересов. Слухи ходят, что главный в агрофирме с губернатором на короткой ноге. Но к Ларисе Евгеньевне это какое отношение имеет? Если фирма стала в два раза больше, то и отдел маркетинга должен стать в два раза больше, разве нет?

– Ну, во-первых, не в два, а в полтора. У агрофирмы свой отдел был, у комбината свой и у каждого свой руководитель. Теперь отдел один и двух руководителей ему не надо.

– Вот оно как... Я даже и не подумал. Но ведь она у тебя специалист большой – и по президентской программе училась, и на симпозиумы какие-то ездила?

Глаза Геннадия широко раскрылись, а раздувшиеся ноздри, казалось, втянули в себя весь воздух в округе:

– Да в девяностые без неё бы весь этот комбинат грёбанный на металлолом разобрали, чтобы в нулевые на руинах парковку с торговым центром построить! Я же знаю, что это она завод на себе вытащила. Из принципа вытащила, чтобы своё не пропадало, чтоб родное и настоящее было, а не федеральная стерильная и выхолощенная химия, которая даже не киснет. Чтобы наше село не погибло, чтобы фермеры в менеджеры и охранники не подались! – Гена ударил ребром раскрытой ладони по столешнице.

Сергей внимательно и нарочито медленно, чтоб немного охладить пыл друга, оглядел немудрящую кухню:

– И удержала на плаву эту баржу дырявую, а потом на голом энтузиазме вывела её во флагманы... А про агрофирму

стало что-то слышно только тогда, когда туда деньги пришли столичные. С деньгами-то и дурак может.

– Дурак-то может, но если бы только в деньгах было дело. Этот последний год – просто какой-то крошечный ад: круг за кругом и дальше всё хуже. Со смерти отца началось. Мать через неделю после похорон стала его вещи разбирать и нашла какие-то древние любовные письма. Будто бес в неё тогда вселился: бегала, рвала их, кричала, а потом у неё что-то сердцем случилось – на диван упала и встать не может: тяжело дышит, за грудь держится и почему-то кашляет. Я скорую вызвал, но она в больницу ехать отказалась. Тогда врач ей валидола какого-то дал и велел в поликлинику сходить. Она потом всю ночь плакала. И ведь главное: письма всё старые, советские – я по обрывкам понял, что это отцу писали, когда он в армии служил. За каким чёртом он их хранил вообще? Потом мама пошла на диспансеризацию и крепко поругалась с терапевтом, к которому лет десять до этого ходила. Даже жалобу на него в министерство написала и в другую поликлинику определилась.

– Что ж ей врач такого сделал? Конечно, она у тебя женщина серьёзная и строгая даже, но чтоб в министерство...

– Ей предварительно поставленный диагноз не понравился. Само подозрение... Сам не знаю, она мне не сказала. Говорила потом, что если ему самому делать нечего, то пусть и ходит по невропатологам, а у неё и свои заботы есть. Но дело даже не в этом. Дело в том, что об этом как-то начальница

отдела маркетинга агрофирмы прознала, а у неё племянник в полиции служит. В общем, спустя пару недель к нам приходит пьянущая соседка и давай к матери лезть, внаглую требовать денег, как будто бы та ей должна. Мать, естественно, её взашей вытолкала, но тут по лестнице поднимается полицейский. Алкашка давай кричать, мол, убивают, долг не возвращают и отправилась побои снимать. Мент тот с мамой поговорил, успокоил, мол, понятно, кто ж ту пьяницу не знает, а потому нечего и внимания обращать. Через неделю к матери на работу приходит повестка в суд по делу о побоях...

– То есть повестку не домой принесли, а на работу?

– В том и дело, что на работу. Чтобы точно прознали и чтоб матери дополнительный стресс. Мама спокойно собралась, даже мне не позвонила – думала, формальность на полчаса. Но там ей как предъявили, что на алкоголицу ту она набросилась, когда та просто по лестнице поднималась. Потом из прежней поликлиники какую-то мутную справку прислали, и поэтому выписали её постановление на принудительное психиатрическое обследование и прямо из зала суда её под конвоем отвезли в натуральный дурдом. Телефон у неё отобрали, поэтому мы только на следующий день узнали, где она и что с ней, а пока по инстанциям ходили с жалобами и ходатайствами, то срок её обследования и прошёл.

– То есть вот так вот запросто упрятали здорового человека в психушку без права на переписку?

Гена криво и очень грустно усмехнулся:

– С их точки зрения выходило, что не упрятали, а госпитализировали на обследование. То есть посещать обследуемую можно, передавать посылки тоже – их не досматривали даже. Её там электрическим током не били, в простыню не заворачивали, галоперидолом не накачивали – просто тесты разные, обследования, анализы, пустырник и не более того. Потом и телефон вернули... Как жаль, что похороны отца все средства вытянули и на нормального адвоката денег не было. Решили с родственниками сами обойтись и вот – обошлись, блин. Знал бы я сразу, так кредит бы взял... Главное, обследование её абсолютно нормальной признало, алкашка от претензий отказалась, а дело закрыли за отсутствием события преступления, но после такого стало ясно, кого из главных маркетологов сократят. На мать потом смотреть нельзя было – призраком, тенью самой себя стала. Я, кстати, потом узнал, что та змея подмосковная и после психушки боялась, что её попросят подвинуться, поэтому ещё подстраховалась: опеку над внучкой оформила. Прикинь, она заставила родную дочь отказаться от прав на ребёнка в свою пользу, чтобы стать опекуном несовершеннолетнего, а такую уже по закону сокращать нельзя. Охренеть, да?

– Слушай, но неужели Ларисе Евгеньевне во всём огромном холдинге другой работы не нашли?

– Нет, ну конечно же работу ей предложили. Предложили так, чтоб она отказалась – в этом же отделе работать под началом подколодной калоши. Мать, само собой, этой вакан-

сией не соблазнилась. После она два месяца на пособии просидела и пошла работать старшим продавцом в бутик обувной. Сапоги там, туфли, ботинки, средства ухода. Там у неё вышел конфликт с покупательницей... Ты тот ролик в новостях не видел?

Сергей отрицательно помотал головой.

– Ну, не много потерял. Конечно, мама не права была, потому что прав-то всегда клиент, но та же её явно спровоцировала, чтобы хайпа словить и канал свой убогий раскрутить. И хотя под видео большинство комментариев было в поддержку мамы, мол, ещё не так этих малолеток надо, но после этого мама полгода не работала. Тогда я к ней и переехал, боязно за неё стало. Очень она изменилась, ведь то, что раньше можно было назвать просто горячим темпераментом в форменную истеричность переросло. Но иногда такие сантименты на неё находят, что только держись – даже когда я совсем маленький был, то такой заботы и внимания не припомню... Но всё равно она дома сидеть не хочет – пошла работать кухонной рабочей в кафешку: овощи чистить и посуду мыть. Говорит, что когда люди вокруг, то ей проще и что она так скорее в себя придёт. Кстати, она уже минут пятнадцать как должна бы домой прийти.

В дверь раздался звонок. За ней стоял запыхавшийся и как будто не при себе мужчина средних лет. Под руку он держал трясущуюся и глупо улыбающуюся в пустоту Ларису Евгеньевну:

– Здравствуйте, дядя Витя... Что случилось?

Гена взял мать за руку. Она посмотрела на него и бессмысленно отвела взгляд.

Дядя Витя порывисто и с опаской оглядел незнакомого ему Серёжу с ног до головы и повернулся обратно к Гене:

– Ты, это... Вот – принимай. Я, главное-то, сижу на кухне и слышу – на площадке кто-то плачет. Выхожу, а там Лара сидит. Я ей, мол, что случилось-то, обидел что-ль кто, а она меня будто не узнаёт и спрашивает, почему её квартира не восемь, а шестнадцать? Я говорю, потому что подъезд не твой, а мой, но она будто и не слышит. Короче, вот, – он за плечи подтолкнул Ларису Евгеньевну к сыну.

Гена трепетно обнял мать, которая всё также дрожала:

– Спасибо, что помогли ей.

– Да я что, тут бы каждый... Если что, то я ведь всегда рад... Может, скорую вызвать?

– Нет, большое вам спасибо, дядя Витя!

Дверь поскорее закрыли и усадили Ларису Евгеньевну на диван. Разглядев Серёжу, она, как показалось, очень обрадовалась ему и с потерянным виноватым взглядом убедительно прошептала:

– Ты не думай, я только рыбки поем, посплю – оно всё и пройдет. Это ерунда всё.

Сергей шепнул Гене на ухо:

– Надо бы того, первого терапевта навестить...

– Чего-то типа этого я и боялся...

Ларису Евгеньевну напоили пустырником и уложили спать. Было видно, что именно сейчас Гене не до своего друга, он даже будто и забыл о его присутствии. Поэтому Сергей очень удивился спустя пару минут, когда Гена, словно сбросив с себя груз тяжких идей и дум, расправил затёкшие под гнётом скорби мысли, непринуждённо улыбнулся:

– Ладно, а что у тебя-то стряслось? Тебе-то почему дома не спится?

– Да как тебе сказать... – Сергей вкратце пересказал Гене историю с садом Иваныча. За время пересказа вновь включенное радио дважды передало сигнал точного времени.

– Слушай, мне кажется, что это всё не случайно...

– Да тут не в том дело, случайно или нет, а в том, что я неслабо подставился и теперь мне ноги надо на вахту уносить – чтоб подальше и чтобы подольше.

– Думаешь, поможет?

– Есть другие предложения? Если Елена Юрьевна даст показания, то мне крышка. Тем более, что они и так уже с сиреной по деревне катаются.

– Так и видела она тебя не у него на участке с канистрой, а под забором. В случае чего, иди в отказ и стой на том, что просто пьяный там валялся, а от её шагов очнулся. Очнулся, вспомнил, как в восьмом классе она тебе как раз именно такое подзаборное будущее пророчила, и поэтому ты от неё бегом и убежал.

– Слушай, вообще-то ты прав. Наверное, оно так и есть, но я всё равно боюсь. Вот если какой-то след остался, отпечаток или улика, а меня в оборот возьмут? С другой стороны, работы у меня всё равно нету, а так я двух зайцев убью – и денег заработаю, и от ментов отгребу.

– Ну, может быть... Только я тебе чем помочь могу?

– Блин, теперь я даже и не знаю, у тебя своя беда такая...

– Беда-то беда, но я к этому готов был давно. Сейчас ведь всё равно ничего не сделаешь – скорую вызывать бесполезно, поэтому пусть пока отоспится, а через пару дней я с ней к неврологу пойду. Развеяться мне надо, Серый! Переключиться на что-то. Хотя бы и на тебя.

– Тогда надо мои вещи и документы из дома забрать. И с котом что-то решить...

–Пф... Хорошо, что ты не какой-нибудь Хаттаб, чтобы вокруг дома ФСБ в кустах.

– Скажешь, блин, тоже! Короче, зайди ко мне домой, возьми документы – они в сумочке небольшой лежат, типа барсетки. Брезентовая такая. Шмоток возьми, которые поздней осенью пригодиться могут – там спортивная сумка лежит. И – во! Ты в сумку сначала документы положи, а сверху одежду. Если вдруг, мало ли кто тебя спросит, чего ты ко мне ходил, то скажи, что свою рабочую одежду забираешь. Да, и зарядку для телефона с наушниками не забудь.

– Завтра тогда съезжу. Но что с котом делать? Может, я его к себе заберу, пока ты в бегах вахтуешь?

– Он и тебя тут с ума сведёт.., – Сергей осёкся, но Гена сделал вид, что ничего не заметил.

– Сам кот с ума сойдёт и сдикнется – нашёлся Сергей – он же у меня вольный, деревенский: домой через форточку ходит тогда, когда ему вздумается, сам по себе гуляет. Может, у тебя получится раз в неделю ездить и корма ему сыпать – у него кормушка специальная, дней на пять хватать должно минимум. Тем более, что он у меня охотник. Перебьётся.

– Тогда без проблем.

Когда Лариса Евгеньевна уснула, Сергей достал из кармана объявление о вахте, повертел его в руках и, собравшись с духом, набрал номер.

Бодрый женский голос в трубке радостно приветствовал Сергея:

– Здравствуйте! Вы позвонили в аутсорсинговую компанию «Работа всем». Если вы хотите решить вопрос трудоустройства, нажмите «1». Если вас интересует поиск персонала, нажмите «2». Если вас...

Сергей нажал «1» и голос стал вкрадчивым и участливым:

– Вы хотите решить вопрос трудоустройства. Ожидайте оператора на линии... четыре минуты, – закончил уже какой-то совсем другой голос.

В продолжении этого времени Сергей слушал неопределённую музыку в трубке и рассматривал так удачно и доб-

ротом подогнаны друг к дружке обоим.

Наконец, на той стороне провода отозвались:

– Меня зовут Виктория, компания «Работа всем», здравствуйте!

– Здравствуйте! Звоню вам по объявлению, по поводу вахтовой работы...

– Что бы вы хотели узнать и как я могу к вам обращаться?

– Меня зовут Сергей Чулымов, я хотел бы узнать, о какой конкретно работе идёт речь, а то в объявлении всё как-то расплывчато.

– Тут дело вот в чём. У нас обширная база работодателей Москвы и Московской области, которая ежедневно пополняется новыми вакансиями и ежедневно к нам едут со всей страны специалисты, которые эти вакансии занимают. Тот есть та вакансия, которая актуальна в данный момент, может быть занята уже через несколько минут. Зачем я буду Вас обнадёживать или расстраивать, ведь ещё через пару минут появится новая и наверняка лучшая вакансия, правильно? Поэтому Вы уже на месте, в офисе с тьютором всё решите.

– С тьютором?

– Да, с вашим персональным наставником. К тому же предложение работодателей всегда превышает спрос, так что в любом случае Вам будет из чего выбрать. В вашем распоряжении будут как вакансии без специальной подготовки, а именно разные грузчики, упаковщики, разнорабочие, дворники и так далее, как и из должностей квалифициро-

ванных: повара, кровельщики, монтажники и прочее. Компания предоставляет комфортабельное жильё, обеспечивает питанием, помогает и способствует оформлению необходимых документов, если такие понадобятся.

– А сколько платите?

– Оплата труда, как и вакансии, соответственно тоже разная, но не менее, чем шестьдесят тысяч за два месяца, которые вы получите по окончании вахты. Но это минимум, на практике редко кто работает меньше, чем за сорок тысяч в месяц. Также выплачиваются еженедельные авансы и различные бонусы.

– А график работы какой?

– В зависимости от объекта, но вы всегда можете подстроить его под себя, ведь мы охотно идём навстречу. Хотите – работайте пять на два, хотите – два на два, а можете и вообще без выходных.

– Хорошо, а где вы находитесь?

– Станция метро Новослободская, Вторая Миусская улица, дом 12, корпус б, цокольный этаж. Работаем каждый будний день с восьми утра до шести вечера. Я вам сейчас отправлю сообщение с адресом и контактами. На собеседование лучше приходить в первой половине дня, тогда уже к вечеру мы сможем определить Вас на объект. Сергей, я ответила на все ваши вопросы?

– Значит, минимум шестьдесят тысяч за два месяца, проживанием и питанием обеспечивают? Я всё верно понял?

– Да, всё в точности так.

– Большое вам спасибо! Думаю, что уже послезавтра буду у вас.

– Тогда отлично! До встречи, Сергей!

Ещё до полудня Гена вернулся из деревни:

– Короче, вот тебе твоё барахло. Никаких ментов не было, а была скорая, к одному алкашу вызывали. Засады нет, я с соседями поговорил.

– Фак! Ты что, с ума сошёл?

– Да меня тётя Тамара захватила – полчаса по ушам ездила про коз своих, про собак, про капусту и про соседа-бандита. Я ей, мол, вот ведь случись чего, так к вам сюда ни милиция, ни скорая не проедет. Она мне говорит, скорая-то ещё ничего, ругаются, но ездят, а вот ментов ждать нечего. Звонишь им: «Убивают!», а они отвечают, что раз ещё не убили, то и нам делать у вас нечего. В том году по у соседа хулиганы окна выставили, так участковый к ним только на третий день приехал. А не жарко было, начало апреля: они, бедные, с окном разбитым три дня сидели, и потом ещё день ждали обещанных криминалистов.

– Но ведь она со мной рядом живёт, через забор. Может, они сирену потом включили?

– Может быть и так. Чего им тоже – не Япончика ловят. Поди сирену-то скорая включала?

– Это к алконавту-то на вызов? Удивительно, что вообще приехали.

Сергей принялся рыться в сумке:

– Ага, всё, кажется, на месте. Паспорт, полис, пенсионное... Военник тоже тут. Нормально! Я тогда сейчас на вокзал, там поезда и дождусь.

– А чего это так рыбой пахнет?

– Лариса Евгеньевна очень просила рыбки – я ей мойвы пожарил с луком. Опять спит.

– Ну и хорошо, значит. Блин, может, тебе так с этой Москвой не пороть горячку – переждал бы у меня ещё пару дней, а там бы я ещё в деревню съездил, разузнал бы что к чему.

– Понимаешь, я Елены Юрьевны боюсь и нерасторопности наших ментов. Видела она меня и не могла не узнать, а когда её опросят – чёрт его знает. Может, вообще через неделю. Сам же говоришь, что те с выбитым окном ментов три дня ждали. И ведь они, наверное, участкового теребили, а Иванычу оно не больно-то упало – заявление написал и баста. Не хочу сидеть на измене месяц и каждого шороха бояться. Да и денег заработать хочу, приятное с полезным совместить.

– Ну, как знаешь. Чур чего тогда – до связи!

Глава III

19.09.201... года. Дорохово, Московская область.

Где-то вдалеке залаяла собака. Открыв глаза, Максим увидел серый потолок, освещённый тусклым, еле пробивающимся сквозь шторы хмурым сентябрьским рассветом. Потолок был подвесным и когда-то, наверное, белоснежным, но бывшие до него вахтовики, не заморачиваясь выходить на улицу или хоть в коридор, курили прямо тут и потому потолок стал серым. Достав из-под подушки телефон, Максим недовольно почесал в затылке – до будильника оставалось ещё восемь минут.

Он всю ночь пролежал с закрытыми глазами, но так и не смог уснуть: досада о том, что от отведённого на сон времени осталось только восемь минут, упала в душу, как булыжник в гладь тихого омута, покойно подёрнутого ряской. Но всплеск с брызгами перешёл в круги на воде, которые, разойдясь в стороны, докатились до берега уже не замеченными. В конце концов, ему не истребителем управлять – роллы он уж как-нибудь скрутит и с недосыпа.

Поднявшись и потянувшись, Максим заправил кровать, провёл по покрывалу ладонью и, убедившись в её почти идеальной геометрической ровности, обречённо вздохнул, опустился на пол и отжался на кулаках ровно тридцать четыре

раза. Ещё неделю назад отжиматься надо было только тридцать три раза, и эта перемена не слишком радовала.

Отдёрнув шторы, Максим обрадовался неожиданно яркой картине за окном – свет, казавшийся тусклым из-за плотной шторы, ослепительно освещал облачившиеся золотом деревья, а лазурное небо с белоснежными барашками облаков наполнило душу какой-то сладкой истомой. Теперь, несмотря на ощущение пришибленности, было намного приятнее смотреть в грядущее. Немного тревожил появившийся посреди ночи неизвестно откуда сладкий вкус во рту: чтобы избавиться от него, пришлось выпить три стакана воды. Максим успокоил себя тем, что ему это приснилось.

У другой стенки в комнате Максима стояла ещё одна кровать – там должен был спать его напарник, но тот почему-то не приехал и вторую неделю Максим работал в одну каску. Хорошо, что заказов было не так много и было время делать заготовки, следить за ротацией, поддерживать нормальную работу кухни. Плохо, что руководство могло принять решение вовсе не приглашать второго повара, видя, что Максим справляется и так, но при этом поднимать зарплату едва ли сочтут нужным. Эти мысли о беспомощной несправедливости раздражали, он гнал их прочь, но всё чаще какой-то голос из дальнего уголка сознания призывал к беспощадному и бессмысленному бунту. Бессмысленному, потому что уйти с вахты и не закончить работы он не мог даже на день раньше срока, ведь тогда по договору работодатель с полным правом

не выплатит ему ни копейки. Беспощадному же потому, что тогда одну вахту пришлось бы менять на другую: вернуться в Киров с пустыми карманами он тоже не мог. Ему надо было обеспечить себя хотя бы на месяц, чтобы иметь возможность ходить по инстанциям. Максим хотел восстановиться в органах. В тех самых Органах.

В силовые структуры он очень хотел вернуться, его туда манили две вещи. В первую очередь это была пенсия, до которой оставалось дослужить всего пять лет. Если бы он закончил службу, то до конца дней о хлебе насущном не пришлось бы заботиться. Во вторую очередь, Максим был человек честолюбивый и ему хотелось быть причастным к чему-то большому и важному. Хотелось ощущать то пьянящее чувство полноценности, верить в то, что он у руля, что он хотя бы немножко, но князь мира сего. Зловещий флёр от должности капитана службы исполнения наказаний был ему очень по душе. Хотелось быть, ярким, как пуговица с гербом на кителе, а не серым, как колпак повара-вахтовика. Максим по своей сути был пассивным пассионарием.

Вернуться обратно в систему ему мешало то, что шесть лет назад его уволили из УФСИН с уголовным штрафом, условным сроком и без права занимать должность в течение трёх лет. Тем, кто спрашивал о причинах, он обычно рассказывал об убийстве по неосторожности при выполнении спецоперации. Так же мог рассказать, что нанёс педофилу телесные повреждения средней тяжести, а тот оказался со

связями. Когда был в настроении, говорил, что его свои же подставили и пришили коррупцию, превышение служебных полномочий: не на чем было печатать рапорты и он купил две пачки «Снегурочки», чеки выкинул, а система-то палочко-галочная. Поди докажи, что не взятка от жулика? Управление само страдает – хочешь или нет, а паршивых овец в рядах выявлять нужно, даже если их нет. Вот он с этой бумагой и подставился.

Сам же он давно запутался и настоящие причины смешались с мифом. Но он был справедливо убеждён, что раз людей он не расстреливал, не растлевал и миллионов не растрачивал, то шансы вернуться в ряды есть, а спешил он потому, что после тридцати пяти лет его бы не приняли банально по возрасту.

Из окна комнаты Максима была видна железная дорога и дачный посёлок за ней. Где-то далеко шумело большое шоссе. Пора идти на работу.

Пошёл двенадцатый день вахты Максима и свою небольшую кухоньку он готовил к открытию автоматически, зная где, что и зачем лежит. Думая о чём-то своём, он включил в электрощитке группу кухонных розеток. Этим он пробудил к жизни бесконтактный гриль-саламандру, заставил тэны фритюрницы устроить круговорот холодного и горячего масла внутри своей чаши. Зашумела включившаяся индукционная плита и бесшумно стала нагревать вчерашний рис

рисоварка со смешным названием «Сискоо».

– Кукушка, кукушка, сколько мне тут осталось? – , Макс грустно улыбнулся и слил в раковину конденсат, скопившийся в сборнике рисоварки. Достал из морозилки филе лосося и положил на стол отходить до времени. Достал пакет с замороженными креветками, пересчитал – на сегодня должно хватить, новый полуфабрикат нужно делать только завтра. Мидий тоже с избытком, а вот грибов шиитаке катастрофический дефицит – надо будет поскорее нарезать те, что со вчерашнего вечера замачиваются в кастрюле.

Но первым делом надо поставить вариться новый рис, поэтому Максим поскорее заправил вторую рисоварку и пошёл поздороваться с Ольгой, которая только что открыла главные двери кафе. Должность Ольги гордо называлась «администратор», но на самом деле она совмещала в себе функции официантки, кассира и уборщицы, а администрирование шло как-то само собой. Себя она называла буфетчицей.

– Здравствуй! Как жаль, что ты вчера рано ушёл и меня дожидаться не стал. Тут такое было!

– Я ведь вроде по времени ушёл, – Максим поднял глаза на висящие на стене часы с большим белым циферблатом и толстыми чёрными стрелками. – А разве что-то случилось? Не было ведь посетителей, вторник тухлый.

Ольге было немного за сорок, но она старательно молодилась и держалась так, будто только вчера был тот знойный июньский вечер, когда она выпустилась из колледжа по специальности «киномеханик». Со дня выпуска Ольги прошло всего несколько лет, и этой специальности на рынке труда не стало. Не стало ещё и мужа, зато уже была любимая дочка и с тех пор дочку воспитывала не мама, а бабушка. Деньги на воспитание Ольга зарабатывала, катаясь по стране то проводницей, то официанткой, то кухонной работницей, то горничной и при этом не унывала.

– Из-за этих стрелок здоровенных тут постоянно плюс-минус две минуты, не разобрать. Ты без трёх минут ушёл.

– Ну так и что? Заказы всё равно до без пятнадцати принимаем.

– Случилось, блин. Три минуты двенадцатого уже было, а я ещё дверь не закрыла, зазевалась. И тут вваливается компания – два пьяных вдрызг мужика и две бабы. Один мужик с фонарём под глазом. Шли откуда-то – не то с дня рождения, не то с поминок.

– Ну так и послала бы их лесом. Закрыты ведь – чего ещё надо?

– Я им с ходу говорю, мол, извините, но кина не будет –

простынь спёрли, заходите завтра. Бабы и один алкаш сразу развернулись, хотя и на ногах еле держались, но последний, который с фингалом, начал пальцы гнуть, что раз дверь открыта, то и заведение считается рабочим и поэтому его обязаны обслужить. Я уж решила не связываться, понадеялась, что он обойдется кофе или чаем, предложила ему латте с халвой, но он, только прибавляя громкость, заявил, что желает пиццу. Я говорю, что повар ушёл домой, а печь для пиццы выключили полчаса назад. Он оглянулся на своих друзей, в наличии публики убедился и давай орать голимым матом, что его не колышет, кто там ушёл, а кто нет. И чтобы я метнулась резко и приготовила.

Максим быстро оглядел Ольгу и интерьер кафе – кажется, всё в том же состоянии, как было и вчера, без видимых повреждений. Поняв, что история закончится благополучно, всё же высказал, что вертелось на языке:

– Жалко, что меня не было, я б ему и второй глаз подправил. Но всё ведь обошлось? Ты наряд вызвала?

– Я сразу на тревожную кнопку нажала, а бухарику объясняю, что я ведь не повар, я не умею пиццу – я только кофе и чай. В него тогда будто демон вселился, даже его друзья испугались. Он попробовал запрыгнуть на барную стойку, но не смог. Ухнул, как филин, уперся в неё руками, как горилла, и давай верещать, что я еще не знаю кто он такой, а он моего начальника кореш, вместе с ним в школу ходил и завтра они меня оба тут нахлобучат по очереди.

– А ничего, что тут хозяйка – женщина?

– Так вот я до этого момента ещё опасалась, думала, мало ли кто такой? Вдруг действительно местный воротила? А оказалось, сопля поселковая, – Ольга снисходительно махнула рукой. – Так вот, мечется он тут, беснуется, рожа уже сизая – кажется, готов разорвать на куски.

– Но стойку не обходит, хотя пожалуйста – даже декоративного ограждения нет. Клоун! – Максим осёкся. – Мне это сейчас рассуждать удобно. Тебя-то он не напугал?

– А чего мне бояться? Оно же понятно, что перед друзьями и бабами рисуется.

Но ты бы видел, какая с ним перемена сделалась, когда ГБР приехали – парни ладные, под два метра, с автоматами. Упырь этот сразу побледнел, заткнулся и вдоль стеночки к двери двинулся, но охранник его так вежливо к стенке прижал и спрашивает, мол, чего шумим? Тот выпрямился, но руку не стряхнул, и давай излагать, что они сюда зашли без десяти минут, хотели сделать заказ, но буфетчица их обматерила неадекватно и он пытался добиться от неё жалобной книги.

Знаешь, он так говорил уверенно, что если бы не мятая рубаха, волосы дыбом и потная рожа с фингалом, то мог бы сойти за телеведущего с главного канала – прямо и дикция, и пафос какой-то неизвестно откуда образовались. Я даже испугалась, что он сейчас убедит охрану в том, что он тут единственный д`Артаньян. Но охранник на часы посмотрел

и говорит иронично, мол, это же вы целых двадцать пять минут жалобную книгу ждёте!/? Не притомились? Тот развел руками, мол, сам уже и не рад, что связался. ВОХРа его тогда нежно, как котёнка за шкурку, на улицу куда-то вывел, в темноту. Потом приехали менты, глянули на них – а там баба сидела с бутылкой шампанского. Меня старшина спрашивает: «они у вас вино купили?» Я говорю: «конечно же нет, мы вообще алкоголем не торгуем». Тогда он их всех задержал за распитие алкогольных напитков и в бобик погрузил. В общем, и смех, и грех.

– Хорошо, что всё обошлось.

– Но я до того удивилась той перемене... Знаешь, вот сколько в школе учили, что с людьми надо поступать так, как хочешь, чтоб с тобой поступили: что надо лаской, убеждением. А с некоторыми можно говорить, только если ты его на голову выше и у тебя автомат на плече. Это как если...

Но Ольга не успела закончить мысль – помещение наполнил звук наддверного звонка. В кафе вошёл гость и она поспешила навстречу, а Максим ушёл с раздачи обратно на кухню.

В кафе «Флэшбек», расположенном рядом с вокзалом станции Дорохово, вошёл высокий и представительный человек в рясе, с окладистой чёрной бородой: большая спортивной сумка была перекинута через плечо, а под мышкой этот человек держал деревянный ящик цвета морёного дуба,

плотно сбитый гвоздиками с жёлтыми шляпками. Ящик был для пожертвований и казался тяжёлым.

Он вошёл на первый этаж, усмехнулся, оглядев полиуретановую подделку под лепнину зала с претензией на греческий стиль, и пошёл на второй мансардный этаж. Тут ему понравилось больше, и он сел лицом к окну, прямо под балкой, обделанной чем-то вроде папье-маше. Сев у окна, погладил бороду и с прищуром осмотрел зал.

Подошла Ольга, отстранённо глядя куда-то в сторону, бесстрастно подала меню, но, увидев наперстный крест, с перепугу сделала книксен и перекрестилась. Батюшка сделал вид, что не заметил её смущения и, не открывая книгу, нарочито окая обратился к ней:

– Хорошо тут у вас, лофтово. Дочь моя, что подают сегодня в вашем заведении приличное мне по сану?

– У нас всё самого высокого качества и наипервейшей свежести. Ой..., – она заметно покраснела и потупила глаза. – Тут дело в том, чего ваша душа желает. Вам бы я порекомендовала лапшу удон с говядиной или салат цезарь с...

– Ты смотри, сегодня постный день – усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, потому чтоб без мяса. Не желаю оскоромиться.

– Тогда вашему вниманию японское меню. Пожалуйста, вот суши, роллы. Есть горячие, есть запечённые, есть в темпуре. Есть большие роллы гранд – там одной порцией можно наесться, а кроме рыбы и риса ничего и нету.

– А с какую рыбицей сие большие роллы?

– Есть с лососем, есть с угрем, а есть с тунцом.

– А с тунцом которые, они не острые?

– Роллы «Бонито» скорее пряные. Там, конечно, есть зелёный лук и соус спайс, но это только для пикантности. Остроты нет.

– Ага, пикантность нам повредить не должна, в том греха нет... – с этими словами батюшка внимательно углубился в меню, долго что-то выбирал, причмокивал, и, наконец, сказал:

– Тогда ебаните мне бонито! И пшеничного нефильтрованного пива кружку.

– А вот пива-то у нас не держат... Мы вином уже месяц не торгуем, а винную карту убрать всё руки не доходят.

– И правильно! Нечего смущать паству – подай квасу!

Пока Ольга принимала заказ, Макс отнёс рыбную доску на мойку, а кухню заполнил дух сварившегося риса – такой приятный, теплый и зовущий к какому-то прекрасному далёку, которое осталось в том уютном зимнем дне с розовыми от мороза щеками... В тот день бабушка сняла со школьной формы Максимки значок октябрёнка. Формы тоже скоро не стало. Отмахнувшись от морока прошлого, Макс выключил рисоварку, открыл крышку, чтобы выпустить пар, и закрыл обратно – чтобы дойти до готовности, рису надо постоять

ещё минут пятнадцать.

Раздался писк и из кухонного принтера выехал чек:

«Ролл «Бонито гранд». Просят, чтобы сделал от души.»

Спустя минуту на раздаче появилась и сама Ольга:

– Ой, какой у нас первый гость сегодня необычный...

Макс, который в это время уже крутил на циновке большой рисовый рулет, словно её и не слышал:

– Вот ты говоришь, что пока к стенке не поставишь, то и говорить невозможно. Был у меня один такой же вот помощник, когда я в Лесном оперативником в колонии был. Типичная жертва мамы с папой, которые за него всё решили и отправили учиться на юриста, а ему бы в артисты, честное слово, или в психологи. Выучился парень, а таких вот птенцов без опыта, без связей и без службы в армии хоть пруд пруди. Помыкался, посувался – сперва консультантом поработал, втюхивая населению автомасла новейшего поколения за баснословные деньги, но населению эти масла были без надобности, так он и сидел на окладе без процентов. Поэтому подался подсобником на установку дверей – тут дело пошло лучше, но для широкой ноги всё равно мало.

Максим ещё раз прошёлся циновкой по граням ролла, которые теперь показались ему достаточно идеальными, и ролл благополучно отправился в лоток со стружкой тунца.

– Зато с этой работой молодому человеку пришлось понимание не только мирка папы с мамой. Как-то очень органично научился входить не только в чужие квартиры, но и в до-

верие к людям. Потому что дверь установить – дело не минутное, а какой же хозяин оставит свою квартиру попечению мастеров из газеты? Тут без догляда никак, а пока следишь, то почему бы и не поговорить? И кто будет вызывать мастеров эконом-класса?

– Разве пенсионеры какие-нибудь.

– Правильно, в основном пенсионеры и другие малоимущие слои населения, которые, однако, за своё малое имущество всерьёз переживают. Иногда и сироты попадались, которым государство по достижении восемнадцати лет квартиру выдало. Но и те, и другие в юридическом деле тёмные, вот дипломированный юрист Костя и стал по ушам им ездить. Предлагал тем, у кого есть право на недвижимость, выгодные сделки – мол, давай, мы твою квартиру продадим, получим деньги и купим другую квартиру, которую срочно вдвое дешевле продают. Он им рассказывал душещипательную историю о том, как на крюке для люстры в просторной гостиной повесилась генеральская дочка: то ли в институт не приняли, то ли любимый бросил. Теперь безутешный отец скорее хочет квартиру эту роскошную с рук сбить, чтоб ничего не напоминало, поэтому отдаёт чуть не даром. Но мы-то в ней жить не будем, говорил Костя доверчивым слушателям, мы сами её перепродадим, а новым хозяевам о генеральских обстоятельствах ничего не скажем. За какой-нибудь месяц сможешь миллион поднять! А мне десять процентов от сделки. Люди верили и добровольно оставались без квартир.

У сирот же, получивших квартиру у государства, право на приватизацию появляется только через пять лет, поэтому таких захочешь, а не разведёшь. Но и тут смекалка сработала. Он находил тех, которым до приватизации оставалось год-два и предлагал очень выгодную работу на Севере вахтой, а квартиру чего простаивать будет? – Давай её сдавать! Словом, втирался в доверие и под этим соусом заставлял подписывать много лишних документов, к знакомому нотариусу подопечных водил и доверенности на себя оформлял. Когда его взяли, то в отдельной папочке девять генеральных доверенностей на недвижимость нашли. Он как раз прокололся, когда пытался продать квартиру одного своего подопечного, а тот с вахты вернулся раньше времени. Хорошо, что успели до окончания сделки отозвать документы, а то бы пиши пропало.

Тут Максим вспомнил, что ролл уже несколько минут лежит в стружке, а Ольга как-то странно на него поглядывает, будто готовясь вот-вот сказать что-то непоправимое. Поэтому он быстрее достал ролл и принялся резать. Но говорить не прекратил:

– Так вот. Дали этому кексу два года общего режима. Понятно, что он сотрудничать со мной сразу же захотел, лишь бы я о деталях его статьи не рассказывал – на зоне много выпускников детдомов и того, кто сирот обижал, могут понять не в полной мере и под шконку загнать по тихой грусти со всеми вытекающими. Поэтому он регулярно докладывал

о пьянках, о наколках, о настроениях и намерениях других заключённых – старался, в общем, отрабатывать. И ему хорошо, и у меня с показателями всё в порядке... Ладно, потом доскажу, когда заказ отдашь.

Максим протянул Ольге нарезанный ролл, та поставила его на поднос, где уже стояла большая кружка кваса, и ушла к гостю.

Когда Ольга пришла к столику с заказом, батюшка сидел переодетый в спортивный костюм Adidas, поверх которого была наброшена флисовая жилетка. Спортивная сумка стояла под столом, дароносица – рядом, на полу.

– Досадно, что в сей трапезной нету образа, дабы было на что освятить чело крестным знаменем. Но времена сей-час лихоимные и бездуховные, потому выкручиваемся в меру своей смекалки.

Батюшка перекрестился на окно, выходящее на запад, отхлебнул кваса, взял двумя палочками лохматый ролл, обмакнул его в соевый соус и, резко и коротко выдохнув, отправил его в рот. Принялся вкусно и задумчиво жевать.

Ольга откланялась и ушла обратно к раздаче на первый этаж, где её уже ждал Максим, с ходу продолживший:

– И вот однажды прихожу я из отпуска, вызываю Костика к себе. Сажу его на табуретку, начинаю вопросы задавать и тут он достаёт из кармана телефон и небрежно так в руке крутит. Я интересуюсь у него пока корректно: «Ты берега-то не попутал, родной?». Он ногу на ногу закинул и, ухмыля-

ясь так, с прищуром на меня сморит и, нарочито выговаривая гласные, мне говорит: «— Начальник, ты мне теперь никто! Я на Управление теперь работаю, они мне УДО обещали через полгода и телефон для связи с ними выдали!». В голове у меня сразу рой мыслей, выстроившихся в стройный ряд: если он действительно на Управление работает, то выдавать мошеннику в зоне телефон это последнее дело, ведь он с телефоном таких делов наделает, что только один Бог ведаёт, при этом после работы я хотел к теще заехать в сад, помочь яблоню подрезать и у меня в пакете лежит секатор для сучков. Решение пришло само собой. Расстегнул я верхнюю пуговицу рубашки, завернул рукава, взял секатор, встал и говорю: «Я, того рот наоборот, тебе сейчас этим секатором палец отрежу, а ты его в Управлении потом предъявишь. И жуликов, которые с тобой сидят, лично в курс поставлю кто ты есть. А сам рапорт напишу и пойду школу охранять».

Костя сразу в лице переменялся — побледнел, заикаться начал, телефон на стол положил, встал и, пятясь, из кабинета моего молнией вылетел. Мне потом в Управлении сказали, что это они специально меня проверяли и что экзамен я выдержал. А Костя продолжил с ещё большей прытью мне своих товарищей сливать.

Ольга внимательно слушала, следя за тем, как Максим эмоционально размахивает руками и надеясь, что гость со второго этажа не слышит его речей.

— А самое главное, что парень этот очень видный, высокий

и статный – такому в кино играть какого-то казачьего атамана: Ермака или Матвея Платова. И голос красивый, такой глубокий баритон. Все природные данные, чтобы артистом быть, а не людей обманывать. Не мудрено, что такому сходу доверишься, ведь просто олицетворение всего самого хорошего. Жаль, что в Кирове нету театрального ВУЗа – может, на сцене он бы нашёл себя.

– Так может он ещё исправится. Не знаешь, что с ним после отсидки сделалось?

– Не знаю, но уверен, что с проторенной дорожки ему не свернуть и даже если выберется из этой колеи, то всё равно потом обратно свалится. Нормальной работы ему не найти, поэтому ему не будет давать покоя мысль, что чем год работать и заработать двести тысяч, лучше одного лоха обуть и за один раз два миллиона в карман положить. Это как бросить курить – неделю не куришь, месяц, год, но потом обязательно сорвёшься. Только за сигарету по этапу не повезут.

Когда Ольга пришла рассчитаться с батюшкой, тот укладывал разобранную дароносицу в сумку.

– Ох, и уважили вы меня! А как зовут того кашевара знатного, что готовил трапезу?

– Максимом его зовут, – Ольга немного стушевалась, потому что испугалась, что батюшка может быть недоволен роллами, а она выдала коллегу.

– Низкий ему поклон! А он украинец, белорус?

– Нет, он наш, русский. Вятский парень.

– Вятский – значит, хватский! Я когда-то имел благодать провести там три года, которые наставили меня в моём пути и укрепили веру. Истинно говорю!

– А там какой-то мужской монастырь?

– Можно и так сказать. Там когда-то Эдуард Стрельцов свои страсти смирял.

Ольга, услышав известное имя, но не зная тонкостей биографии знаменитого футболиста, одобрительно сжала губы. Бородач же продолжал:

– Это мой духовный университет, ибо там я познал правду. Однако, дочь моя, а повар ваш племени русского? Не вотяк, не черемис?

– Не знаю даже... Я и о национальностях таких не слышала. Но, нет, могу вас уверить, что он русский. Такой же, как и мы с вами.

– Да и верно – если бы на моей тарелке были кожыпоги или сока, то я бы ещё подумал, а тут – суши, – батюшка довольно и утробно улыбнулся. – Суши дело тонкое и очень хорошо, что у вас русские готовят. Это прямо чувствуешь, энергетика у пищи другая. Славно готовите, очень славно. Сколько с меня причитается?

– С вас триста девяносто пять рублей.

Батюшка долго копался в кошельке, и наконец достал мятую бумажку в двести рублей, одну сотенную, одну пятидесятирублёвую. Сорок пять рублей он высыпал мелочью на

скатерть. Собрав их со стола, Ольга поняла, что скатерть придётся стирать.

– Не будешь ли ласкова, дочь моя, подскажи страннику, как отсюда уехать до Петрищево?

– А вот вы как выйдете, так идите налево – там сразу за переездом будет остановка. Автобусы часто ходят, ждать не придётся.

– Благослови тебя Бог!

Сидя на стуле спиной к окну и положив одну руку на стоящую на колене сумку, батюшка теперь походил на Пугачёва из учебника истории, где донской казак брался судить и миловать по своей воле.

Ожидая, пока микроволновка разогреет обед, Максим глядел в окно вслед уходящей к автобусной остановке фигуре. С перекинутой через левое плечо спортивной сумкой и сигаретой в правой, субъект вразвалочку шёл к переезду. Что-то из далёкого прошлого померещилось, будто когда-то он уже видел такую походку.

– Блин, ну бандит из девяностых – ни дать, ни взять. Клоун! – Прозвенел звонок микроволновки и Максим достал пышущую паром глубокую тарелку. Обед был готов.

Когда с едой было покончено, Максим вышел на пожарную лестницу покурить. Что-то зашуршало в кустах на другой стороне дороги и Максим спустился по ступенькам вниз.

Как только он ступил на тротуар, откуда-то из разросшихся кустов сирени выехал мужик с синяком под глазом верхом на собаке. Огромная кавказская овчарка тащила за собой пьяного и щуплого человека в чёрной форме с надписью на спине жёлтыми буквами «Охрана». Мужик держал собаку правой рукой за ошейник и почём зря лупил её кулаком левой. Косые удары вовсе не тревожили большое и сильное животное. Мужик, казалось, это понимал и только больше ярился, поэтому ещё меньше попадал в цель:

– У, кобелина ты сучья! Шкура дешёвая! Вот ты мне скажи, вот как так-то, а? Что там эта кобыла хотела? Ты почему не тьявкал? Ты почему этой твари горло не перегрызла? А кочегар тот заднеприводный? Вот теперь что делать-то, а? Нет, ты мне скажешь, я добьюсь от тебя! Ты есть подчинённая мне единица!

Собака встала, флегматично посмотрела по сторонам, заметила Максима, остановилась и печально опустила глаза, будто извиняясь за поведение своего спутника. Охранник иначе понял намерение животного. Решив, что то наконец покорилась его воле, он отпустил ошейник и размахнулся что было духу, чтобы ударить собаку ногой, но промахнулся и грохнулся на землю, больно ударившись затылком об асфальт. Животное в этот момент подняло голову и пошло через дорогу в сторону Максима. Пошло спокойно и размеренно, а пьяный, который так и остался лежать на асфальте, вдруг заплакал:

– Ну как же так? Сука! Сука! Сука! Кобыла ночная! Я же на разряд сдал, я же аттестацию прошёл! Кобыла сучья! Парабола корявая! Сучья ночная кобыла!

И он снова заревел в голос. Собака подошла к следившему за всем этим Максиму, остановилась перед ним, подняла голову и внимательно на него посмотрела. Несмотря на всю телесную свирепость животного, никакого страха или тревоги не было. Максим опустился на одно колено, погладил голову собаки и почесал за ухом. Когда смотрел между ушами, то увидел, что рядом с хныкающим пьяницей ходит большая чёрная птица. Кажется, ворон. В этот миг собака шумно выдохнула, отстранила голову и пошла мимо него, куда-то в сторону железной дороги. Туда, где шумело шоссе.

Максим оглянулся на лежащего и всхлипывающего пьяницу и, хмыкнув, стал подниматься по лестнице. Спешил закончить с замоченными грибами шиитаке, пока не пошли заказы. Ворона уже не было.

19.09.201... года. Плацкартный вагон. Киров-Москва.

«Возможно, на тебя смотрит миллионер!». Это такая наклейка на зеркале в туалете плацкартного вагона. Наклейка пропагандирует железнодорожную лотерею, а в зеркале отражается печальное и уставшее лицо Сергея. Интересно, сколько людей соблазнилось и приняло участие в этом мероприятии? С одной стороны, от надписи веяло какой-то вахтёрской уверенностью и она очень гармонично вставала в

один ряд с табличками, оспаривать правомерность которых бессмысленно: «Не курить!», «Не прислоняться!», «Ногами на унитаз не вставать!». И, если судить по шрифту и стилистике, повелительно-указующие таблички и рекламу розыгрыша делал один и тот же дизайнер. Причём делал пакетом, скопом, гуртом и за одну и ту же зарплату. Из-за этого казалось, что вероятность увидеть в зеркале миллионера была сопоставима с вероятностью испортить био-туалет или получить штраф за курение. Но, с другой стороны, чтобы не курить и ломать унитазы никаких усилий прилагать не нужно. Значит, не было смысла участвовать в лотерее, потому что смотрящим миллионером ты являешься также, как ты являешься тем, кому не стоит прислоняться к дверям и вставать на унитаз ногами.

Поэтому возможный миллионер смыл следы своего пребывания в пахнущий хлоркой биотуалет, который оголтело всосал полученное с жутким хлопком и будто холостым контрольным выстрелил в пустоту. Потом миллионер вымыл руки непригодной для питья технической водой и почистил зубы. Ведь если пить нельзя, то полоскать же можно? Но реклама лотереи всё равно примеряла на смотрящего шкуру миллионера: как было бы здорово вырвать без боя у судьбы кусок, который тебе не принадлежит! Кусок, которого ты не заслужил, и который всё равно не пойдёт тебе впрок. Так что Сергей решил в лотерее не участвовать. Он вышел из туалета и, пройдя несколько метров вдоль торчащих в его сторону

разнокалиберных пяток, сел за откидной столик, достал из рюкзака кружку, вынул из нагрудного кармана пакетик чая и пошёл в другую сторону вагона за кипятком снова мимо пяток, обмундированных в носки самых разных цветов и фасонов.

– ...что президент РЖД плацкартные вагоны назвал стриптизом коллективным, поэтому...

Набрав кипятка из титана, похожего на какую-то адский механизм, сочинённый сумрачным гением на погибель человекам, Сергей заварил чай. Вагон постоянно дрожал, шатался, кренился в разные стороны и сохранить равновесие стоило немалого труда.

– ...значит, пусть он в своих шубохранилищах этим и занимается, потому что иначе...

Сергей вернулся на своё место и сел лицом в направлении движения поезда. Хотя было уже темно, но движение за окном чего-то невнятного и таинственного в своей непрерывности казалось умиротворяющим, а изредка мелькающие огни семафоров казались чекпойнтами, золотыми воротами из компьютерных игр детства и это успокаивало – значит, ещё один шаг к цели сделан.

На следующем перед Сергеем нижнем боковом месте сидел одетый в тельняшку мужчина лет пятидесяти в очках и с бородой. Мужчина пил чай из стакана в подстаканнике и читал потрёпанную книгу, изданную в те времена, когда ещё не севшая на нефтегазовую иглу страна приходила в себя от

первого полёта человека в космос. Материал переплёта этой книги был каким-то совершенно привычным, но при этом непонятным – это была не ткань, не кожа, а нечто среднее. Вроде вещь повсеместная и привычная, а как назвать и что это вообще такое и знать не знаешь. Оттого и неловко, потому что стыдно осознавать, что и привычных-то, обыденных вещей не знаешь. На обложке было написано «Вещий», а вот следующее слово было закрыто ладонью читающего.

Соседями Сергея сбоку были двое: похожий на сильно обрусевшего итальянца худощавый и неприятно небритый мужчина лет сорока, а напротив его койки суетилась примерно тех же лет статная женщина в очках – неотразимо яркая блондинка с землистого цвета лицом в оспинах.

Расстелив на столике газету, женщина достала из сумки что-то завёрнутое в целлофан и напоминающее батон колбасного сыра. Она нарезала его под углом тонкими ломтиками и внутри, как начинка в рулете, оказалась колбаса с мелкими вкраплениями жира. Всё это время мужчина сидел с толстым сборником сканвордов на коленях, но ручки у него не было.

Совершив тот же, что и Сергей, отважный поход за кипятком, женщина насыпала в кружку кофе «три в одном» из пакетика, томно посмотрела вдаль:

– Вы не в курсе, скоро остановка? – спросила она у потрепанного «итальянца».

– Если чтобы покурить выйти, то до Нижнего терпеть при-

дётся, – плацкартный челентано деловито посмотрел на циферблат наручных часов, которые он достал из кармана треников. – Значит, ещё шесть часов ехать.

– Тогда нам остаётся только кофе пить, – женщина положила обе ладони на столик. – Давайте знакомиться, что ли, дорога ведь не близкая? Меня Марина зовут.

– А меня Леонид, – он поперхнулся. – Лёня то есть.

– Очень приятно, Лёня. Вот, угощайтесь, – Марина обворожительно улыбнулась.

Мужчина, заметно стусевавшись этой улыбкой, недоверчиво взял кусок, и разглядел внутри сыра колбасу:

– Ничего себе! Два в одном!

– Да, мы любим удивлять аудиторию, на которую нацелены, – при этих словах Лёня покраснел и положил ногу на ногу. Заметившая это Марина продолжала:

– Я в Москву еду, командировка от колбасного бутика «Шилкрафт». Буду выставлять и демонстрировать прелести и деликатесы нашей компании: саями из кабана с белыми грибами, сыровяленые чипсы из оленины, чоризо из медвежатины, бобриный брегенвурст, мортаделла из тетерева, брауншвейгская из лосятины и кабанятины, сырокопченая колбаса из гуся с коньяком в сыре а-ля грюйер... Вот она, как раз на столе. Ну, чтоб вы знали, что едите. Вкусно?

– Да просто объедение! – обалделый замухрыжка заёрзал на койке.

– Всё натуральное, настоящее. Своё то есть, вятское, –

сложив руки на груди, блондинка посмотрела в окно, словно позировала для портрета. – У нас налажена работа с промысловиками и в этом деле мы первые если не в России, то в нашем регионе точно. Правда, выхода на большие сети пока нет – у нас ведь рука руку моет, поэтому может быть в столице и получится найти свою нишу, выйти на рынок и заинтересовать бизнес-партнёров, а у себя дома... Но не будем о грустном. Вот вам, например, понравилось?

– Очень вкусно, говорю же. Думаю, такое вот многих заинтересует.

– Да вы больше берите, не стесняйтесь! Вороне бог послал не один кусок.

Губы мужчины скривились, будто он одновременно хотел плюнуть и выматериться, но не сделал ни того, ни другого:

– Ой, а вот о воронах не надо, ладно?

– Почему?

– Да Юлька, дочка моя, просто на этих воронах свихнулась – никакого спасу от неё нет. Читает про них с утра до ночи, прикинь, да? Пока её подруги по дискотекам, она какие-то мифы мусолит. Нормальные девки в кино ходят, по каткам разным, клубам, а ей ничего, кроме этой сволочи летучей, не надо. Она даже домашнего ворона заводила!

– Это ведь накладно, наверное? – с кажущимся очень искренним интересом спросила Марина.

– Ещё как накладно! На день рождения выпросила. Вот что нормальной девке надо? Правильно: телефон, платье,

туфли, а этой... Главное, стоит-то он ни разу не мало! Две моих зарплаты! Я ей сразу сказал: «Тебе надо, поэтому ты за ним и ходи. И чтоб он по квартире не летал!». Так он месяц у неё в комнате просидел и изодрал все обои, все подушки изнахратил, все углы загадил, а она в нём души не чаёт! Даже когда он ей из ноутбука все кнопки повыдергал, она ему только пальчиком погрозила! И молча в мастерскую пошла. У меня не заикнулась даже на ремонт денег попросить. Но из терпения я вышел, когда он её в плечо клюнул, причём до крови аж! Она-то ничего, но я думаю, а если в другой раз он её в лоб или глаз? Изуродует ведь на всю жизнь и куда я... – он оборвался на полуслове. – В общем, пока она в школе была, я пришёл в её комнату, открыл окно и этого – метлой! Выгнал, окно закрыл, а потом стекло разбил, будто это птица сделала. Дочка три дня ревём редела!

– Ох, извини, что прерываю, но не мог бы помочь мне достать матрас с третьей полки, а то я до этой верхотуры не допрыгну сама.

Леонид торжественно встал посредине первой полки и вытянулся, насколько хватило сил, Марина как будто совершенно случайно потёрлась плечом об его бедро. Когда же она заправляла койку, то опять же совершенно случайно, но надолго задержала свой призывно обтянутый пёстрыми леггинсами тыл ровно напротив лица Лёни. Леггинсы были неприлично меньшего размера, чем им бы следовало быть. От всего этого Леонид вспотел, в растерянности потёр ру-

кой татуировку на левом плече со щитом, мечом и буквами «ПВ». Потеряв было нить разговора, но не имея сил продолжать молчать, он вспомнил и продолжил:

– Теперь боюсь, что на Новый год ещё одного птеродактиля выпрашивать начнёт. И разговоров у неё только о воронах! Сказки детские читает – то про Крабата, то про Ворона Вороновича, а раз друзей у неё нет, то эти все свои мысли и идеи она мне излагает – и что Черномор у Пушкина это ворон, и про яблоки молодильные у ворона в саду, и про то, что Жар-Птица на самом деле ворон.

– Так она ведь на то и Жар, она яркой должна быть, чтоб светится!

– И я ей о чём! Он же чёрный, говорю! А потому и чёрный, говорит, что единственный до Солнца долетел и жар его вынести смог, но только почернел, закоптился.

– Ну, логика, конечно, есть...

– Да что там логика... Я теперь знаю, что во время войны сам Черчилль велел воронов в этом... как его у них? Башня-то ихняя?

– Биг Бен? – что-то вспыхнуло в глазах Марины. Лёня сглотнул:

– Не, Тауэр, во. В этом самом Тауэре Черчилль воронов и подкармливал – англичане очень суеверные были и верили, что если вороны с насиженных мест снимутся, то быть беде. И что у Одина, бога чухонского, два ворона было – первый за него мыслил, а другой за него всё помнил. И у половины

греческих богов тоже всё вороны – у Афины, у Аполлона, что у этого... врач-то который древний?

– Эскулап? – Марина поёжилась плечами, будто ей вдруг стало холодно, но Лёня увлёкся рассказом и ничего не заметил.

– Не, Асклепий! Во имечко-то, да? А запомнил, потому что каждый день по десять раз! Да фиг с ними, с греками! Чукчи наши, не спились ещё которые, думают, что мир ворон создал. Не знаешь, у них там на этом севере вообще вороны есть?

– Там их если им только на выставках кто показывает, в зоопарках. А вообще север – это же очень грустно и холодно. Как там люди вообще живут? Мне и в нашем климате очень холодно и зябко... – Марина уже обхватила себя за плечи и вся сжалась, как живописная Алёнушка, которой для полного несчастья в жизни не хватает только козлёночка. – Я на медсестру училась когда-то – мечтала в Пицунду уехать, в ведомственный пансионат. Там и платили хорошо, и климат хороший... Но потом Союз развалился, а следом и Пицунды, считай, не стало. Поэтому я бросила училище и пошла в бухгалтера. Но по специальности не работала совсем, всё только числилась. По сути, была то секретаршей, то директором исполнителем в масштабах двух киосков и одного подпольного цеха, а то и козой отпущения, на которую в случае чего шишки повалятся. Слава богу, что не получилось ни разу из меня козу ту сделать – обычно всё как-то само со-

бой или закрывалось, или хозяина съедали рыбы покрупнее.

Кажется, тут я тоже уже своё дорабатываю – кирдык конторе приходит, несмотря на эти все понты. Я Андрею Ивановичу, директору нашему, говорю, что лучше в Петербург ехать, ведь в Москве одни мусульмане да евреи, а продукция наша не кошерная и не халяль, но он уверен, что Питер – та же провинция, только с метро и музеями, а сила и деньги в Москве.

Марина грустно потупила глаза, вздохнула и, немного помолчав, продолжила:

– Но мне-то что? Лишь бы командировочные платили. А вообще поездка эта только манёвр перед тем, как компанию продать выгоднее – мол, участники Экспоцентра, все дела.

– Вот что в Москве одни жи... евреи и мусульмане, так это ты в самую точку! Без них и у меня не обошлось! Юлька сейчас индейскую мифологию читает. Ага! Я ей говорю, что ни хрена своей мифологии у этих индейцев нет, всё у других народов спёрли, а может быть и не спёрли, а просто кто-то эти «индейские» мифы за самих индейцев выдумал. Выдумал, а теперь печатает и девочкам молодым, которые ещё ничего не понимают, подсовывает. Ведь этих чингачгуков, считай, и не осталось совсем – кого поубивали, а кого по заповедникам разогнали. А заповедники эти по другую сторону океана и уж сильно вряд ли, что моя Светка когда-то там окажется и спросит у первого встречного могикинина про его ворона любимого. А потом сам давай кумекать и понял,

что к чему. Не в индейцах тут вообще дело, ими одно что прикрываться удобно. Ни за что не поверишь!

– Неужели мусульмане? – ещё только что такая беззащитная Марина распрямила плечи и скрестила на груди руки.

– Почему же мусульмане? Еврейские это всё проделки, – Леонид обрадовался, что удивил Марину и торжествовал, как кочет на плетне. – Ты знаешь, что Христа меж двух разбойников распяли? Один его уважал, уверовал на кресте-то... Но не в первом дело, а во втором, который над Христом стебался. За эту глуму прилетел ворон и выклевал тому разбойнику глаз! Маленько непонятно, да? Тут штука в том, что был такой пророк Илия, тоже очень почитаемый... Илья пророк ведь и мой покровитель! Я ведь в ВДВ служил когда... Но об этом потом, – Леонид снисходительно прищурился куда-то в район сомкнутых колен Марины. – Короче, дело в том, что пророк Илия вороном оборачивался и Христа в пустыне кормил. Понимаешь? Он и был тем вороном, который разбойника уконтрапупил прямо с неба! И я подумал о воронах вообще, без всей этой мифологии художественной. Тут и вспомнил, что нос у воронов огромный, и каркают они противно, и чёрные, и падальщики, и жадные очень, под себя гребут? – довольный собой Лёня откинулся на койке, скрестил руки на груди. – Понимаешь меня теперь? Вороны – евреи мира животных! Жиды с самого детства пытаются детям внушить, что вороны хорошие на самом-то деле! Что и мудрые, что и добрые, чтоб верили им. Хитро дей-

ствуют, не напрямую, а на подсознание, исподтишка... Зато наверняка! Вот тебе и Каркуша с самых яслей по телевизору, а как подрастёт – тут и Карыч. Думаешь, стихотворение у поэта По про ворона знаменитое такое потому, что уж очень написано распрекрасно? Нет! Потому что евреям на руку пришлось – они его и раскрутили, чтобы такие вот дурёхи, как моя, читали и думали...

Леониду казалось, что он производит на Марину грандиозное впечатление, поэтому он вспомнил телевизионное выступление какого-то генерала конца девяностых:

– Нет, ну сучье племя, а? Я бы их в окно выкидывал, вот прямо в темноту эту – на щебенку и под колёса! Так что, чёрный ворон, я не твой! – Лёня призывно подмигнул. – А бабы-то их, еврейские, они ведь когда...

– Подожди, я сейчас схожу мочалку выжму, – сказала блондинка, встала и ушла в сторону туалета. Там она миллионершу увидит.

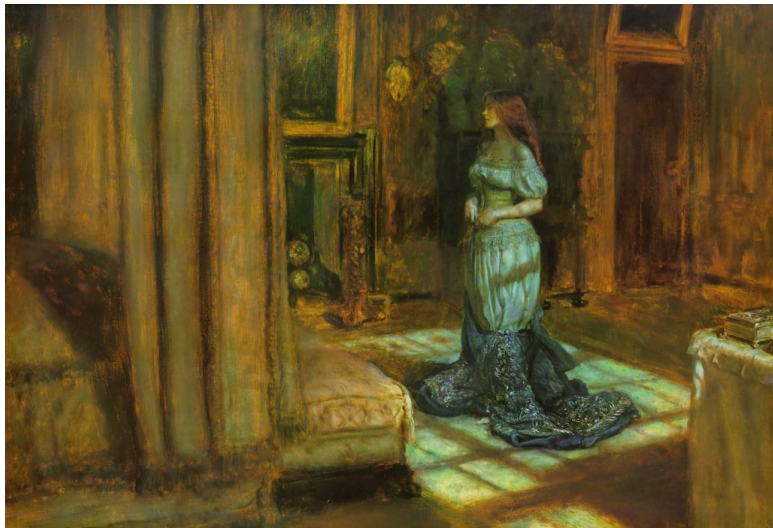
Сергей наконец уснул и проспал тревожным, беспокойным сном, пока его не разбудили пьяные вопли:

– Что ты мне руки крутишь, гад? Ты на кого наехал, э? Слышь, пёс?! Знаешь вообще кто я? Подрядчик, мля, в законе коронованный! Я нюх топтал! Погоны с тебя сниму!

Пока здоровенный полицейский выводил буяна из вагона, проводница объясняла что-то второму, который был немного меньше первого:

–... Да, это он в туалете покурил, зеркало разбил и ещё

какой-то пакет в вакуумном унитазе смыл. Теперь до Москвы никому туда не сходить... Конечно, я его предупреждала, но он же пьяный в стельку. Так что забирайте его, а потом он пусть как хочет, так от Нижнего и добирается.

Сергей вышел следом на перрон и молча смотрел, как упирающегося Лёню полицейские вели куда-то за здание вокзала. Дул холодный пронзительный ветер и полицейские были очень не рады ночной работе, поэтому Лёня несколько раз стукнулся о стену вокзала, которое в этом освещении казалось одинокой базальтовой скалой. «Вещий» в тельняшке

стоял рядом и курил:

– Интересно, что он завтра сделает первым делом, когда очухается? Подумает, что напрасно не определился как зовут его дочку: Юля или Света? Или пожалеет, что соврал про службу в ВДВ, когда на плече татуировка погранвойск?

Сергей удивлённо посмотрел на соседа, дремоту сняло, как рукой. Тот продолжал:

– Это же всё заметно даже слушателю, которому разговор вообще до лампочки, а если этот дуралей поверил, что им заинтересовались, то должен каждое своё слово взвешивать. Просто незачем было врать, вообще рот открывать не стоило – всё и так в руки идёт! Наверняка в его мечтах не только она угощала его колбасой, но и он от души потчевал её... Придурак так и не понял, что на нём испытывали силу женских чар перед столичным вояжем.

Сергей сплюнул в сторону:

– А сейчас он ментам будет впаривать о том, кто он такой есть. И ведь лепит, что он минимум какой-нибудь помощник депутата. А как в торец не прописать такому помощнику депутата из плацкарта?

– Это уж известно, сам бог велел. Так что и тут лучше бы молчал – отделался бы только пустыми карманами. Но вообще-то женщина эта разочарованная и менты раздражённые – ещё ладно. Свинство, но ладно. Если этот Лёня только окружающим врёт, а вот если он сам себе такую пургу метёт и в неё верит, тогда, считай, что всё: конченный он человек и

несчастнее его на свете нет.

– И где он такой дичи про евреев набрался?

– Наверное, в армии или у телевизора – когда он молод был, там разные выступали. Нассали парню в уши в молодые годы, а он эту веру свято пронёс сквозь года, – бородач в тельняшке захлебнулся каким-то нутряным натужным кашлем. С облегчением сплюнув, отдышавшись, он как будто на излёте заговорил:

– Знаешь, врать другим – ещё куда ни шло, потому что рано или поздно эти другие поймут, что к чему, отвернутся и уйдут. Но уйдут уже наученные лапшу с ушей снимать, опыт полезный получают. А если врать себе, то ты останешься один на один с обманутым самим собой, а от себя не уйдёшь и придётся вопрос решать кардинально. Если самому себе лжёшь и свою же ложь принимаешь, то до того доходишь, что никакой правды не различаешь ни в себе, ни в других. Поэтому перестаёшь себя и других уважать, не ценишь никого, не любишь, а без любви сам не замечаешь, как до полного скотства доходишь. Никогда себе не ври. Не забывай об этом, пожалуйста.

«Вещий» докурил и пошёл обратно к вагону. Уже подойдя к подножке и взявшись за поручень, он сказал, резко обернувшись назад и глядя Сергею куда-то выше глаз, в район лба:

– А переплёт моей книги из ледерина сделан. Ну, так. Вдруг тебе интересно.

Глава IV

20.09.201... года. Москва.

Потолкавшись в очереди освобождавших плацкартный вагон пассажиров, Сергей оказался на платформе Ярославского вокзала. Сам не заметил, как это произошло – платформа была вровень с дверями поезда, не такой, как в Кирове, где нужно было, придерживая поручень, смело ринуться вниз. Тут было проще – нужно просто сделать шаг и перед тобой...

Москва! Как много это слово значит для каждого не-москвича, впервые прибывшего в столицу: в нём былинное великодушие, и державная благодать, и государственное величие, и раскинувшееся широкой, спокойной рекой тихое могущество. Здесь вся национальная широта души и горный полёт снисходительной непоколебимости – и всё это в одном, таком дорогом для сердца каждом слове. Первым слогом которого будто вбираешь в себя, пробуешь, и, ощутив всю терпкую медвяность вкуса, в благодарном восхищении открываешь рот: «Мос-ква».

В самом воздухе этого города ощущается какая-то обволакивающая душу свобода, душеспасительная лёгкость и духотворная магия. Рюкзак за спиной кажется каким-то совер-

шенно невесомым, будто и нету его вовсе. Есть только высокое голубое небо, а под ним добрая мощь широких проспектов, которые непрерывным и нескончаемым строгим потоком незыблемо верно движутся куда-то вдаль во имя всего самого хорошего. Спешащие же среди фонарей и светофоров осмысленно-беспорядочные пешеходы – это шумный камыш и беспокойная осока у подножья холмов торговых центров, особняков и церквей, которые сами лишь подлесок для храмов, башен и небоскрёбов, увидеть вершины которых можно только если навзничь закидывать голову. Сергей почувствовал себя неуютно, ему захотелось поскорее стать частью всего этого: хоть ряской малозначной над омутом, хоть ракитовым кустом над стремниной, а хоть бы и ивой по-над берегом крутым. Даже спящий под памятником Ленину бродяга, вид которого в Кирове порядком бы смутил и озадачил Сергея, тут казался вполне органичной болотной кочкой, которая живёт по писанным самой для себя законам, и никто ей не указ.

Спустившись в метро, в котором ему ещё никогда бывать не случилось, Сергей сначала ничего удивительного не заметил, потому что прагматично всё новое пытался заместить и сопоставить с тем, что он уже видел; с тем, что стало ему привычным и обыденным. Поэтому станция «Комсомольская» в глазах Сергея сперва предстала каким-то глубоким подземным переходом, по которому электрички ездят. Конечно, это очень удобно, но из-за чего ажиотаж такой, почему столько

восторгов? Не будет же столько народу на ровном месте с ума сходить и восхищаться тем, что малейшего внимания не заслуживает. Подземные переходы кировчане своим достоинством не считали, громогласно не славили, а про метро Сергей сходу вспомнил целую уйму песен, которые играли на больших радиостанциях и клипы на эти песни показывали по самым центральным каналам.

Сергей встал и внимательно огляделся по сторонам... Именно здесь, по задумке архитекторов, Москва должна навсегда пленять собою людей, чтобы потом не верить их слезам. Глаза Сергея, как лучи прожектора, скользили по всем мозаикам, колоннам, лепнинам, барельефам, изразцам, скульптурам и колоннам. Взгляд старался зацепиться за одну диковинку и сконцентрироваться на ней, но где-то в уголке обязательно оказывался какой-то новый элемент, отвлекавший внимание, и стоило бросить первый и приглядеться ко второму, как тут же появлялся третий, а за ним ещё один... Сергея достаточно грубо толкнули, отчего он пришёл в себя и отошёл к одной из осмотренных им колонн и уже там, никем не тревожимый, в полной мере оценил окружающее его великолепие. Было, что оценить! Трубящие горнисты, словно архангелы, возвещали великую и радостную весть: "Ты в Москве, друг!". Иллюстрации слов великого и единого в одном лице отца и вождя нерушимого Союза были навеки впечатаны разноцветным битым стеклом в стены, достопамятно прославляя подвиги великого прошлого и самых его ярких

героев, принёсших своим окружающим так много радости и счастья. Угрюмый, но справедливый Дмитрий Донской словно говорил: "Молодец, что приехал! Скоро с нами в один ряд встанешь! Вон туда, куда Кутузов показывает! "

Мраморные стены вокруг блестящие и светлые, над головой купола: просторно, светло и душно, как в музее или храме. Но этот храм – он храм наоборот: не над ландшафтом окружающим высится, а под спудом хоронится. Так надёжнее будет. К тому же храм или музей – это дело праздничное, торжественное, требующее к себе особого отношения, уважения и настроения. Каждый день шастать не будешь. А в метро – не цель, а средство, здесь всегда многие тысячи волей-неволей, но приобщатся к исконному и общему. Тому, что и влечёт людей в этот город.

Улыбнувшись этим мыслям, Сергей сел в поезд. С такой же улыбкой он пересел на кольцевой и с этой же улыбкой вышел на нужной станции. И поехал вверх на эскалаторе.

Но на поверхности Сергея настолько ошеломили окружившие его призрачная тишина и безмолвная пустота, что улыбка спала с лица и он скорее поспешил по адресу из своего потрёпанного блокнота. Безмолвный вакуум ошелолил, навалился и накрыл с головой, как февральский сугроб, как сноп затхлого сена или зеленоватая вода пруда, когда широко шагнул и к своему ужасу не нашёл ногою дна, зато вкус и запах тины ударил в пытавшийся вдохнуть нос. Почему вокруг никого нет? Нету ни детей, ни пенсионеров, ни праздно-

шатающихся бездельников. Только на стеклянной остановке кто-то длиннополый сидел и чего-то ждал, а за остановкой дворник выметал окурки и с осуждением поглядывал на проезжающие автомобили. Стало неуютно, сумрачно и захотелось поскорее убежать от гнетущей пустоты.

Значит, корпус "б" двенадцатого дома по этой вот улице. Войдя в тень двора, Сергей почувствовал, как будто он попал в другой мир со законами, муссонами и приливами. Внутри квартала заметно какое-то копошение и атмосфера не та, которая была только что на главной улице у магистрали в восемь полос. Здесь, у дороги, на которой с трудом разъедутся две легковушки, всё какое-то совсем другое, независимое. Будто незаметно пересёк границу разных государств.

Здание, к которому Сергей держал путь в тысячу километров было похоже на сувенирный снежный шар, где под стеклянным куполом кружились снежинки и какой-то такой же стерильно-праздничной была и атмосфера вокруг него. То есть здание было вовсе не из ряда вон таким пряничным домиком, наоборот, оно было полутораэтажным сооружением непонятного первоначального назначения, обшитое чем-то тёмно-серым и блестящим с претензией на мрамор; больше походило на спрессованные мусорные пакеты. У фасада курили разные люди в одинаковых пиджаках и что-то весело обсуждали. Видимо, только что пришли на работу в свою то ли адвокатскую, то ли коллекторскую, то ли микрофинансовую контору – таблички Сергей не разглядел. Через дорогу

невнятные грузчики разгружали стройматериалы, а солидный мужчина в джинсах и футболке поло зорко следил за процессом. По той же стороне улицы, навстречу поло-мужчине показательно небрежно дефилировала надменная женщина младшего пенсионного возраста с апатичным далматинцем на поводке. То есть картина перед глазами обыденная, но что-то в ней смущало. Будто видишь перед собой недоделанную ещё аппликацию, где все элементы собраны, расставлены по местам, но пока не приклеены к листу, поэтому не составляют единства: чуть коснись листа или подует ветер – всё полетит в разные стороны, безвозвратно развалится. Словно отдельно друг от друга грузчики и мешки с цементом, а хозяин мешков тоже от этого всего отдельно. Унылый пёс бредёт по своему собственному пространству отдельно от поводка и тротуара. И уж давно отдельно от хозяйки, которую даже совместный всемирный эфир никак не объединяет с разными пиджаками на одинаковых людях. У этой молодой старухи аура упругая, напряжённая и пассивно-агрессивная, как скафандр. Пиджаки же обитали в своем пространстве – прокурено-инфантильном и вялотекущим по беспочвенности. Почему создатель этого коллажа бросил работу? Может, демиург заметил какую-то фатальную ошибку и ушёл в другое место творить что-то другое, научившись на горьком опыте? Или, сделав основную, главную и самую сложную работу, мастер оставил всё на попечение не весьма прилежному и старательному балбесу-уче-

нику? Или мозаичный бизнес у хозяина отжали завистники, которые сумели отжать, но не сумели дела завершить? Или демиурга, творца, создателя и криэйтора никакого вовсе нет. Отсюда и результат, который на лицо, когда всё к месту, но неуместно.

Как бы то ни было, а призывная вывеска агентства «Работа всем!» на торце здания указывала на подвал, который кокетливо именовался цокольным этажом. В этот подвал Сергей и спустился, процокал в цоколь и оказался в месте, которое ниже плитуса. Тяжёлая дверь открылась с трудом и скрипом. Наверное, тут когда-то был подвал продуктового магазина: вот и ниши от холодильных камер, а вот там, похоже, был дебаркадер с лентой для разгрузки и приёма товара. Значит наверху, в бывшем торговом зале магазина теперь делали бизнес мужики в пиджаках, а подвал достался рекрутёрам, которые обшили коридоры гипсокартоном и сайдингом и тоже обделывают свои дела.

В нишу стены была вмурована пятиэтажная полка, какие обычно делают для обуви, но много большие – туда соискатели складывали свои дорожные сумки. Ожидать своей очереди можно было на стульях с маленькой столешницей вроде тех, которые показывают в фильмах про американскую школу. О школе напоминал и офисный мольберт, флипчарт, на котором ничего не было написано, а у противоположной стены стоял маленький проектор. Вспомнив школьные годы, уроки физики и свою классную руководительницу, Сергей

почувствовал себя очень неудобно. Хорошо, что его вызвали почти сразу.

В небольшом кабинете метр на полтора сидела девушка с чертами лица жрицы ассирийской богини Нинлили. Глубокие, как колодцы Нинивеи, глаза этой вавилонской весталки хранили божественную радость процветания. На бейдже было написано «Алана, тьютор».

– Здравствуйте! Издалека к нам?

Сергей нерешительно расшаркался в дверях. Алана улыбнулась:

– Присаживайтесь, в ногах правды нет. Какая вакансия вас заинтересовала?

Сергей сел на табурет, поставил рюкзак на колени и обнял его обеими руками:

– Я, собственно, по объявлению этому вот..., – он встал, поставил рюкзак на табурет, долго рылся там, пока, наконец, не достал обшарпанный блокнот. В нём лежала рекламка, которую ему когда-то дал Иваныч. Сергей протянул Алане бумажку и та приняла её с каким-то подобострастным интересом.

– Я когда звонил позавчера, мне сказали, что заранее ничего обещать не могут, но работу подберут сходу. Вроде того, что много народу, много и работы, а расклад по три раза за день меняется.

– К сожалению или счастью, но вам всё сказали верно, – бодро отчеканила Алана. Глядя на солидную статью Сергея и

его бороду, которая скорее была длинной щетиной, девушка сомневалась и не могла определить кто перед ней: претендент ли на редкую хорошую должность, или вздорный маргинал, которого никуда не пристроить. Непонятный возраст, когда в начальники вроде рано, но и в подчинённых уже поздно.

– А что вы умеете?

Сергей, всё ещё не пришедший в себя от воспоминаний о последней встрече с учительницей физики, опешил:

– Ну, как... Могу плотничать, могу бетонщиком, могу кровельщиком маленько, в электрике тоже понимаю. А так – хоть охранником, хоть грузчиком, хоть разнорабочим. – Лицо Аланы просияло и очень красивые глаза даже заблестели.

– Ну, тогда подберем для вас место без проблем! Как раз в столовую завода требуется разнорабочий. Очень хорошее место – кто там работал, те потом обратно просят, часто на вторую и даже третью вахту остаются без отдыха. Оплата почасовая, по одиннадцать часов в день. График вахтовый, строгий – шесть на один. Жить будете в бывшем ведомственном воспитательно-оздоровительном учреждении недалеко от места работы. Питание, мытье, стирка – всё организовано. Если не ошибаюсь, у вас не только в месте проживания, но и на рабочем месте стиральная машина будет.

– Звучит неплохо!

Алана готовилась отвечать на вопросы, разъяснять что-то непонятное, убеждать, заискивать, поэтому приятно удиви-

лась стоворчивости Сергея.

– Значит, вы сперва поезжайте в медцентр, сдавайте анализы, а оттуда сразу на Белорусский вокзал и там садитесь на электричку до Дорохово. Как сядете, сразу позвоните по этому номеру Александру – он будет вашим бригадиром, встретит вас на месте, всё объяснит и всё покажет. Если вам что-то вдруг не понравится, если какие-то вопросы возникнут, то вы не стесняйтесь, сразу звоните – вот здесь номер вашего куратора, Николая Николаевича, а вот мой номер, если вдруг не дозвонитесь до него. Удачно вам отработать! Надеюсь, вам понравится у нас!

– Я на это тоже очень надеюсь.

Закрывая за собой тугую и тяжёлую дверь, Сергей оглянулся и увидел смотрящую ему вслед Алану. Почему-то ему было очень приятно и уютно отражаться в её глазах.

– ...совести нет! Они сейчас уже, осенью ранней в магазине египетскую картошку продают, которая дороже бананов стоит! Довели страну! – идущие навстречу Сергею двое активно обсуждали ситуацию на полках в магазине.

Под ноги попалась алюминиевая банка с улыбающимся лицом артистки и тут же полетела в сторону от удара ботинком. Странно выходило как-то, непонятно – куратор какой-то, бригадир, тьютор... Кто у них главнее, кто чем занимается, кто за что отвечает? Жалко, что не уточнил и не

разобрался. Как-то всё это неудобно, бестолково, эфемерно, беспорядочно, расплывчато, но интуитивно понятно. Гуттаперчево, как говорила бабушка.

Вот так вот, по совсем не гуттаперчевому городу, Сергей и не видел окружающих его достопримечательностей. Казалось, этот район строили так: сложили в один мешок уродливые торговые центры, помпезные офисы, церкви, храмы, хрущёвские пятиэтажки и особняки девятнадцатого века. Мешок завязали, старательно перемешали и высыпали так, как пришлось. А как пришлось – так оно и ладно: неудобно, бестолково, беспорядочно, расплывчато, но интуитивно понятно. Есть мнение, что бытие определяет сознание. Наверное, в данном случае автор этого тезиса был абсолютно прав.

Как он ездил в медцентр, что там делал, где покупал зубную пасту и зачем передел рубашку – всего этого Сергей не помнил. Это не провал в памяти, не амнезия – просто всех этих передвижений Сергей не заметил, как не замечаешь рутинных и безразличных тебе вещей. Иногда забываешь, чистил ли зубы, покупал ли билет в автобусе, точно ли повесил ключи на гвоздь. Не обращаешь внимания на висящий полгода у подъезда рекламный плакат или пропускаешь мимо ушей прогноз погоды для другого города: Твери, Турина или Салехарда. Это как тогда, когда он во втором классе умудрился кол за диктант схлопотать. Он точно помнил, как получил тетрадь с оценкой: «1(ед.)». Он помнил, что это был

второй урок, он помнил, что сказала бабушка, когда пришла с работы и попросила тетрадь. Он помнил, как был готов в самого себя вжаться, как вспыхнули щёки, но сердечко словно инеем покрылось... Но что было после, он не теперь не мог вспомнить даже примерно: ни в тот вечер, ни в ту учебную четверть, да и из всего того полугодия в памяти остался только последний урок, когда выдавался список литературы на лето.

В себя он пришёл только стоя у Белорусского вокзала, когда к нему подошла вкрадчивая веснушчатая барышня. Сергей подумал, что она хочет у него сигарету попросить, но та озорно глянула в сторону, обеими руками хлопнула себя по бёдрам, плавно провела ладонями снизу вверх, таинственно улыбнулась и вовсе не вопросительной, а восторженной интонацией объявила:

– Девушку на час желаете?

Не ожидавший такого предложения Сергей смешался и пробурчал под нос: «извините-спасибо-в-другой-раз» и поспешил на платформу, куда только что прибыла электричка до Можайска. Объявили посадку. Сергей позвонил бригадиру в Дорохово, тот сказал, что встретит, но чтоб Сергей ещё ему позвонил, когда подъезжать будет.

Алана и Николай Николаевич, мужчина под сорок в сером пиджаке, белой рубашке и чёрных джинсах, после окончания тяжёлого трудового дня сидели в кафе. Алана взяла ка-

пучино с корицей и морковный торт, а Николай Николаевич заказал флэт уайт и фисташковый чизкейк. Когда принесли кофе и чизкейки, Алана взяла чашку, с удовольствием вдохнула аромат кофе, но тут же поставила чашку на место:

– Николай Николаевич, дорогой, что-то я сегодня совсем измоталась. Вот уже видеть не могу всех этих несчастных, которые сюда приходят за заплатой «от сорока тысяч». Они ведь ещё не знают, что в конце вахты двадцатки не получают. Даже немного смешно видеть, какими барами они в офис заходят и как выходят с поджатым хвост, боясь, что и последнее-то отнимут и восвояси они ни с чем приедут. Сил моих нет больше. Можно мне перевестись на другую должность, с бумагами чтобы работать?

Николай Николаевич, до этого внимательно и с участием слушавший, отхлебнул из своей чашки и, что-то пожевав губами, собрался с мыслями:

– Алана, понимаешь, ты нам необходима именно тут, потому что при такой красивой, молодой и волоокой девушке ни одна гримза таёжная шебуршать не станет, не говоря уже о каком-нибудь пахаре воронежском, который таких как ты только в кино видал.

Щёки Аланы зарделись, она кокетливо поправила причёску, но тут же опомнилась и продолжила строже:

– Но мы же их обираем! По сути, забираем больше половины того, что они заработали и при этом остаёмся со своей и без того немалой комиссией. Разве это честно? Почему

сразу не писать в объявлении о реальной, а не мифической зарплате? Я сколько раз выслушиваю, что если бы человек знал об этих вычетах, то ни за что бы не поехал, потому что у себя дома он столько же заработает.

– Конечно же это не честно, – Николай Николаевич вытянул под столом длинные ноги в чёрных джинсах. – Но это всё равно лучше, чем у них в области! Эти, которые говорят, что у себя они бы больше заработали... Кхм.. Они считали, сколько они проживают, проедают и пропивают? Пусть сначала прикинут, а потом говорят, где их обманывают – там или здесь. Там у него после месяца работы если пятихатка на кармане в день получки осталось, так он рад и счастлив. А у нас он двадцать тысяч выхлопа имеет, ведь он ни на что не тратится: жильё, еда, телевизор – пожалуйста! Так что он в выигрыше, как ни крути. Разве что досуга у нас для него меньше и с дисциплиной строже, но им досуга и не надо – они ведь почти все алкаши и кредитники.

– Но они говорят, что ехали туда, где средняя зарплата, если верить тому, что пишут в газетах, почти семьдесят тысяч, поэтому человек уверен, что он не требует для себя многого. Им те же кредиты, ипотеки платить...

Губы Николая Николаевича опасно сузились:

– Ты семьдесят косарей получаешь? Вот и я не получаю. Слыхала анекдот такой? Судья обращается к свидетелю: «Я прошу вас на минуту забыть, что вы работаете в Госкомстате, и говорить суду правду и только правду». Нет, вот ес-

ли человек сам себя в угол загнал, сам в эту кабалу залез, то это я виноват разве? В его Владимире грузчику точно вдвое меньше платят, чем он заработает здесь. Так что пусть он лучше у нас на вторую вахту останется, чем у него банк каморку отождёт.

– Да мы вообще рабовладельцы какие-то получаемся! Мало того, что двадцать процентов имеем с их заработка по умолчанию, так ещё и на всём прочем имеем гешефт. Та же общага в Дорохово нам обходится в триста рублей за комнату в день, а у нас там шесть, а то и восемь человек живёт, а мы с каждого двести пятьдесят вычитаем. С медиками у нас тоже подмазано – нам одна книжка обходится в полторы тысячи, а мы вычитаем три. Спецдежда эта тоже, которая двести рублей за комплект, мы им продаём за тысячу двести. Это же грабёж безбожный! И кидаем мы их с объекта на объект, как скотину бездушную, ей-богу! Сегодня он в Дорохово в столовой картошку мешками таскает, завтра в Тучково кофе жарит, а послезавтра в Егорьевске бутылки пластиковые выдувает под соус соевый. Ни к работе привыкнуть, ни к людям, ни к месту, – слёзы накатились на глаза Аланы, носик некрасиво сжался.

Николай Николаевич спохватился:

– Остынь немножко. Послушай меня, а если я тебе скажу, что это они в Москву едут, а мы только этот поток регулируем, чтобы он в каком-то цивилизованном русле шёл? Так тебе спокойнее будет?

– А ещё ты мне можешь сказать, что ветер дует, потому что деревья качаются. Объявления-то мы ведь даём, а они на них только откликаются.

– Но может быть оно и к лучшему, что этот придурок тут, под страхом штрафа и под охраной работает себе тихонечко, чем у себя, в родных-то пенатах за гаражами бы пьянствовал? А что такому спьяну может в голову прийти? Да всё, что угодно! А тут, когда он два месяца на сухую отходит, в свой Саратов деньги привезёт, а? Глядишь, и возьмётся потом не за рюмку, а за ум. Поэтому мы не только спасаем Рязань от потенциального бездельника, хулигана, разбойника и насильника, но ещё и дарим той Сызрани нового, перекованного гражданина, от которого можно ожидать чего-то большего, чем хрен из кустов в лесополосе маленькой девочке.

Алана вытерла краем носового платка слёзы из уголков её очень красивых глаз:

– Ты тоже сгущаешь краски, будто у нас одни маргиналы работают. Сегодня вот у меня один парень был, из Вятки, кажется. Нормальный такой, неглупый, сдержанный. Много где работал, много чего умеет, но, видимо, соблазнила его зарплата высокая в объявлении, вот он и приехал. Человек приехал честно работать за честную зарплату. Как мне потом такому объявить, что его заработок мы ополовинили?

– Понятно, что может один-другой попасться, который не пьянь, который доверчивый просто. Конечно, такого жалко, но ведь если лес рубят, то щепки летят! Мы десяток спасли, даже если они сами считают иначе, а одного... притормозили на пару месяцев. Да и он, если уж действительно неглупый, может считать такую вахту расширением кругозора и бюджетным путешествием по средней полосе России. Вот у нас он, например, Бородинское поле увидеть может.

– Говорят, его всё дачами застроили почти всё.

– Ну, что теперь делать? В такое время живём. Прогресс на нас уверенной поступью движется! Но ведь что-то хоть там осталось?

– Ну, что-то должно было остаться..

– Вот и будет с него! Где он ещё такое увидит, а? В его Таганроге и такого нет. И вообще, уж если на то пошло, для того, которого мы реально обманули, это уроком станет – вперёд сначала будет думать и себе цену поймёт, своему времени и силам. Или к нам работать попросится, чтобы бригадиром быть, а нам неглупые бригадиры очень нужны! А тут уж он точно не прогадает, потому что в его Липецке пятизначные зарплаты только губернатор и прокурор получают. Так что нечего тут разводиться! Мы, считай, благое дело делаем!

– Так ведь, понимаешь... Из десяти людей, что у нас отработало, девять больше не вернутся. Обманывая, обсчитывая, мы их ожесточаем, и когда они к себе домой возвращаются, то своим друзьям-знакомым рассказывают, как их оби-

дели. А обидели где? В Москве. Кто? Москвичи. И те, которые нормальные, но просто доверчивые, наверняка ведь общаются с такими же, как и они сами. Поэтому со временем у нас действительно одно отребье работать будет, а провинциалы фигу в кармане на нас держать станут. Нет, я не хочу сказать, что из искры разгорится пламя, но ничего хорошего ждать не стоит точно. Понятно, что год-другой бизнес ещё существовать будет, но потом сойдёт на нет – с нами, как с МММ или Гербалайфом иметь дело будут только окончательно поехавшие. Так что надеюсь, что в следующем году я всё же поступлю на бюджет и забуду об этой конторе, как о страшном сне. Нет, ты не подумай, я очень тебе благодарна, что вписал меня сюда, когда я с творческим заданием в МГУ провалилась, но сил моих больше нет.

– Ну, разве мог я сестру двоюродную ни с чем во Владикавказ отправить, тем более, что это я тебе благодарен должен быть, ведь после тебя процент беглых почти вдвое меньше, чем у других. Твоя красота и обаяние действительно многое решают. Видимо, они боятся тебя подвести. Думают, что это на тебе как-то отразится. Наивные.

– Вот поэтому я себя ещё гаже чувствую.

Николай Николаевич положил ей руку на плечо:

– Ну ладно, что ты. Так уж близко к сердцу не принимай – меньше года осталось, а там ты точно поступишь и гори оно всё огнём. Я ведь тоже отсюда на пенсию выходить не планирую и о карьере здесь не мечтаю, знаешь ли. Фортанёт – ку-

да-нибудь получше впишусь, а нет, так я денюгу откладываю и уже сейчас, если что, могу пекаренку небольшую открыть. И ты в следующем году волноваться на экзамене не станешь, ведь уже обростёшь в Москве друзьями и связями. И про нашу контору будешь вспоминать, как о страшном сне. Который закончился.

– Может, ты и прав.

Алана отломилла длинной ложечкой кусочек тортика, отправила его в рот, прожевала:

– А ты знаешь, сегодня один отвахтовавший за расчётом приехал. От счастья, что всё закончилось, ошалел, и толком сказать не может – ни где работал, ни кто бригадир: с объекта на объект, говорит, дёргали. Одно что помнит – своего куратора. Но знаешь ли, Николай Николаевич, как он тебя назвал?

– Нет, как же?

– Коля Коля! То есть так и говорит, мол, я Коле Коле звонил, он мне и сказал, чтобы я в офис ехал.

Прежде, чем услышать своё прозвище, Николай сидел в позе римского патриция и его лицо выражало искреннее и высокомерное презрение. От такого лица рассыпалась бы пеплом любая гадость, которую смели бросить в него плебеи, а любая острота растворилась в тумане этих глаз. Нет, то, что сам он Коля, что ещё можно было стерпеть, что отец его тоже Коля – это задевало, но невыносимо было понимание того, что и дети его тоже будут Колями и никогда не станут

Николаями. Чудовишно, что это было правдой и сам он это с ужасом понимал. Получалось, что какой ты на себя вид не напускай, какой пиджак не надевай, в какой машине не езд, но циничным патрицием не станешь, не выйдешь в принципсы ухмыляющиеся, а так и будешь самым слабым и ненужным звеном в цепи. Которое в случае чего порвут первым.

– Знаешь, Лан, надо мне как можно скорее открывать свою пекарню, пока чего не вышло.

Кофе был допит, десерты съедены. Уходя, Николай Николаевич расплатился картой. Алана завернулась в свой серый плащ. Ей было зябко.

Рядом с Сергеем, в параллельном ряду вагона электрички, у окна сел основательнейшего вида батюшка – в рясе, с окладистой бородою и ящиком для пожертвований на широкой басовитой груди. Был батюшка телом крепок, глазами улыбчив и щеками почти что ал. Всем своим видом он внушал уверенное к себе почитание и послушание.

Поезд тронулся. Под мерный стук колёс в окне проплывали заборы из профнастила, бетонные эстакады и остовы брошенных тракторов. В вагон вошли два охранника, похожие на злых Чука и Гека, следом за ними впорхнули две девушки-контролёрши. Чук, встав у дальней от Сергея двери, сложил руки на поясе, а Гек, пружинисто пройдя сквозь весь вагон, перекрыл от несанкционированных передвижений ближнюю дверь. Ноги на ширине расставленных плеч,

руки заведены за спину, усталый и презрительный взгляд в сторону. Где-то позади Сергея ласковый, но холодный, как оттепель в конце февраля, мужской голос устало произнёс:

– Видишь, для кого-то охрана – это работа, а для кого-то – диагноз.

– Я думал, таких вот ещё двадцать лет назад «Белой стрелой» вылечили.

– Таких «Белой стрелой» лечить – как из СС-20 по воробьям. Им при товарище Холодкове находилось достойное применение, а теперь вот по торговым центрам и электричкам мыкаться остаётся.

Заканчивая обход вагона, к бабушке .

– Один билет до Дорохово, дочь моя! – очень авторитетно проокал бабушка..

Уверенно контролируя периметр и прикрывая тыл, Чук и Гек оперативно обеспечили безопасный выход представителям вагонной власти и закрыли за собой дверь в тамбур.

– Тьфу ты, окаянная! – вслед им перекрестился бабушка.

– Что, святой отец, не нравится, что женщина наконец свободная стала и от гнёта патриархального освободилась? – встрепенулась женщина лет тридцати пяти, одетая в деловую брючную пару. Обычно в таких изображают на рекламных плакатах счастливых директоров сетевых магазинов, добропорядочных яппи. – О домострое вспоминаешь? Нет, уж, ба-ста – кончилось ваше время беспросветное. Теперь за платье короткое и волосы распущенные женщину камнями-то

не побить!

– Одумайся, что говоришь ты такое, – батюшка сложил руки на ящике для пожертвований, который был сделан то ли из морёного дуба, то ли кипариса. – Испокон веков отцы нашей церкви брали угнетённых от суетных мракобесий под свою защиту, а женщины и вовсе столпы православия и тому порукой жития святой Агаты, Ксении Петербуржской и Батильды. Мой гнев отметка левиафановская вызвала, которую та несчастная душа по недомыслию носит.

– Это о чём это ты, отче? Не одобряешь тату?

– Росписи языческие на теле – сие вздор, но то грех небольшой, от недалёкости отроческой. Я на герб пеняю, где истинный искуситель рода человеческого поваплен! Причём поваплен препаршиво.

– Ты про герб Москвы?! Опомнись, православный! Это тебе уже свой собственный святой не мил вдруг стал? – женщина закинула ногу на ногу и вперилась взглядом в батюшку.

– Да ты, сестра моя, вижу, совсем головою хвораешь? Аль гордыня твои очи затмевает? Ужели ты змия не видишь?

– Так ведь его же лошадью топчут и копьём пронзают! – чуть не с хохотом, но уже сомневаясь, объявила дама.

– Какая лошадь топчет? Какое копьё пронзает? Разуй вежды! Они же по закону перспективы в разных местах находятся, потому ни одним своим копытом богатырский конь змия не тревожит и смотрит он не в глаза ворогу лютому,

но вдаль, куда он сейчас же устремится. Потому и витязь не успеет копьё опустить в пасть обло лающую, ибо забрал уже жеребец, к скоку изготовился и разве лишь пред носом дракона копьё пройдёт, чему нечистый лишь рад, ибо язык свой раздвоенный в ухмылке охальной небесам кажет.

Бабка, сидевшая прежде тихо по диагонали от батюшки, в первом левом ряду сидений, вскинулась:

– Да ты верно, мил мой, кагору перебрал, иль чо? Это ведь испокон веку повелось, что Георгия так изображали. И на гербе Москвы, и на иконах, и на гербе Империи Российской, и на медалях. Ерунду какую-то городишь, дорогой, окоlesiцу мелешь! Ты в какой церкви оформлен?

Батюшка встал во весь свой немалый рост. Поза его выражала недоумение медведя, которого зяблик клюнул в нос и поэтому надо теперь всему лесу острастку дать. Рука взвилась вверх, как у Моисея, спустившегося с горы Синай со скрижалями, а в глазах блеснуло что-то оголтело уверенное, как у протопопа Авакуума, который вёл свою паству во глубину сибирскую к истине. Неважно, что привёл на корабли тайные и схроны душные.

– Братия и сестры! Послушайте слово верное и не дайте врагам рода человеческого вас во искушение ввести! Проповедь вам моя о граде Москве будет, дабы предупредить вас от лихой беды, ибо истинно, истинно говорю, что во граде сем не таясь поклоняются змею-искусителю, намалевав его образину препоганую на гербе своём, прикрыв вековым благоче-

стием, – казалось, что даже колёса стали тише стучать, чтобы каждый мог слышать слово. – Случись страннику долины дикой или какому иному калике перехожему спросить, мол, что изображено на полотнище алом? Так лукавые москвичи отвечают, что тут изображено то, как святой великомученик Георгий змея побеждает, попирая его копьём могучим. Причём ещё бы полбеды, если бы добрые москвичи знали истину, но они в неведении пребывают, смысла не знают и тем морок гиблый лишь укрепляют.

– Большого ума тут иметь и не надо, когда это и нарисовано. Эти твои калеки дикие, они хотя и не культурологи, но в школах кое-как учились и экзамены потом сдавали! Иные так и на сто баллов! Ведь... – но батюшка не дал договорить парню какому-то лет двадцати

– Истинно молвишь, отрок. Тут только дело не в том, что не уразумеет гость града стольного того дракона и рыцаря. Дело всё в том, что как раз таки поймет странник, что тут не исторический факт изображён и не явлена бывшая во времена былинные баталия, а что перед ним символ. А символом чего являться сия аллегория может? Тут-то ему и расскажут, что пред очами его история о том, что церковь православная, которая в образе воина милосердного, повергает в прах язычество, которое в образе змия. На том наш любопытный гость и успокоится, решив, что познал он смысл глубокий.

– Так разве икона не об этом? – с надеждой спросила окончательно смешавшаяся бизнес-леди.

– Само собою, – батюшка не прервал своего громоподобного тона, поэтому показалось, что был не ответ на вопрос, а органичное продолжение оратории. – Солгут фарисеи лукавые, ибо не пограл ещё Георгий змия на полотнище, не победил витязь серебряный дракона окаянного. Жив нечистый и со времён ветхозаветных продолжает в прелесть вводить сердца людские, толкая их с пути истинного в колею зависти, гордыни и стяжательства из которой потом ой как не просто выбраться! Издревле сие повелось, ибо на древних досках герой христианский копьём не утруждал свою десницу, не сжимал длани – и верили подлые, что уж таким-то видом они явно дают знать приспешникам, что ничего попирающему народы гаду не будет и поклонение иконе следует понимать, как поклонение князю сего мира. Истинно говорю вам, что издревле это повелось и не одно уже колено поганцев озорных, чином православным прикрываясь, в храмах наших с превратностью дьявольской молится святым не нашим, но за святыми ликами пряча образины своих, опричных свету истинному зверей вавилонских.

– Кстати, это очень похоже на правду! Недаром Высоцкий пел, что церковь вовсе уж не свята! Нет, побольше бы таких служителей культа, – поправив очки, высказался обладатель февральского голоса. Им был гладковыбритый подтянутый мужчина пятидесяти лет. Рядом с ним сидел и внимательно слушал такой же гладковыбритый и подтянутый мужчина, но тридцатилетний и без очков.

Батюшка же грохотал дальше:

– ... начётчикам подлым лишь того и надо, чтоб под видом благолепия своё дело чёрное стяжать и стругом своим поганым бороздить просторы храма Божия, где искушать будут слабых духом и во грех маловерных вводить, дабы геена огненная ижих поглотила, потому как исповедуют они веру эллинскую, откуда и взяли, а потом переиначили под своё лекало рассказ о витязе Персее, похотью ведомом, освобождающим от полона и смерти живота своего Андромеду, деву царского рода, отец каковой возжелал оную в жертву чудищу морскому принести. Но витязь, похотью ведомый к персям и чреслам царевны, от напасти её избавил и уподобил Левиафана, демона серафимского чина, раку простому, который лишь на безрыбье хорош бывает. Изгнали мудрые эллины жрецов демона сего и премудро поступили. Левиафановы же жрецы горемычились, пока к юной церкви христовой не примазались и своё капище под наш аналой не спрятали. Во времена далёкие дело было и не было ещё канона единого, чем безобразники и воспользовались.

– Ну, завёл тут какого-то Дэна Брауна, тоже. Выходит, испокон веков христиане почитают дьявола? – дрогнувшим голосом попыталась поддеть попа индпендовая барышня.

– За католиков говорить не стану, сестра моя, у них своих забот хватает. Но что под сенью святой православной церкви веками измена деется, я истинно говорю. Где бы сие мерзавцы, овцы паршивые, дело своё не варганили, везде зависть

чёрная селится и корни пускает, извращая суть светлого дела Христова и истребляет плоды древа Божия, коие есть церковь. Смотрите, ведь не столько бедность, нищета беспросветная ведёт людей по пути этому, но зависть к соседу манит людей со свей святой Руси в Москву, ибо не хочет уже подточенный сим червём вкушать такую же, как ближний, пищу. Не хочет такой же как у ближнего жены. Сребра и золота желает он больше, чем у ближнего его есть. И горницы большей, чем у ближнего, теперь он желает – коли об одной палате владеет, то о двух желает, а коли двумя обладает, то четырёх алчет. В полковничьем будучи чине императорская корона ему блажит! И хоть бы жена его ему нелюба была, или горница тесна, или хлеб его был горек. Нет, тут диавол его очи омрачил и стало ему своё немилым, возжелал он чужого и прельстился тоннелями подземными, которые сей червь под светлым градом прорыл и храм свой воздвигнул не против неба на земле, но супротив его, под землёю чертоги свои скрыл! Цвет же того червя – фиолетовый! Истинно говорю, чтоб знали вы это!

Поперхнувшись, батюшка залез куда-то под рясу, достал зелёную армейскую фляжку, откуда он очень аппетитно и с размахом чего-то выпил. Смахнув с усов плотные тёмные капли, продолжил:

– Никто не возропщет против слов моих, ибо нищий до Москвы не доберётся – у него и на хлеб гроша нет. Но вот алчного страсть доведёт до белокаменной, да и не алчность

ли с завистью в сём граде правят? То и есть триумф жрецов левиафановых, ибо великое злодеяние совершили, сделав столицу Святой Руси градом крепким Вавилоном, где Зверя изображений премного и безо всякой меры, где среди добрых людей, в морок введённых, сия картина считается признаком благочестия.

– Как же, батюшка, ты верно говоришь! Действительно, так всё и делается – оттого и беды наши, что лукавые у власти – старушка даже руками всплеснула.

– О том и глаголю я, что невольню чада наши украшают себя знаменьями бесовскими не ведая, что творят! И очи подводят краскою, что девы, что юноши, а очи есть души зерцала! А что в душе отражается долго, тем душа и становится. Волоокими зовут таких чад издревле, но истинно говорю вам, что не волоokie они, однако ваалооки, ведь сам Ваал в зеркалах их душ отражается и через это в сами души закрадывается. На погибель нам посланы из земель финикийцев и филистимлян, которые не чтут ни Бога, ни закона, а лишь золотым медведям и тельцам кланяются!

– Это он про биржу что ли? Хорош! Надо срочно нашим сообщить, чтоб в разработку его взяли и к делу поставили, – пятидесятилетние очки даже ногу на ноги закинули от удовольствия.

– А при царе-антихристе Петре Москву вовсе проектировал масон и чернокнижник шотландский Брюс – он за основу взял гороскоп вавилонский. Круга деление на двенадцать ча-

стей он объяснял большей пожароустойчивостью, мол, этому очень способствует планировка радиальная. Но не радиальная это планировка, а иродиальная, истинно говорю вам! И метро точь в точь по этой же схеме выстроили, и на станции Площадь Революции идол Анубиса воздвигли! И отроки с отроковицами, не сильно далёкие, возносят истукану хвалу и почёт, а взамен алчут вспомоществования на экзамене, дабы отвёл сатана очи учителям премудрым и не заметили те бестолковости студента своего.

– Батюшки святы... Я ведь перед каждым экзаменом тёрлю нос этой овчарке пограничной, – парень в белой кепке потёр в затылке.

– Анубис и почитался жрецами египетскими как бог границы мира живых и мёртвых! Каких ещё вам доказательств надо? Вопиет моя душа!..., – батюшка воздел руки и оглядел всех, кто ехал в вагоне.

Народ безмолвствовал, а батюшка продолжил:

– Однако реку верно, что тофет испепеляющий ждёт их и уподобит Господь всемогущий их гелиогабалам римским, с той разницей лишь, что минуя клоаку великую тела их примет в свои зловонные воды не Тибр испражнениями языческими осквернённый и наполненный, но поруганная скверной людской река Москва отдаст их тела без упокоения на поед рыбам и гадам водным. Ad sumus!

– Bravo, батюшка!

– Точно сказал!

– Всё так и есть!

Прерванный на полуслове двадцатилетний парень долго шарил в кармане и наконец достал банкноту подходящего, по его мнению, номинала:

– Святой отец, позволь на храм пожертвовать в твою кубышку!

За ним немало пассажиров двинулось к священнику с бумажками разными – почти все с театром большим, на котором Аполлон языческий эллинский, но попадались и с Петром-антихристом.

–То не кубышка, милый мой, то скриниум есть. Однако лепта твоя зачтётся сторицей, ибо уже через неделю, как раз к празднику введения во Храм Пресвятой Богородицы, сия банкнота будет на благое дело пущена.

– Отче, ты что-то путаешь – через неделю Воздвижение Креста Господня, а Введение в декабре только будет! -поучительно, но умилительно поправила старушка.

Оглядевшись по сторонам, батюшка стал готовиться к выходу:

–Дай благословлю тебя, сестра моя во Христе.

Старушка скрестила ладони и благочинно опустила голову, а батюшка поцеловал её в лоб и, троекратно перекрестив, торжественно пошёл к выходу:

– Иже Херувимы тайно образующе, и животворящей Троице трисвятую песнь... В этом раменье я и сойду!

Батюшка вышел в Полушкино. До Дорохово, куда он взял

билет, было ещё четыре остановки.

Сергей снова набрал номер бригадира. Тот сказал, что будет на платформе минут через пять и чтобы Сергей никуда не уходил.

Глава V

отрывок из переписки в одном популярном мессенджере

Сергей 14-40

Здравствуй! Как там? Давно был в деревне?

Геннадий 14-41

Спокойно там, тихо. Кажется, никого не было.

Геннадий 14-42

Кота покормил, насыпал корму полную кормушку. Но он у тебя мужчина самостоятельный, так что не пропадёт. Меня признает, сегодня даже немножко помурлыкал.

Сергей 14-43

Большое спасибо!

Ну, тогда и ладно

Сергей 14-44

Ни с кем из соседей не общался?

Геннадий 14-56

Иваныча видел, на автобусной остановке встретились, когда я в деревню приехал.

Геннадий 14-58

Поздоровался со мной первым, спрашивал, не знаю ли я где ты. Когда я ответил, что не знаю, он сразу отстал, пере-

вёл разговор на то, что урожай облепихи в этом году большой. То ли ему без разницы что с тобой, то ли он это хорошо скрывает.

Сергей 15-05

А чего ему от облепихи надо? Он же её не любит! По крайней мере, у него на участке она не растёт и когда с ним тут чай пили, он попросил яблочного повидла. От облепихи, говорит, изжога у него.

Геннадий 15-09

Не любит? Странно... у него целое лукошко с собой было, полное. Сверху ещё какой-то папкой прикрыто, чуть ли не кожаной. Знаешь, такие планшетки офицерские?

Сергей 15-10

Как не знать? У меня у отца таких по дому штук десять валялось. Где набрал, зачем – не знаю. Короче, знаю, что такое планшека.

Геннадий 15-14

Так вот у него планшетка не офицерская, а целая генеральская, причём не Второй, а будто Первой Мировой: кожа прямо крокодил, застёжка цвета бронзы, с патиной. Странный вид он имел. Встреть такого на улице, так чёрт знает что и подумаешь. Мужик за пятьдесят, в брюках, кепке и олимпийке с лукошком в руке, а в лукошке папка, в которой, по виду, лежат какие-нибудь секретные чертежи британской подлодки, украденные лично Ульрихом Шафтом. Умора)

Сергей 15-16

Может, новодел какой?

Геннадий 15-17

Черт его знает, может быть.

А эти планшетки у тебя ещё есть?

Сергей 15-18

Да, они на чердаке лежать должны в сундуке. Когда поедешь в следующий раз, так можешь посмотреть.

Геннадий 15-20

У меня просто другу фотографу надо, он какой-то проект к 9 мая загодя мутит. Всякую такую движуху ищет. Но ему ненадолго, к твоему приезду обратно положу.

Сергей 15-20

Ой, да можешь вообще забрать – только место занимают.

20.09.201... года.

Нога Сергея коснулась асфальтового покрытия платформы на самом закате. Казалось, что прощальные лучи сентябрьского солнца шли параллельно поверхности земли, поэтому табличка с названием станции была освещена так, будто свет исходит из неё самой, откуда-то из глубины выгнутого и окрашенного матовой краской куска жести: «Дорохово».

Сергей сделал несколько шагов вперёд и с непринуждённым видом встал у металлического ограждения – так он не будет никому мешать, но будет заметен для бригадира, который должен быть где-то тут и встречать его. Мимо чинно

и вальяжно проходили вышедшие из электрички граждане, а вместо них, толкаясь и спеша, в вагоны ломались другие граждане, чтобы занять освободившиеся места и чтобы потом так же вальяжно и расслабленно выйти на своей остановке. Спустя пару минут платформа очистилась, на ней остались Сергей, компания молодых людей с пивом и тр3-колонкой, а на самом краю стоял худощавый мужчина. Из колонки разносилось песня про пользу витаминов молодым, растущим организмам, а худощавый мужчина в панаме цвета хаки был среднего роста и лет ему было тридцать пять-сорок. Он пристально, но близоруко щурясь вглядывался куда-то в противоположный конец платформы, туда, где были теперь невидимые развалины бетонного завода.

Сергей решил, что это и есть встречающий его бригадир Саша, но, смутившись тем, что тот не обращает на него внимания, нарочито показательно прошёл мимо, при этом пристально глядя на предполагаемого начальника. Тот на мгновение отвлёкся от созерцания заповоротной дали, коротко оглядел Сергея с ног до головы и, словно отмахнувшись от наваждения, снова уставился куда-то за поворот. Сергей так же показательно прошёл мимо, сошёл с платформы и стал ждать – может, бригадир опоздал и вот-вот придёт, а эта близорукая панамы вообще ни при чём?

Так Сергей простоял минут пять, оглядывая пешеходный мост через пути, пустую платформу по соседству, стандартное, но своеобразное здание вокзала, похожее на лишённый

декора Зимний дворец в миниатюре. Миниатюру делал старательный, сметливый и рукастый плотник, то под рукой у него был только топор, поэтому работа была хотя и добротная, но всё же грубая. За зданием завода столпом возвышалась водонапорная башня. Почему-то казалось, что вокруг только эта башня настоящая и исконная, а остальное – декорация и бутафория, потёмкинская деревня, которую после проезда Екатерины не разобрали, а так на берегу Днепра и оставили.

Молодёжь дослушала свою инфантильно-похабную чашушку и ушла с платформы. Созерцатель продолжал смотреть в сторону Москвы, в сторону развалин. Обеспокоенный тем, что кругом заметно стемнело, а его никто не встречает, Сергей решил наконец позвонить. Как только в трубке раздались гудки, стоящий спиной мужчина удивлённо схватился за карман брюк, как печёную картошку из костра достал телефон и внимательно, недоверчиво посмотрел на его экран:

– Алло!

Сергей подошёл к нему со спины и сказал:

– Здравствуйте! Вы – Александр, бригадир?

– Да. Вы приехали?

– Да, я сейчас стою на платформе в Дорохово.

– А почему тогда я вас не вижу?

– Потому что я стою у вас за спиной.

Одним прыжком, всё также прижимая к уху трубку телефона, Александр развернулся на сто восемьдесят градусов и

испуганно уставился на Сергея:

– Вот тебе раз... – новоиспечённый бригадир осматривал Александра с удивлением и как бы ища, к чему можно придраться. – К нам обычно разнорабочих присылают всё или за пятьдесят, или пропитые в стельку, или хотя бы косорылые, а ты какой-то совсем другой, потому я тебя и проглядел... Вот я тебя сразу и не узнал, – оправдавшись перед собой, он успокоился, положил телефон в карман и протянул Сергею руку. – Александр.

– Сергей, очень приятно – ладонь бригадира оказалась узкой и жилистой, рукопожатие крепким.

– Пойдём в магазин, что ли? У меня сигареты кончились, да и тебе, может, надо чего купить?

Поймав смешавшийся взгляд Сергея, Александр расплылся в улыбке:

– Не знаю, что тебе там наговорили в офисе, сейчас всё по порядку расскажу. Буду краток. Мы, рабочие завода по производству телевизоров и стиральных машин, живём в бывшем пионерском лагере «Мирный», то есть условия хотя и не пять звёзд, но вполне приемлемые. На огороженной территории, куда попасть можно только через КПП, есть несколько двухэтажных домиков, а в каждом домике по восемь комнат на этаже. На каждом этаже есть общая душевая, два туалета и стиральные машины. Машины не с завода, активаторные, но исправные. Главное, что работают! – он добродушно, но как бы с опаской хлопнул Сергея по плечу. – Всё простень-

ко, но чисто и добротно. Жить будешь, как царь из старого кино, – в палате. Правда, палата рассчитана на восемь человек. Но ведь лучше в тесноте, чем в обиде, правильно? Вот и я так думаю. В каждой комнате стоит холодильник, чайник электрический и мультиварка, так что с бичпакетов не погрёшь! Хотя ты ведь в столовой работать будешь?

– Да, там буду разнорабочим.

– Значит, сухомятка не грозит точно. Вообще, тебе повезло, тёплое место досталось. Я тогда тебя с Андреем поселю, он тоже в столовой работает – всё подробнее расскажет, с деталями. Я-то в этих кулинарных делах ничего не понимаю – сам с конвейера сборочного. Но вот в чём тебе точно повезло, это что кухонные на час раньше работать начинают и, соответственно, на час раньше заканчивают, с восьми утра до восьми вечера., – Александр замолк, лукаво глядя на Сергея, ожидая вопроса. Сергей подыграл:

– А в чём преимущество?

Довольный собой Александр как будто даже плечи расправил:

– Преимущество в том, что утром в твоём полном распоряжении туалет, а вечером ты властелин душа и стиральной машины! Удобно!

Сергей, соглашаясь, кивнул.

Они вошли в магазин. Сергей взял в руки продуктовую корзину, подумал, что в рюкзак много не вместится:

– А далеко отсюда до лагеря?

– Километра три-четыре. Минут сорок ходьбы.

– Нормально, значит. Можно будет и после работы сходить.

– Ну, это если у тебя желание останется. Но вообще – да, некоторые ходят. Но ты много провианта не набирай, у тебя с питанием, как у столовского, проблем не будет. И мне с тобой гружёным плестись несколько не интересно, – Александр торопливо посмотрел куда-то к выходу. – Ладно, я тебя у касс подожду.

Ассортимент магазина вовсе не удивил Сергея, в Кирове такие магазины было на каждом углу. Только некоторые товары были местными, а в основном всё то же самое, привычное и общероссийское. Сергей взял только пакет пряников и кефира неизвестного ему местного производителя – хотелось сравнить со своим, вятским.

Александр нервно топтался у столика, над которым висел портрет супервайзера магазина. Бригадир что-то писал на телефоне, поэтому снова не заметил, как к нему подошёл Сергей – тому пришлось кашлянуть, чтобы напомнить о себе. Александр снова встрепенулся, как огорошенный.

Из магазина по обочине асфальтовой дороги Александр шёл впереди, бравурно жестикулируя руками, будто помогая себе. Пока что они шли по окраине посёлка, переходящей в дачный посёлок: блестящие сайдингом под каменную кладку коттеджи стояли вперемешку с обшитыми выцветшей вагонкой домами. Наличники на окнах перемешались со стек-

лопакетами, а секционные ворота на дистанционном управлении соседствовали с полукруглыми воротами, которые делались для лошадиной оглобельно-дуговой запряжки, а не для автомобиля с плоской крышей. Только спутниковые тарелки указывали, что это дома одной, текущей эпохи.

– Вообще у нас работать можно, многие возвращаются снова. Я вот, скажем, три вахты подряд отработал на конвейере, а теперь вторую вахту бригадиром. Доплачивают немного, но приятно, – Сергей с трудом успевал за увлекшимся Александром, который шёл налегке. – И опять же, почёт! В моём родном Ртищеве столько не заработать, хоть тресни. Домой приезжаю, как король! И столица рядом – многие через эту вахту в Москву перебрались, – Александр повернулся вполоборота к Сергею и, может быть, подмигнул. Но это не точно, Сергей в потёмках не разглядел. – Пока вахтуешь – там спросишь, тут узнаешь, здесь услышишь. Две месяца отработал, деньги получил и уже куда-то вписаться можно. Не так, как дурачки провинциальные думают, что ты приехал и сразу тебе всё... Нет. Ты разведай, пойми что к чему и иди туда, где тебя не обманут, а дадут заработать. Тут ведь как – выжимают обычно из людей все соки, а потом выбрасывают – Россия большая, ещё понаедет!

Александр остановился, как будто заметил, что Сергей уже запыхался. Окинул его каким-то отеческим, доброжелательным взглядом:

– Надо искать места, где понимают, что кадры решают всё!

Что лучше держаться одного, но проверенного и стабильного, чем чтобы каждый раз какой-то новый косячник. И пусть этот стабильный будет немного дороже обходиться, но зато на него положиться можно! Такие места найти сложно, но можно – один мой знакомый, тоже бывший вахтовик, в такое место как раз вписался. Тебе по секрету хочу сказать, что сам я доработаю эту вахту и попробую в Москве устроиться – предложили одно место хорошее, а если там не выгорит, то ещё раз сюда двину. Так сказать, – он показал рукой куда-то вперед, – плацдарм у меня тут.

Они пошли дальше по дороге, вышли из посёлка и оказались на пустыре, за дачами. Проходили мимо заросшего борщевиком сплошного металлического забора в три метра высотой. За забором виднелся огромный особняк – смесь ангара для самолёта и карельской лесной избушки. Огромный и несуразный. Ворота были открыты – четыре джипа КИА стояли на лужайке, в углу которой, рядом с верандой, стояла поляя тракторная покрывка полная пустых бутылок из-под водки. Александр с ухмылкой сплюнул:

– Это наши дальневосточные друзья-хозяева оттягиваются, как умеют. А они умеют! Очень нашу водку любят, до визгу поросячьего – Александр махнул рукой остановившемуся было Сергею, подзывая к себе. – Ты на них ещё наглядись, успеешь. Особенно утром на раздаче. Ладно, пошли, а то кто их знает – ещё орать начнут не по-нашему.

Дальше шли через садоводство. Тут хребтами стояли

обёрнутые плёнкой гидроизоляции усаживающиеся деревянные двухэтажные срубы, высящиеся своими остовами над скромными летними садовыми домиками, которые тут стояли с тех времен, когда советскому труженику стали давать по шесть соток на брата. Чтобы советский труженик не позволял душе лениться даже во время заслуженного отдыха.

Сергей вспомнил, как в детстве из кассетного магнитофона два стройных вкрадчивых мужских голоса пели добрую нравственно-экологическую песню о том, как они поехали помогать своему другу Евгению Ивановичу строить дачу на заброшенном участке, который Евгения Ивановича угораздило купить. В песне рассказывалось о том, что этот самый Иваныч терпит лишения ради того, чтобы свить гнездо детишкам в каком-то таком же, как Дорохово, не слишком отдалённом от Москвы месте. Не обращая внимания на неудовольствие кредиторов, несмотря на то, что от майской прохлады его гложет радикулит, а от переутомления шалит сердце, он продолжает таскать под мышкой стройматериал и, изнутри согреваясь, прочно строит на радость своей доченьки Маришайки дачу. Песня заканчивалась бодро и обнадеживающие – авторы нисколько не сомневались, что дача будет построена и вокруг неё зацветет сад. Может быть даже вишнёвый. Сергей криво усмехнулся, представив себе, как сегодняшняя Марина Евгеньевна ищет покупателя на эту дачу, чтобы сделать свой малый, но убыточный бизнес немного бо-

лее ликвидным и вскоре запущенный сад вырубят, а маленький домик снесут равнодушные строители...

Нет, Сергею не было жалко наплевавшего на коммунистические принципы простоватого и наивного Евгения Ивановича и в сущности такую же простую, беспринципную и наивную Марину Евгеньевну – ему было досадно от того, что мечты человеческие, высокое стремление дум и скорбный труд обычным удобрением, навозом перегнившим бросают в гряды благодарные потомки, чтобы на этой почве взрастить свои такие же беспринципные и простые колосья.

Александр продолжал:

– Я по столице вообще уже который год ошиваюсь. Вот не поверишь – когда приехал, то думал, что всё – сходу билет счастливый вытянул! Устроился в фирму строительную, маляром вписался – они мне и с жильём помогли, и денег вперёд дали и первую зарплату я получил больше обещанной – шоколад! Даже договор трудовой составили, правда, в нём была минималка прописана. Мы сперва не поняли зачем это

надо было делать, если мужики до этого не первый месяц вообще без договоров работали.

– А вы официально в той же организации продолжили числиться? У нас в городе даже у крупных частников такая история – дробят предприятие на несколько маленьких контор и, с одной стороны, получают всякие налоговые льготы, а с другой стороны к ним нет претензий со стороны проверяющих. И всегда съехать можно...

– Тут не в этом дело, погоди пока. Ну, думаю, ладно. Проходит месяц, я счастливый, работаю, а платят только половину – говорят, что в банке какие-то проблемы: счёт там какой-то заморозили, потому что он неправильно был оформлен. Потом через месяц снова половину, но обещают, что через месяц вот прямо всё и ещё и с процентами. Ладно. Через месяц, мы как раз завершили объект и ждём, что нас перекинут на другой. В понедельник никто не приехал и телефоны молчат. До обеда ждали, а после в офис поехали своим ходом. Охранник на проходной нас не пустил, говорит, что они ещё в пятницу съехали. Тут мы репу-то и стали чесать... И это ещё всё бы, но тут мне из дома звонят, говорят, что на моё имя пришло письмо из банка и в письме требуют выплат по потребительскому кредиту. Оказывается, я полтора миллиона взял... И вот я такой миллионер без регистрации и без денег на вокзале стою – куда деваться? Каких концов искать? Хоть в бега подавайся! Но, слава богу, компетентные органы выяснили, что мои бывшие работодатели с менедже-

ром банка были дружны и вместе с ним кредиты получали. По тем паспортам, которые они у нас для заключения договора брали. Много, говорят, народа обули, – Александр как-то мечтательно вздохнул. – Всё благополучно завершилось. Кто-то бучу поднял – дело и закрутилось. Их в оборот взяли, всех обманутых подняли и мне только заявление написать было надо. Одно плохо, что из-за этих молодчиков мне кредит по-настоящему уже не взять – я в самом чёрном списке неплательщиков, а чтобы из него выйти, мне надо в суд подавать. Но это ладно, если что, то найду время, придумаю что-нибудь. По сути-то, я не виноват вовсе. Но по бумагам...

Короче, оказался без рубля в кармане на вокзале. Учитывая, что мне дома-то не больно рады будут. Сунулся сюда. Оно, конечно, пришлось попахать, как раб на галере – два месяца вообще без выходных, но зато стабильно и надёжно. Отвахтовал. Немного, но зато сполна получил и вернулся обратно к себе уже при деньгах, немного родню успокоил. А потом опять сюда. Ну, не хочу я, чтобы как в Ртищево, пахать за пятнашку.

Они подошли к воротам лагеря, зашли на КПП. Саша о чём-то поговорил с охранником, казавшимся самым представительным, приглашающе махнул Сергею:

– Пропуск тебе завтра сделают, а пока проходи под мою ответственность.

Немного сжавшись и оглядываясь по сторонам, Сергей прошёл громоздкий турникет, немного скрипнувший на из-

лёте. Александр уже стоял на улице:

– Пошли, что ли, получишь бельё.

Они прошли к стоявшему рядом двухэтажному зданию, в фойе которого на истрёпанном дерматиновом кресле сидела с виду очень несчастная женщина. Александр наклонился к ней, показал рукой на Сергея и что-то сказал. Та с нескрываемым презрением ушла за лаковую дверь, сразу вернулась и протянула Сергею свёрток. В нём были простынь, наволочка и пододеяльник. Александр был очень доволен:

– Через две недели сможешь принести, сдать в стирку, а взамен новое получить.

Сергей благодарно кивнул женщине, но тут же пожалел об этом – кастелянша посмотрела на него, как на врага, который сжёт родную хату.

Пока шли от здания лагерной администрации куда-то тёмными аллеями, Сергей удивлялся непонятым торчащим из земли высоким жердям. Они были слишком тонкими, чтоб быть столбами, и слишком прямыми, чтобы быть антеннами.

– Александр, а что это за столбики такие торчат?

– Столбики-то эти? Это ж флагштоки! На них когда-то пионеры флаги поднимали, чтобы потом было чему салютовать. В других лагерях, кстати, работяг даже на зорьки гоняют. Они там зарядку делают, считаются и тоже какое-то знамя поднимают. Хорошо, что у нас до этого ещё не додумались.

– А ты не в курсе, этот лагерь давно закрыли?

– Не, не знаю. Сюда стали рабочих заселять с тех пор, когда завод построили, а это десять лет назад было. Что тут до этого творилось, я без понятия. Разве что в столовой спроси – там должны местные работать. Хорошо, конечно, завод этот преобразил местность, много рабочих мест создал.

Но я тебе, Серёга, скажу – очень я жалею, что Союз распался. Тогда по крайней мере порядка больше было и простой работяга знал, что он не без присмотра, что ему не дадут пропасть. И в мире с нами тогда считались! Сейчас вот, кажется, тоже начинают уважать, но это всё не то. Мы тогда со всей Землёй «на ты» были, нас боялись, потому что знали, что мы сильные, беспощадные и слов на ветер не бросаем.

Сергей согласно кивнул:

– А сейчас не то, что боятся, а больше не хотят связываться, как с трудным подростком, который малышкой обижает – его бы в колонию отправить, так он справку из психдиспансера покажет. И по голове такому не настучишь, потому что не положено, но и безнаказанным оставлять тоже не годится вроде. Потому брезгуют нами, а не боятся.

– Вот-вот. Раньше ведь как было? Мы им водородную бомбу, а они нам нейтронную! Они нам Шаттл, а мы им Буран! Они нам Уэйна Гретцки, а у нас Третьяк! Теперь они нас, как капризных малышкой, в своей комнате заперли и гулять не пускают, а мы им на это характер показываем и ужинать ихними яблоками с пармезанами не желаем. Вот хрен ли тут эти корейцы открылись? Нет бы «Рубин» какой, а?

– А я недавно видел телевизор Рубин. Вернее, Rubin. Интересно, это одно и то же?

– Да какая разница, внутри всё равно сплошной Китай. Одно имя только осталось, одно название, а заводы отданы китайцам или, вот, корейцам. Нерусским, короче. Но всё равно наша страна – страна огромных возможностей и возможности эти надо реализовать. Ну вот, всё, пришли.

Они поднялись по крыльцу двухэтажного здания, похожего на поликлинику в райцентре – большое и когда-то оформленное чем-то вроде мозаики фойе, а направо и налево – комнаты.

– Вот, я здесь живу – открыл Александр первую слева дверь. – заходи.

Комната была разделена поперёк шторой. В передней части стоял стол, небольшое кресло, сканер и ноутбук. Вторую часть комнаты наглухо закрывала штора.

Сергей подал Алесандру документы, тот их отсканировал и протянул в ответ ключ:

– Это от восьмой комнаты. Иди, располагайся. Завтра к девяти провожу до завода, а то ты дорогу не знаешь и всё равно у тебя пропуска нет. Немного позднее начнёшь работу – так тебе же хорошо: солдат спит, а вахта идёт. День пойдёт в зачёт, не беспокойся.

Сергей стоял, ожидая продолжения.

– Завтра тебя к Светке отведу, она администратор в большой столовой – решит, куда тебя – на большую или малую. У

них и там, и там народу не хватает. Светлана любит на себя напустить, но ты её не бойся— она хоть и дура, но добрая. И попа у неё классная такая, сердечком.

Выходя из комнаты Александра Сергей в дверном проёме столкнулся с миловидной женщиной лет тридцати пяти-сорока, еле запахнувшей в бело-голубой халат – пояс свисал и полы придерживала только её прижатая к груди рука. Женщина виновато посмотрела на него снизу вверх и прошмыгнула мимо. Дверь захлопнулась.

Он пошёл по коридору в правый сектор здания. Нашёл восьмую комнату, толкнул дверь – открыто. В ней стояло три двухъярусные кровати: две вдоль правой стены и одна у левой. Слева же стоял холодильник.

На верхнем ярусе стоящей у окна слева кровати лежал человек. Он присел, свесив ноги с кровати. Он был одет в майку и производил странное впечатление – лицо человека под шестьдесят, но тело подтянутое, крепкое – не у каждого в сорок лет такое бывает.

– Добрый день! Меня Сергей зовут, я только что приехал. Разнорабочим на кухне буду.

– Здравствуй! Очень рад знакомству! Я Андрей, тоже работаю в столовой. Извини, я сейчас трансляцию матча слушаю – после пообщаемся, хорошо? Пока можешь располагаться внизу – только это не занято. Самое козырное тебе досталось, у окна. Завидую даже.

– Да, конечно, спасибо.

Сергей разложил скарб в тумбочке, сложил рюкзак и сумку под койку, заправил кровать и, сложив руки за головой, улёгся поверх одеяла. За окном холодный дождь поливал тёмный заросший парк и ветви деревьев опускались под тяжестью воды почти до самой земли, до серых тропинок, пересекающих поросшие ковылём поля, которые когда-то были радующими глаз пионерии газонами. Теперь это были удручающие глаз деклассированного пролетария заросли.

Над головой Сергея была прогнувшаяся железная сетка кровати, а сосед с верхнего яруса тихонько слушал по маленькому радиоприёмнику трансляцию футбольного матча, где бодрый голос комментатора и шум трибун свидетельствовали о том, что где-то есть большие города, в которых бывают освещённые сотнями прожекторов стадионы, куда приходят поболеть за свои любимые команды тысячи счастливых людей, которые поют песни, улыбаются, смеются, бьют в барабаны и искренне переживают за своих любимцев.

– Итак, дорогие друзья, мы с вами присутствуем на матче «Локомотив» – «Динамо» – центральном противостоянии сегодняшнего вечера. С точки зрения турнирного положения, железнодорожникам в этом матче необходима победа, а бело-голубым будет достаточно просто удержать свои ворота в неприкосновенности – ничейный результат с лидером этого чемпионата будет для них очень даже достойным резуль-

татом. Впрочем, даже поражение не сильно скажется на их позиции в подвале турнирной таблицы – вылет из этого футбольного общежития им не грозит, а карабкаться на верх, бороться за пальму первенства уже не имеет особого смысла – до отпуска и перерыва в чемпионате осталось не так уж много. «Локомотиву» же победа просто необходима если он хочет и дальше находиться в роли лидера футбольного сообщества. Ему крайне важно продемонстрировать своё превосходство над соперником, одержать победу, добиться которой ему сегодня будет проще, ведь игра проходит на его родной арене, а дома, как известно, и стены помогают...

Сергей провалился в ласковое забытье, а когда проснулся, то трансляция матча уже заканчивалась:

– Итак, позади уже почти полтора часа игры, которые «Локомотив» проводит практически в непрерывных атаках, стремясь открыть наконец счёт в этом матче, добавить оборону динамовцев, сломить их сопротивление, подобрать ключ к их бастиону, но все их попытки оказываются тщетными перед кажущейся вялой и неуверенной, но при этом неприступной и непоколебимой обороной динамовцев. Никак не удаётся найти подступ к такой вожделенной штрафной площади – забросы за спину защитникам не проходят, передачи верхом не достигают цели, а снизу дальние удары и передачи наперерез блокируют крепко сжатыми ногами опытные динамовцы. Основное время подходит к концу, кажется, футболисты «Локомотива» донельзя измотаны

бесплотными атаками и стремятся вперёд только на морально-волевых, чтобы не ударить в грязь лицом перед своими многочисленными болельщиками. «Красно-зелёные» больше демонстрируют, изображают активность, но на какие-то конструктивные и осмысленные действия сил уже не остаётся. Хотя в течение матча они доминировали на всех участках поля, пытались реализовать своё преимущество со всех известных науке позиций в результат, но, к их несомненно-му сожалению, ничего из этого путного не вышло. Главное, по обречённому виду динамовцев весь матч казалось, что они сами бы рады проиграть, чтобы избавиться от психологического груза, снять с себя ответственность. Но не будут же они сами себе забивать?

Вот и теперь, после могучего дальнего удара, назвать который прицельным язык не поворачивается, голкипер «Динамо», твёрдо сжав губы, решительно выбивает мяч подальше от ворот и тот оказывается почти что у самой штрафной площади «Локомотива» – начинай свой штурм с начала. Последний защитник красно-зелёных, грамотно приняв на грудь, в одно касание переправляет мяч в центр поля и инициатива снова в руках футболистов «Локомотива». Капитан команды быстро окинул взглядом поле, оценил обстановку, положение оборонных редутов динамовцев и нашёл неожиданно прорывающегося по флангу левого защитника. Он проходит по самому краю, ставя оборону гостей в весьма пикантное положение, и навешивает в штрафную, в самый неожиданно

оголённый тыл, который оставили защитники, отвлекшись на обманные действия и активные перемещения атакующих футболистов, где уже готовая к делу поднимается голова нападающего «Локо», которая ждала именно этого момента и просто проталкивает, пропихивает, пронесит вожаделенный мяч прямо сквозь руки, сквозь растопыренные пальцы вратаря. Чудовищной силы напор, проникающий удар лысой головой и мяч затрепыхался в сетке ворот! Стадион ревет в экстазе! Свершилось! Да! Да! Да! Наконец-то «Локомотив» после столь долгих, казавшихся бессмысленными усилий, выпустил наружу пар и продемонстрировал свою мощь. Этот момент надолго запомнится участникам противостояния своей волей к победе. Сказалась усталость и невнимательность. Футболисты «Локомотива» торжествуют, но и «Динамо» не выглядит расстроенным, ведь, подчёркиваю, такой результат их вполне устраивает. Вот и вратарь, лениво вынимая забитый мяч из сетки, нисколько не огорчён. Он как будто сам освободился от напряжения и может задуматься о решении каких-то более насущных, не футбольных проблем своей жизни. Например, мы знаем, что сегодня его дочка после тяжёлой простуды пошла в школу, а родитель не смог её навестить на первом звонке – режим. Может, он теперь думает, какой торт подарить девочке и в какой магазин заехать за куклой, чтобы подбодрить первоклассницу, когда он её наконец увидит? Спрашивается, стоило ли так долго отбиваться, если сами никакого убытку не претерпели, зато

подарили столько радости сопернику? Возможно, после даже пойдёт разговоры о том, что команды предварительно сговорились, а разыгранный перед нами спектакль был только для отвода глаз.

Да, друзья мои, перед нами команда, которая уже начинает привыкать к победам – соперники играют с ним от обороны, не помышляя об активных контрдействиях. Может быть, если команде перейти на более высокий уровень, сменить обстановку, то это пойдёт ей на пользу? Скоро «Локомотив» ждут в Лиге Чемпионов, а там на имеющиеся регалии не посмотрят и всё придётся доказывать снова.

Наша трансляция подошла к концу. До свидания, дорогие друзья! До новых встреч на футболе! Берегите себя!

Сергей вышел подышать свежим воздухом на крыльцо, а там сидел и курил довольный, но измотавшийся Саша:

– Как жаль, что у Люды скоро вахта заканчивается – она вернётся в свой Владимир к дочке, которая недавно от пневмонии поправилась. Нет, ты представляешь, такая маленькая и, на тебе, – пневмония. Первое сентября пропустила, только теперь в школу пойдёт.

– Это ведь прямо как у этого... Вратаря «Динамо»-то?

– Да, точно. Вообще истории один в один, хоть аналогии проводи... Бывают ведь совпадения, да? Вот, говорят некоторые: «Измена! Измена!», а у меня с другом случай был. Он очень любил одну девушку, они встречались, он ей пред-

ложение даже сделал. Но однажды поехал на дачу отмечать чей-то день рождения. Один поехал, без невесты, которая работала. Наклюкался там вдрабадан и утром не смог вспомнить, как оказался в одной комнате и на одном диване с почти незнакомой девушкой. Было между ними что-то или не было – бог его знает: он, по крайней мере, не помнил. Ладно, оно дело пьяное, оделся и ушёл. Та девушка, в постели с которой он очнулся, тоже ни слова потом.

Он уже и забыл об этой истории, но его невесте неравнодушные обо всём доложили и у той вскипело. Типа, он с кем попало спит, а потом ей же клянётся в любви, единственной зовёт. Решила ему отомстить и переспала не с кем-нибудь, а с его родным братом, воспользовавшись оказией, когда тот тоже упился – он спьяну её вообще с другой девушкой перепутал, как потом говорил. А невеста потом ему эту измену прямо в лицо бросила, мол, теперь-то мы квиты. Друг мой за голову схватился, ходил в прострации. Боялись, как бы он под машину не попал.

Так или иначе, а дошла весть об этом перформансе до всего окружения, тем более что невеста о своей мести трубила вовсю. И рассказали тогда моему другу, как дело было, когда он-то с той девушкой в одной койке оказался. Сначала вырубилась Иринка, которую в парной очень развезло – её в одной простыне принесли, на кровать положили, одеялом накрыли – так и оставили. А когда Миша вырубился, то двое его друзей-остолопов, которые раз в полгода приезжали, ре-

шили «соединить сердца». Они-то думали, что и Миша до сих пор бобылём, и Ирина тоже без пары, а в итоге – скандал, трагедия. Мнившая себя оскорблённой невеста теперь сама не рада, что так вышло. С братом Миша поссорился и уехал на север куда-то то ли насовсем, то ли вахтовать. Одно хорошо, что хоть пить бросил.

Вот так и вышло, что благими намерениями дорога выстлана терновая и что в плане свободных отношений мы ещё почти как в каменном веке живём. Европейский опыт нам подсказывает, что подобные семьи – уже сложившаяся повсеместная практика, поэтому, мне кажется, в этой области нам безусловно стоит перенимать заграничный опыт. И на раскачку в данном случае времени уже нет.

Сергей почти не слушал Александра. Насмотревшись на мокрую и приходящую в себя после ненастья природу, вернулся в свою комнату.

Сергей хотел поздравить Андрея с триумфом его любимой команды, но тот уже спал. Интересно, в какой момент он отрубился? Знает ли он, что его клуб одержал победу?

Глава VI

Геннадий 12-30

Представляешь, тут сидел, читал статью о том, что четверть населения живёт ниже уровня бедности, и в самом конце статья высказывает заманчивое предложение купить Range Rover с выгодой до трёхсот тысяч рублей!

Сергей 12-31

Заманчивая скидка, ничего не скажешь. Остальная-то сумма у тебя есть?

Геннадий 12-35

Ога, шас прям из кармана заднего достану.

Геннадий 12-37

Просто непонятно вообще что и отчего. Ну, сам посуди. Человек читает статью о том, что для многих жителей России зарплата в двадцать тысяч считается приемлемой и даже желанной. Такому тринадцать лет надо ни есть, ни пить, а все деньги в копилку ложить и тогда он на такую машину накопит. Только он, во-первых, таких денег не накопит, а, во-вторых, даже если накопит, то через тринадцать лет этот самый Ровер уже не будет машиной мечты, а раритетом ушедшей эпохи.

Геннадий 12-39

Базара ноль, что тогда будут другие машины, но именно

эта уже будет не нужна. То есть какой смысл в этой рекламе? Издевательство?

Сергей 12-41

Ну, хз. Это ведь не автосалон рекламу размещает, а рекламное агентство, которое нанял автосалон. Им-то без разницы сколько машин будет продано, им лишь бы кликов было побольше, чтоб заказчик увидел, что на сайт перешло много-много пользователей, чтоб ему очки втереть.

Геннадий 12-43

Ну да, об этом не подумал. Кстати, ещё мысль промелькнула, когда увидел рекламу: «Вау, можно триста косарей сэкономить!» Даже почувствовал радость от обладания этой суммой. Прикинул, что это первоначальный взнос за студию.

Сергей 12-58

Во-во. Типа, сэкономил – считай, заработал. Только чтобы эти триста тысяч «заработать», надо сначала три мульты потерять.

Геннадий 12-59

А этого мозг уже не отслеживает, не понимает)

*смешная картинка, на которой изображено фото объявления в подъезде. Предлагают услуги сантехника и электри-

ка, на работу дают гарантию в один год. С объявления смотрит немного усталым, но очень надёжным взглядом мужчина лет сорока. Это Харрисон Форд в образе Индианы Джонса, только без шляпы*

Сергей 13-04

Ха! Хоть бы тогда предлагали услуги плотника)

А ты по ссылке той прошёл?

Геннадий 13-05

Нет, конечно.

Сергей 13-07

Я так и думал. Лучше бы владельцы автосалонов сняли ролик, где тот же Форд на их машине ездит. Это было бы вообще двойным ударом)

Сергей 13-08

Не думаю, что люди, у которых есть деньги на такую машину, станут читать о бедных. Таким людям либо будет совестно, либо наплевать с высокой колокольни.

Сергей 13-10

Так что деньги на рекламу были потрачены впустую.

А ты вообще на такие баннеры реагируешь?

Геннадий 13-16

Иногда. Последний раз было, когда распродажа велосипедов была в спортивном гипермаркете. Обещали сидку до се-

мидесяти процентов.

Сергей 13-16

Но ведь велик ты всё равно не купил?

Геннадий 13-17

Конечно же нет)

21.09.201... года. Дорохово, Московская область.

В восемь сорок пять Сергей сидел на крыльце и ждал Александра. Тот появился ровно в девять ноль-ноль.

– Утро доброе, работяга! Всё взял с собой?

– Само собой, – ответил Сергей. Хотя спецодежду и документы он сложил в рюкзак с вечера, а полчаса назад всё перепроверил, вытряхнув на застеленную покрывалом койку, но тревожный холодок прошёл по спине и он хлопнул себя по рюкзаку. Ощувив наощупь сквозь ткань рюкзака объёмный рыхлый пакет в большом отделении и маленький, но упругий свёрток в боковом кармане, он успокоился.

– Ну, тогда пошли.

За воротами лагеря они пошли мокрой асфальтовой дорогой через лес. Александр достал из кармана пачку «Арктики» и закурил. Сильный и терпкий парфюмерный аромат, как будто в крепкий сладкий чай с бергамотом налили мускусных духов, унёс Сергея куда-то далеко – вроде бы в седь-

мой класс, когда обычной «Балканской звезды» в киоске не оказалось и продавщица предложила взять «Арктику», которая стоила немного дороже. Сергей вспомнил, как в этот день собирал в вёдра яблоки, как потом мама испекла шарлотку и как вкусно было всё это трескаться прохладным осенним вечером...

Александр вдруг остановился, как вкопанный, прямо посреди дороги:

– Ты ведь непьющий? – спросил он Сергея с настолько озабоченным видом, как будто забыл спросить о самом главном и вспомнил об этом в последний момент.

– Ну, как сказать..., – Сергея смутила такая внезапность. Он растерялся и стал вспоминать всё выпитое за прошедшие после беззаботной юности долгие годы. Вспомнил тот день рождения друга восемь лет назад, когда наутро он узнал о себе много нового, чего почему-то в упор не помнил. Вспомнил, как у другого друга десять лет назад родилась дочь; вспомнил, как зачем-то порвал на своей груди футболку той ночью. Вспомнил, как пять лет назад шёл после работы через поле с банкой пива в руке. Вспомнил поминки... На грудь как будто прыгнула холодная и склизкая лягушка, он поёжился.

Молчание затянулось и стало слишком многозначительным. Александр торопливо и как бы желая скомкать ситуацию, пробормотал:

– Да уж скажи ты, как оно есть.

– Банку пива за компанию выпить могу, а если речь о другом, то последний раз допьяна напивался два года назад. За поями не страдаю.

Александр облегчённо выдохнул:

– Ну вот это уже ответ по сути, это я одобряю. На самом деле, очень хорошо, что ты меру знаешь, а то у нас ведь штрафуют за это. Пять тысяч на вахте пьянка стоит.

– Да? Мне не говорили об этом.

Александр его будто и слышал:

– А они тебе говорили, что вахта у тебя заканчивается не тогда, когда ты последний день отработал и за тобой сменщик приехал, а тогда, когда с документами в офис явился?

– Нет, об этом не слыхал.

– Так вот теперь слушай. В предыдущую вахту они сделали как. Когда вахта сменилась, кураторы для отработавших устроили праздник, дискотеку – вот прямо там, на поляне под флагштоком. Выкатили колонки, врубили песни, типа, «Пей пиво!» и «Выпьем за любовь!»; выставили водки пол-ящика, вина пару пачек и пива спайку, чтобы каждый себе по вкусу нашёл. Все и рады! Тем более, раз это начальство выставило, значит, можно, правильно? А потом в час ночи охрана шмон устраивает и на всех пьяных в офис докладная идёт. Стопарь замахнул или кружку бахнул – всё, уже, считай, пьяный. Вахтовики в офис приезжают, а там каждому штраф выписан. Те возмущаться, мол, мы вахту ведь отработали! А им отвечают, что никаких своих там не знают, нико-

му ничего не выставляли, а вот докладная от охраны – это документ, то есть аргумент весомый. И с каждого по пять рубасов, а этих «каждых» набралось двадцать пять человек. Вот и считай – выставились на пять, а обули на сто двадцать пять! Поэтому, когда начальство наливает, пить даже не вздумай. А так – хоть всю вахту кирагазь, только чтоб не в драбадан – всем на это дело глубоко фиолетово. Тот мужик, вместо которого ты приехал, на компоте брагу ставил и всегда поддавший ходил. Но работал исправно, никто ему ничего не предъявлял. Он, кстати, на дискотеку ту не пошёл, потому что ещё до неё накидался, а когда охрана шмон устроила, он спал, а не по коридорам шарахался – его и не подняли. Вот так тут бывает, что можно беспробудно пить и беспредел творить, но под санкции не попасть, а можно из-за мелочи влететь... Тут, главное, всё делать ровно и с оглядкой.

Они вышли из мокрого ельника на широкое шоссе – несмотря на приветливое солнышко и открывшееся огромное голубое небо, холодный и влажный ветер продирает до костей. Где-то позади них каркнула ворона.

В шатре придорожного кафе на пластмассовом стуле сидела и курила грустная буфетчица. Чуть поодаль две девушки с дредами репетировали фаер-шоу. Одна раскручивала над головой парный молот-метеор, похожий на кадило, только если в кадиле было много дыма без огня, то тут был огонь без дыма. Другая девушка пламенем плевалась и жонглировала факелами. Проходя мимо, ошарашенный Сергей чуть

не свернул голову, глядя на них, Александр же прошёл, как ни в чём не бывало:

– Тут много заброшенных лагерей. Таких же, как наш «Мирный». Туда по выходным разные оригиналы приезжают: рокеры, неформалы, язычники и прочие офисные работники, которые с жиру бесятся. Экзотика для тех, кому на Таиланд не хватает.

– И они так постоянно?

– Нет, обычно к празднику какому-нибудь подстраиваются. Сейчас, вроде, ничего такого нет? Наверное, осень провозжают.

Идти по обочине шоссе было некомфортно – проносящиеся мимо дальнобойщики обдавали с головы до пят отвратительной моросью, которая ложилась равномерным слоем по всему телу. Очки сразу застилала пелена, а протирать их каждый раз не было ни возможности, ни желания. Идти рядом и разговаривать уже не получалось – обочина была слишком узкой. Александр что-то пытался говорить через плечо, но Сергей его не слышал.

Под трассой была водопропускная труба – туннель для ерика или вешних вод, похожий на вход в пещеру. Метрах в десяти от этого входа среди ржавеющей травы лежала огромная серая туша мёртвой собаки, которая при жизни была, наверное, чем-то вроде кавказской овчарки. Было непонятно, как нашло свою гибель это могучее животное. Если его сбила машина, то тело пролетело неправдоподобно далеко, а

если животное умерло своей смертью, то было странно, почему конец настиг его на открытом всем ветрам, дождям и проезжающим по шоссе месте. Вряд ли смерть её была насильственной – вздувшаяся и натянутая, словно барабан, кожа на брюхе не давала трупным газам выйти наружу. Рядом с падалью росло какое-то растение с фиолетовыми цветками, похожее на люпин, только цветки были немного другой, более распущенной формы, а зелёные листья – более лохматые, вроде петрушки. Ветер, дувший со стороны поля, доносил чудовищный запах разложения, и Сергей прибавил шаг.

Наконец они добрались до проходной завода, которую они миновали после того, как Александр о чём-то поговорил с охранником, а тот потом с озадаченным видом куда-то звонил.

– Смотри, они тебя под мою личную ответственность пустили, без пропуска. Не забудь Светке сказать, чтоб она тебе его выписала, а то обратно не выпустят. Давай свои документы.

Сергей послушно достал из рюкзака порядком истрепавшуюся файловую папку, где лежала медицинская книжка, копия паспорта и ещё какие-то бумаги из офиса.

Выйдя с проходной, они прошли метров пятьдесят до похожего на ангар здания и поднялись по дебаркадеру, откуда на второй этаж вела двухмаршевая пожарная лестница. Александр взбежал по ступенькам, распахнул железную дверь и вломился внутрь, будто намеревался кого-то спа-

сать. Сергей оглянулся на открывшийся заводской железобетонный простор и на заросшее борщевиком поле за заводским забором, и тоже шагнул в дверной проём. По широкому и светлому коридору, вымощенному кафельной плиткой, Александр шёл уверенно и целеустремлённо, разрезая пространство перед собой, чуть не печатая шаг. Сергей, на которого произвело впечатление это оказавшееся неожиданно огромным и светлым помещением, семенил позади. Дойдя почти до конца коридора, они свернули направо, в примыкающий проход – там была дверь, куда Александр с Сергеем и вошли.

– Здравствуй, Светлана! Вот, привёл к тебе бойца – принимай честь по чести. И пропуск ему выпиши.

Сидящая на стуле пышущая здоровьем полная женщина удивлённо вскинула наращенными ресницами:

– Если охрана не может найти вчерашнее распоряжение Татьяны, то это проблема охраны, а не моя! А пропуск мы твоему орлу конечно же выпишем, – она поднялась и внимательно, напустив на себя какую-то сладострастную томность, оглядела Сергея с головы до ног. – Нечасто нам такие крепьши достаются.

– Стараемся поставлять самых лучших работников! – стараясь скорчить смешную рожу и беспощадно дурным голосом продекламировал Александр. – Куда его отправишь? На большую или малую?

– Знаешь, наверное, такого лучше к Альмире. И он от неё

не сбежит, и она его не заключёт. Такому лучше мешки воро-
чать, чем кастрюли мыть. Мне кажется, они сработаются.

– Тогда оставляю вас с ним – разбирайтесь тут, примеряй-
тесь. Вот документы его – медкнижка, договор.

– Ага, – Светлана пробежалась глазами по документам в папке, – всё, увидела. Ну, хорошо, значит. Можешь быть сво-
бодным, Саша.

Александр многозначительно и с хитрецей улыбнулся. Глядя на Сергея, кивнул на Светлану, округлил глаза, подмигнул и вышел за дверь. Сергей остался стоять в углу, как и стоял.

Оторвавшись наконец от документов, Светлана встала, подошла к Сергею, нежно взяла его под руку и повела к вы-
ходу, промурлыкав:

– Пойдём, отведу тебя к месту непосредственного испол-
нения службы.

Вместе они пошли другим путём – через огромную сто-
ловую, где одновременно могло обедать девятьсот человек. Прошли мимо потрясающей мозаики, которая оказалась хо-
роша издалека, но вблизи была уже далеко не хороша – рас-
печатанная на плоттере и загнанная под стекло претенциоз-
ная абстракция. Ни в какое сравнение с картинами из метро
она не шла; она даже не стояла рядом с простенькими, но
душевными панно из советских столовых, но выглядело на-
рядно. Всё очень чисто, по-современному: аккуратно, доб-
ротно и с закидоном.

Прошли большими стеклянными дверями, спустились по лестнице в фойе здания:

– Вот, обрати внимание, тут у нас банкоматы. Если вдруг надо будет денег снять. Вот там, – она указала налево, – здание администрации, там офисники сидят. Туда мы каждый день выпечку возим, там буфет небольшой. Горячие блюда, гарниры, суп, компот, выпечка – это всё готовят в пищеблоке, то есть там, куда ты пойдёшь работать. Здесь, в большой столовой, только салатами и завтраками занимаются: у нас тут раздача и разнорабочих тут двое – котломойщик и грузчик. Там, где ты будешь отбивать, тоже будете трудиться вдвоём. Но у нас грузчик местный, он, считай, балду пинает, особой работы для него нет: обед да ужин принять. а вот у тебя работы будет навалом, потому что вся бакалея, всё мясо, рыба, овощи приходят на пищеблок, на малую столовую. С котломойщиком Андреем вы скоро познакомитесь.

– А мы уже знакомы. В одной комнате живём.

– Значит, тебе очень повезло, он очень умный и интеллигентный мужчина. И как такого к нам занесло, ума не приложу. Там, на пищеблоке, котломойщик тоже вахтовый – Лёша. Он нормальный парень, но немного манерный. Наверное, вы с ним подружитесь.

Выйдя из главного входа завода, они свернули направо и шли по широкой дороге – если бы это было шоссе, то не меньше, чем в шесть полос. Проходил этот проспект мимо безликих и совершенно одинаковых серо-красных зданий,

похожих на ангары, мимо сборочных цехов, гаражей и складов, где постоянно носились туда-сюда отчаянные карщики, заделывая на кураже умопомрачительные пируэты.

– А нам долго ещё идти?

– Устал? А я надеялась, что ты выносливый, – озорно скосила глаза Светлана. – Нет, вот уже, считай, пришли. Она указала рукой на здание, которое единственное стояло не вдоль дороги, а поперёк – мимо него шестиполосная магистраль давала угла и упиралась в проходную, которая противоположна той, через которую на завод зашли Сергей с Александром. – Вот в те двери выгружают продукты, а из этих дверей уже готовую еду везут в большую столовую.

Сергей остановился, чтобы оглядеть сваренную из арматуры рампу со швеллерами.

– По ней мальчики загружают боксы с готовой едой. С непривычки тяжело, но не боги горшки обжигают, а ты, я вижу, всё схватываешь на лету. О, а вот и Альмира! – Светлана махнула рукой кому-то в тёмный дверной проход.

– Сюда идите! Нечего мне больше делать, как с вами там лясы точить, – на пороге появилась невысокая худощавая женщина лет пятидесяти с накинутой поверх плеч зелёной куртке-спецовке, из-под которой выглядывал белый халат, надетый поверх вязанной серой кофты. – Я ещё заявку не набрала, а вы тут шастаете. Ты мне из этого парня лодыря не делай!

– Иди к ней, теперь она твоя начальница.

Когда Сергей подошёл к Альмире, та крепко, по-мужски, пожала ему руку.

– Здравствуй. Меня Альмира зовут, я кладовщик. Со мной «на ты» – так удобнее.

– Доброе утро. Рад знакомству. Меня Сергей зовут.

– Значит, будешь Серёжа. Ты, надеюсь, не псих?

– Это как? – Сергей ждал каких-то разъяснений, но Альмира молчала и каких-то рамок понятия «псих» не обозначила. Сергею пришлось смириться и ответить:

– Вроде нормальный. По крайней мере, не буйный.

– Этого я и ждала, это хорошо. В армии служил?

– Нет, не взяли.

Вместо стандартного вопроса: «Почему?» или какой-то «остроумной» шуточки, Альмира только изучающе и будто немного с сожалением оглядела его фигуру.

– Разберёмся. Лишь бы истерик мне тут не устраивал, – он залезла в карман куртки, достала оттуда пару рабочих печаток. – Держи вот, надевай и пойдём. Мне мясную разморозку надо в порядок привести – только что машина пришла. Лёша разгрузил, а теперь ты мне всё по полкам разложишь.

Мясной разморозкой называлась комната, склад, где размораживалась, дефрострировала то есть, рыба, курица, говядина и свинина, чтобы на следующий день мясники работали с податливой продукцией. Помещение это было небольшим, три метра в длину и два в ширину с низким потолком. Справа и слева вдоль стен стояли трёхъярусные полки.

– Так, дорогой мой, рыбу тащи сюда вот... Да не бери ты помногу, по одному лотку – мне не надо, чтоб ты завтра руки по полу волочил. Вот так, да, аккуратно. Один на другой ставь, не стесняйся, – приказы Альмира отдавала чётко, спокойно, но так, что никакой возможности возразить не было.

– Хорошо, с рыбой мы покончили. Теперь тащи курицу, нам шесть коробок надо. Да, их вот сюда грузи, над рыбой полка. Молодец. Сколько курицы осталось? Всего пять коробок? Да не может этого быть!

Альмира вышла, сама пересчитала курицу, которой действительно оказалось только пять коробок:

– Ну вот, придётся ещё заказывать. Куда вот им... Ладно. Бери свинины две коробки и ставь вот сюда... Это же говядина! Ты свинину и говядину не различаешь? Ну вот тебе и раз, прислали мне на голову! – Сергею стало очень стыдно, что он не разбирается в таких банальных вещах. Но стало и досадно, что с него этого знания требуют – не мясником же он сюда пришёл работать, а грузчиком. Эти противоположные чувства как будто промелькнули на его лице, Альмира сжалась:– Ладно, раз уж принёс, то ставь одну коробку туда вот, на верхнюю полку, а эту носи обратно. Да, бери то, другое мясо, которое в зелёной упаковке. Эх, горе ты моё луковое.

Внимательно глядев полки и сверившись со списком, Альмира вышла из комнаты для дефрострации.

– Хорошо, теперь пошли в сыпучку.

Они прошли мимо коридора холодильных камер, мимо горы картонных коробок, мимо горы сваленных в кучу поддонов.

– Так, ну-ка, бери этот мешок сахара и понесли его скорей в овощной цех – там нормальные весы. Теперь бери эти две чеплашки, – Альмира протянула ему две жестяные ёмкости, в каких обычно на столовской раздаче лежат гарниры. – Давай, в одну надо десять с половиной сахара, а в другую – двенадцать. Да осторожней же, ёлки-палки! – Сергей слишком усердно размахнулся полным сахара ковшиком и немного сладких и липучих кристаллов упало на пол. – Я только вчера тут прибралась, все полки с Лёшей передвинули – не хватало, чтоб ты тут опять всё сахаром засыпал.

За этот день Сергей узнал много нового. Он научился отличать свинину от говядины, стал правильно открывать мешки, аккуратно надрезая и выдёргивая нитку. Узнал, что ставить в холодильник горячий суп, компот и гарниры можно и они от этого не протухнут – от этого может испортиться холодильник, но если холодильник не твой, то и забота не твоя.

Ещё он познакомился с Лёшей, который работал котломойщиком. За день перекинулся с ним парой фраз – поговорить времени не нашлось, но и тех фраз было достаточно, чтобы понять – он человек неординарный: работал в высоких армейских ботинках, себя просил называть «Брэдом», говорил нарочито гэкая, сдабривая речь излишним и от того

неестественным суржилом. Широкоплечий, высокий, с прямой спиной – он очень несуразно смотрелся с пенной губкой в одной руке и двухведёрной кастрюлей в другой. Не под стать это было ему. Но представить себе его с автоматом или на олимпийском пьедестале тоже не получалось, однако вот если во фраке, в накрахмаленной белой рубашке и с застывшей широкой улыбкой в дверях ресторана, метрдотелем таким, то выходило в самый раз. От него веяло какой-то надёжностью, уверенностью, но это была не кичливая и вызывающая самоуверенность гуся из подворотни; это не была надёжность старого казака из былинных времён, который выстраивает мир вокруг себя; в случае Лёши это была внутренняя самодостаточность и безотходная самокупаемость. Из-за этого он казался крепким, но вялым.

Вообще, пообщаться по-хорошему не получилось не только с Лёшей, – со всеми остальными обитателями кухни удалось только познакомиться: с разухабистыми мясниками, которые у себя в цехе нарезали вёдрами гуляш, месили бочками фарш и формовали сотни котлет под удалой драм-н-бэйс; с тремя Татьянами, две из которых работали в горячем цеху, а третья была пекарем; с похожим на пирата поваром-заготовщиком Юрой и его коллегой Ириной; с неунывающим сушефом Олегом, в шкафчике которого почему-то висел распечатанный на принтере портрет Гитлера и с шеф-поваром Светланой, которая была совсем не похожа на шеф-повара, с Семёном, администратором этой столовой, который обладал

высоким ростом, атлетичной фигурой и каким-то вельветовым басом.

Когда вечером Сергей разбивал на макулатуру картонные коробки, то наслушался сплетен и слухов.

Он узнал, что у Светланы, администратора большой столовой, была квартира в Верее и муж, который, наверное, очень её любил. Светлана была женщиной импозантной и во многом уникальной. Будучи невысокой и плотной обладательницей раскосых глаз, она была счастливой обладательницей попы абсолютно уникальной и невиданной формы. Сердечком, как единодушно сошлись все ценители этой части женского организма. У неё всегда была короткая стрижка с длинной чёрной чёлкой и густо, ото всей души накрашенные глаза, которые она автоматически строила всем находящимся в радиусе поражения мужчинам безо всякой задней мысли. Эффект получался противоречивым. Юра по ней сох, Олег с грустью цокал языком, а Семён рассматривал её как удивительное произведение природы, мол, дивны твои дела, Господи! Это дело господне всегда ходило на шпильках, носило самые отчаянные и приятные во всех отношениях наряды, состоявшие из сплошных рюшек, фестончиков и кружев. Администратором она стала исключительно благодаря тому, что Татьяна, управляющая столовой, приходилась ей родной тёткой и более некомпетентного администратора представить себе было трудно. Но работникам столовой она нравилась, потому что человеком она по природе своей была

простым, добрым и ни до чего ей не было дела.

Семён, администратор пищеблока, тоже едва ли был профессионалом высокой квалификации – половину рабочего дня он травил анекдоты в кабинете с шефом и су-шефом, чтобы потом повторить их в курилке поварам, а во второй половине дня пропадал где-то, как говорил Лёша: «на территории». О его возможной очень тесной связи то ли со Светланой, то ли с Татьяной, а может быть и с обеими, судачили все, кому ни лень. Так или иначе, но на свою должность он занимал надёжно и тоже полностью устраивал своих подчинённых.

Татьяна, управляющая обеими столовыми, была сумрачной женщиной под пятьдесят. Грозным и принципиальным демиургом она ходила по столовой и нахохлившейся букой сидела в кабинете. Считала свою работу фронтом обороны Москвы, себя политруком Клочковым и из своих работников мечтала сделать таких же панфиловцев, готовых грудью лечь. Но так как в её случае речь шла не об обороне столицы, а всего лишь о работе столовой и выслугой непосредственно её, управляющей, перед вышестоящим руководством, то самым страшным последствием провала работы кухни могло быть разве что увольнение этой самой Татьяны. Поэтому работники такого командира не любили и за глаза подличали. Допустим, большую радость в коллективе вызвал тот факт, что во время отпуска Татьяны в Сочи шли проливные дожди, море штормило и за две недели её пребывания там темпера-

тура ни разу не поднялась выше восемнадцати градусов. В то время как в Дорохово стояла прекрасная солнечная + 25 погода, а комфортность климата внутри коллектива поднялась до небывалых дотоле высот. Многие посетители отметили, что и гречка стала будто рассыпчатей, и от риса пахнуло сливочным маслом, а вкус компотов обрёл неведомую дотоле глубину.

Грубый, деспотичный, да попросту плохой руководитель, оказывается, очень важен для коллектива. Он важен так же, как важна ложка дёгтя в бочке мёда, мозоль на мизинце левой ноги и маленький гвоздик в ботинке – когда их нет, чувствуешь себя поразительно хорошо. При этом все кухонные процессы справлялись таким же превосходным образом, но теперь не из-под палки, а с воодушевлением и из любви к профессии. Некоторые говорили, что без Татьяны не было бы порядка и отсутствуй она больше двух недель, то все бы испились и изворовались. Но мы не знаем, не было времени проверить. Да, при Татьяне был порядок по принуждению, а в отсутствии Татьяны был порядок добровольный. При Татьяне пили и воровали с горя и от безысходности, а почему пили и воровали без Татьяны мы установить не можем – слишком краток был этот миг. Наверное, никто даже и украсть ничего не успел.

Как-то так и прошёл первый рабочий день Сергея, в конце которого он пошёл за пропуском к Светлане.

– Ну, как тебе? Понравилось у нас? – та сидела в кресле

нога на ногу акцентируя и поигрывая ручкой, словно сигаретой.

– Нормально, работать можно.

– Ну, вот и хорошо. Я очень довольна, что ты так органично и уверенно вошёл в наш тесный коллектив, – плавным, каким-то кошачьим движением она достала из папки маленький квадратик заламинированного картона. – Вот твой пропуск на месяц – не потеряй.

– Спасибо.

– Да не за что. Завтра приходи уже к восьми утра.

– Хорошо, конечно. Всего доброго!

– Да, пока! – Сергей вышел из кабинета, стараясь поскорее закрыть дверь, но чтобы без хлопка. Его смущало это показное благорасположение и было совершенно непонятно, как на него реагировать. С такими мыслями он проходил мимо мойки, когда оттуда его окликнули:

– Постой, Серёжа! Подожди меня. Я сейчас закончу и, если ты не против, хотел бы составить тебе компанию на обратном пути в общагу.

– Ну, ладно..., – Сергей был удивлён обходительному, но в то же время уверенному и твёрдому тону. Ещё бы ничего, если бы таким тоном говорил какой-нибудь университетский декан, главный редактор газеты средней руки, владелец адвокатской конторы или ещё кто-то в этом роде. Но когда так изъяснялся человек в заношенной майке и полиэтиленовом фартуке, старательно очищающий от остатков присох-

шей гречки полугарнирную гастрóёмкость... – Я только на улицу выйду, воздухом свежим подышу. Ты ведь не долго? – Сергею хотелось этим «ты» нивелировать риторическое преимущество Андрея.

– Да, я уже скоро, – Андрей принял это «ты» даже не моргнув глазом, как должное, хотя Сергей годился ему в сыновья.

– Хорошо, я тогда пойду?

– Конечно! Буквально через пять минут я буду у проходной.

На проходной охранник внимательно посмотрел на пропуск Сергея, а в открытый рюкзак только сделал вид, что заглянул. Видимо, на досмотр его поставили как самого молодого – остальные три находящиеся на посту охранника что-то воодушевлённо обсуждали, сидя за небольшим столиком и до проходящих мимо им не было никакого дела. Мониторы камер видеонаблюдения находились в другом, противоположном углу комнаты и были совершенно беспризорны.

– Надеюсь, я не заставил себя долго ждать? Вы с Сашей как сюда шли?

– Вдоль трассы.

– Наверное, он хотел тебе показать самый простой и запоминающийся путь. Но вообще мы редко этим маршрутом ходим, ведь там машины ездят, а поэтому шумно, пыльно, грязно, а иногда и страшно. Там мы ходим только тогда, когда по лесу идти невозможно: весной, когда снег тает или зимой, когда снега по пояс. Или после ливня, когда в лесу гря-

зи по колено – тогда уж точно по асфальту идти, а асфальт – это трасса. Но лесом лучше – короче выходит. Да и душой там как-то отдыхаешь, полной грудью дышишь.

От бетонной коробки КПП они свернули не налево, откуда Сергей пришёл утром с Александром, а направо – вдоль заводского забора. Потом, спустившись в овражек, пошли мимо лесополосы слева и большого, заросшего борщевиком, поля справа.

– И главное преимущество этого маршрута в том, что в пути поговорить можно, – продолжал Андрей.

– Да, на трассе-то и себя самого не слышишь.

– Вот именно. Но Саше обычно такой дороги только и надо – он не привык других слушать, ты это заметил?

Тропинка, бежавшая до этого параллельно шоссе, взяла через поле вправо.

– А ты тут давно вахтуешь? – спросил Сергей и поправил лямку рюкзака на плече.

– Если именно здесь, то пятый раз. Я стараюсь сюда ездить, на завод – меня тут все знают и я всех знаю... Пригрелся.

– А ты ещё где-то вахтовал от «Работа всем»?

– Работал в Егорьевске, на заводе по производству соусов.

– А там разве хуже?

– Ну, как сказать... Если попадёшь на производство тары, то там только преформы пластиковые таскай да выдувай, а это легко и просто. Но если попадёшь на сами соусы, то уже

тяжело. Ну, по крайней мере мне было непросто таскать бочонки эти, вёдра по двадцать пять килограммов – никакой спины не хватит. Но тяжёлый труд там не главное. Главное, что там неудобство кроется в условиях проживания, – Андрей мотнул головой, словно отгоняя воспоминания. – Общага там просто страшная. То есть у нас тут на один этаж две уборные и два душа, а там на два этажа был один туалет и один душ. И публика сплошь пьяницы и зэки. Бывает, что всю ночь пьют, дерутся и буянят. А тут как-то посOLIDнее рабочие. Не знаю, с чем это связано. Может, с тем, что там как раз зэки и они бригадиров к ногтю прижали, а те их боялись их не только штрафовать, но и слово поперёк сказать.

– Погоди-ка... Мне Саша говорил, что штрафует не бригадир, а офис.

– Правильно говорил. Но только куратору ведь бригадир стучит и с каждого штрафа процент имеет. Только если оштрафованный человек с вахты сбегает, то штрафуют уже самого бригадира, поэтому ему приходится поддерживать равновесие и балансировать на грани, чтобы и самому при деньгах, но и чтоб тылы прикрыты были. Вот, скажем, в том же Егорьевске одного бригадира зэки просто опустили. Ты понял, как. А тут, в Дорохово, наоборот было. Здесь три вахты назад была одна администраторша, что вязалась ко всякой ерунде: то за семечки предъявит, то за нарушение ночью режима, когда ты в туалет пошёл, а то и за курение будто бы в неустановленном месте. С каждого мелкого штра-

фа копейка капала. И что в итоге? Сбежало десять человек и она почти что без зарплаты, на гольном окладе осталась. В следующий свой приезд она, правда, всё компенсировала – дискотеку придумала.

– Это где вахтовикам наливали?

– А ты откуда знаешь?

– Мне Александр рассказал.

– Ну, раз рассказал, значит, такой трюк больше не повторят. Он, скорее всего, кому-то из вышестоящего начальства не понравился, потому что с точки зрения стратегии... – Андрей запнулся за торчащий под ногами корень и чертыхнулся. – Но ты с Сашей всё равно будь настороже – он себе стяжать тоже не дурак.

Они вошли в лес. В пахучий и уютный осенний подмосковный лес, воспетый группой ушлых, но неудачливых нуворишей из мультфильма про Чебурашку. Именно в этот момент казалось, что лучшего места в мире искать действительно не стоит – до того там было всё именно так, как надо. По крайней мере русскому человеку, воспитанному на русских сказках. Казалось, именно из-за этой ели сейчас выскочит Серый волк, несущий на спине Ивана-царевича. Именно над такой вот непролазной чащей летит на ковре-самолёте другой царевич, а путь ему освещает томящаяся в клетке жар-птица. А если сойти с заботливо кем-то выстланной старыми деревянными поддонами тропинки, то обязательно попадёшь к избушке на курьих ножках, или встретишь пре-

красную Василису со зловещим фонарём...

– Кстати, Сергей, ты заметил, что карщики на заводе все поголовно выходцы из Средней Азии? Это полноценная мафия. Да-да, не смейся. Однажды охрана обнаружила в огромном мусорном контейнере равномерно уложенные плазменные панели на двенадцать миллионов рублей – такой хай поднялся, что на проходной потом целый месяц каждого проходящего разве что рентгеном не просвечивали.

Они вышли из чащи леса и оказались почти напротив входа в лагерь. Дорога действительно показалась Сергею заметно короче той, которой они утром шли на работу с Александром.

– Но скорее всего дело в том, – продолжил Андрей, – что эти мафиози захотели поменять условия в сделке с охраной, а та не согласилась. Ведь что произошло – плазмы разнесли обратно по цехам и дело сошло на тормозах, никаких концов не нашли. А вот если бы охрана задержала водителя того мусоровоза на выезде с территории... Думаю, он бы смог дать нитку, за которую только тянуть успевай. Но задержали не мусорщика, а задержали контейнер, а тот уже вещь молчаливая. Кстати, если что, тут можно купить вполне себе заводскую стиральную машину или тот же телевизор. По качеству он ни в чём не уступит заводскому, ведь его собирают из патентованных деталей эти же вполне квалифицированные рабочие. Они только гарантийного талона не дадут, потому что собирают это во внерабочее время на внерабочей

территории. Ну, ты понял, о чём речь, да? Зато стиральная машина или телевизор обойдутся намного дешевле, чем на самой щедрой распродаже. Эх, если бы не в Волгоград везти, то взял бы, ей-богу!

Они прошли пост охраны, вошли на территорию лагеря. Сергей, которому теперь стало как-то некомфортно из-за того, что он так панибратски перешёл с Андреем на «ты», решил задать вопрос:

– Слушай, а как вышло, что ты, по всему видно, что человек образованный, вахтуешь тут?

Сергей надеялся, но себе в этом не признавался, что такое непрезентабельное социальное положение Андрея вызвано пороком или преступлением.

– У меня профессия не самая в наше время востребованная. Я зоотехник.

Увидев, что Сергей только глазами хлопает, Андрей вздохнул:

– Этому в университетах учат. Когда-то это было очень важно... Я вот почему учиться пошёл на зоотехника в своё время? Независимости хотел от родителей, ведь если на заводе тогда квартиру давали бог знает когда, то в деревне получить жильё специалисту можно было сразу. И быть первым, пусть и на деревне – это для парня двадцати лет тоже было важно. Понимаешь, ты сразу из городской грязи попал в деревенские князи! В элиту. Пусть сельскую, но элиту – прямо как завещал Гай Юлий. Плюс подъёмные там, льго-

ты разные, романтика и любовь к своей Родине – вспоминались герои послевоенных лет, поднимавшие сельское хозяйство из пепла, из руин, которые распахивали недавние поля брани под пшеницу и за свои трудовые подвиги получали на грудь ордена. Чувствовалось тогда в воздухе, что мы на пороге чего-то нового, невероятного и неведомого. И я скажу тебе, что на этом самом пороге, который в середине восьмидесятых был, я себя чувствовал очень комфортно и теперь скучаю по тому времени...

Андрей пошёл медленнее, почти шаркая ногами по тропинке между кустов. Сергею показалось, что Андрей стал похож на завывающий в пламени свечи фитиль:

– Но тот порог мы переступили, вступили в новые времена, и лично меня эти времена ни к чему хорошему не привели. Не сделал я карьеры, за службу получал тринадцать тысяч в месяц, из которых семь уходило на оплату жилья... А что теперь? Жены у меня, царствие ей небесное, нет, дочка в Москве учится и за ней однушка числится, которая от родителей жены досталась. Вот и решил я свою квартиру сдать в наём, а самому перед пенсией приключений поискать. В восьмой уже раз еду. Сам посуди, меня по специальности ничего хорошего не ждёт – восемь тысяч дохода на руки, а тут за сдачу квартиры я каждый месяц десять имею и тут ещё двадцать чистыми – могу уже и дочке помогать. Выучится она у меня, в Москве осядет, а я буду одну квартиру сдавать,

во второй жить и работать каким-нибудь сторожем. Или, если что-то вдруг поменяется, я и как специалист ещё пригожусь.

Они добрались до своей общаги, вошли в комнату, где пока не было никого из соседей – те ещё работали. Андрей поставил кипятиться чайник.

– Главная беда нашего сельского хозяйства, я считаю, в том, что у нас очень короткий горизонт планирования и нету поддержки от государства для фермеров. Вот Израиль в пустыню провёл искусственное орошение, построил там теплицы, выращивает редиску, потом грузит в самолёты и везёт продавать в Москву, имея с этого выгоду. Почему? Потому что государственные дотации, отсутствие коррупции и уверенность в завтрашнем дне. А у нас? На своём огороде вырастил, на рынок в корзине отнёс, продал, а потом посчитал и понял, что в минусе остался.

Чайник вскипел, Андрей налил кипяток в обе чашки, услужливо подставленные Сергеем.

– Или вот в Аргентине, откуда к нам говядину везут через океан и пять морей танкерами. Почему оттуда дешевле, чем из твоей же Кировской области, откуда корову своим ходом пригнать можно? Потому что круглогодичный выпас, хороший климат, минимальная себестоимость и коррумпированные сволочи, которые для иностранцев все порты открыли – продавай, аргентинский Диего, а владимирский Вася пусть слезает с трактора и охранником идёт работать в магазин,

где твоя же, Диего, говядина продаваться будет.

Конечно, в глобальном смысле это правильно, если, скажем, газ и нефть добывать на Ямале и продавать в Буэнос-Айрес, а на Ямал слать говядину, которая очень хорошо производится в климате Аргентины... Но мы, люди планеты Земля, к сожалению или счастью, живём не в едином государстве, мы пока ещё не граждане общего мира. Поэтому каждое государство должно блюсти в первую очередь свои интересы, то есть интересы своих граждан.

Андрей подул на горячий чай и осторожно отхлебнул. Горячо, поэтому пока он чашку отставил:

– Ты смеяться будешь, но я предложил бы колхозы возродить, где зарплата была бы не почасовая, а сдельная. Ну, трудодни это называлось. Скажем, принёс колхоз прибыль – получи, работник, процент.

– Ну, я бы так работать не стал, да и не смог бы, – наконец-то нашёлся, что вставить в разговор Сергей. – Оно непривычно, и на какие же это сбережения простому работнику жить до этого самого урожая? Кредит брать?

– Тогда пусть так – минимальная ежемесячная зарплата и большой куш после сбора и реализации урожая, скажем, в октябре-ноябре, а? Разве плохо, если отработал год, когда тебе каждый месяц выдают на провиант тысяч по восемь, зато по итогам работы сразу полмиллиона в карман? Это вполне реальные цифры, я тебе говорю. Но только в условиях помощи государства и уверенности в завтрашнем дне, а то ко-

гда доллар-не доллар, санкции – не санкции, Цапки-не Цапки, а чего доброго какой-нибудь новый Лысенко выскочит...

Виданное ли дело, что уже к марту месяцу мы пакистанскую картошку покупаем, потому что свой урожай сохранить не умеем! – Андрей распалился. А потому что негде – всю советскую инфраструктуру похерили, а новой не возвели. Сельское хозяйство – дело ведь такое... Потенциально, это очень выгодный бизнес с постоянным спросом. Он долгоиграющий в том плане, что ты теплицу построил и стой она двадцать лет – вложений не требует, завёл стадо – оно само воспроизводится будет, выращиваешь картошку – с неё же семена имеешь. Но у этого бизнеса очень долгий период окупаемости, велики риски и нужен большой капитал, чтобы дело начать. А если у тебя есть большой капитал и желание его приумножить, то зачем ты его будешь приумножать несколько лет на молоке, когда ты можешь совершить этот же оборот на каких-нибудь мобильниках за пару месяцев? Тут мало быть богатым, надо ещё быть патриотом, надо свою страну любить больше денег.

– Так как же быть? Пускать во власть одних только патриотов? Так вроде бы те, которые из Кремля, Родину очень любят, хотя бы даже и напоказ – Сергей насколько мог иронично отхлебнул чая.

– Понимаешь, дело ведь не в том, что у нас плохой президент, губернаторы, депутаты, директора заводов и прочие предприниматели. То есть они поголовно кровососы, но

главное дело не в них, а в народе, лучшими представителями которого эти мордovorоты и являются.

Хорошо, не все поголовно, но девять из десяти простых и среднестатистических работяг, которые среди своих друзей слынут славными малыми, оказавшись у кормила власти, оборачиваются такими упрямыми, что только держись. Откуда и что берётся? Вот, кажется, вчера с ним вместе в очереди за пивом стояли, на субботниках вместе лавочки поправляли, но в один прекрасный день стал твой друг председателем и всё, нету человека, пропал – сначала джип в кредит, магазинчик с сигаретами у трассы, потом дела какие-то в городе и поминай, как звали. Со своими он больше не знается и где он теперь – неизвестно: может, в депутаты выбился, может, в Монако девочек на скутере катает или в Мордовии срок мотает. Или в фундаменте гаражного кооператива лежит себе тихонько... Вот как так получается, что вчерашний рубаха-парень без гроша за пазухой вдруг таким сквалыжником оборачивается?

Сергей снова отхлебнул чая, но уже не так иронично, ничего не сказал и Андрей продолжил:

– Вот почему так происходит? Почему в какой-нибудь Австрии или Финляндии люди могут жить нормально, не зарываясь, а нас лишь бы денег украсть и дверь железную поставить? Может, потому что сто лет назад весь цвет нации изничтожили – кого на Лубянке кончили, кого на Соловках сгноили, кто в Ледовом походе сгинул, а кто за кордон сва-

лил? Сейчас, кстати, тоже многие валят...

Андрей поперхнулся чаем, откашлялся не до конца и от этого срывающимся голосом начал:

– У нас каждые пять лет не перезагрузка, так опричнина, а не перестройка, так НЭП! А если не Русская Весна, то коллективизация. Поэтому русский человек не думает о завтрашнем дне – ему надо сегодня успеть. Он понимает, что своё дело строить, чтобы досталось сыну, а от того – внуку, в России по меньшей мере наивно... Это я тебе про горизонты. Вот Демидовы те же начались и кончились при Романовых, например, а финские Fiskars, которые топоры, лопаты и вилы ещё в семнадцатом веке делали, до сих пор на плаву, потому что в какой парадигме жили четыре века назад, в той же системе координат ещё четыре века пребывать будут, а под Швецией ли, под Россией, независимые ли – это уже дело десятое. Им на конъюнктуру власти наплевать, а в России что-то получается что-то создавать можно только с оглядкой на власть имущих, и поэтому у нас обычно стараются побыстрее выгрести, все соки выжать и убежать, пока ветер не переменится. Мы из дореволюционной конюшни ресторан сделаем, потому что кладка кирпичная и надёжная. Мы колхозный амбар сайдингом обошьём и скажем, что это торговый центр. Мы на сельпо вывеску поменяем и скажем, что это теперь крафтовый фермерский маркет, – лицо Андрея скривилось, как будто он выпил не чая, а водки.

– Тьфу. Противно! Как со всем этим быть? Я не знаю. На-

верное, ждать, когда снова разродиться земля русская новыми пушкиными и королёвыми, а самим постараться не оско-тиниться.

Чай в чашке закончился как-то совсем для Андрея неза-метно, он с удивлением посмотрел на её дно.

– Ты извини, что развёл тут свою стариковскую демаго-гию, разговорился я, когда рады слушать.

Геннадий 20-20

Я всё думал, где Иваныч мог набрать столько облепихи? Сегодня подсёк его.

Геннадий 20-22

У железной дороги он её собирает!

Сегодня иду мимо, а он ко мне спиной – кряхтит, стара-ется, набирает.

Я как гаркнул ему: «Бог в помощь!», так он даже за сердце схватился, чуть лукошко не выронил.

Сергей 20-48

Он у железной дороги ягоды собирал? Ты не спросил, за-чем они ему?

Геннадий 20-50

Спросил. Говорит, варенье из них варить будет. Я говорю, так ведь с поездов чёрт знает что валится! Он в ответ про-бурчал, что ягоды хорошо моет, а они не больно-то разберут и отвернулся. Я больше наседать постеснялся.

Сергей 20-51

«Они» ещё какие-то... Может, на продажу? Или гостинец кому-то сделать хочет?

Геннадий 20-52

Да какая там продажа – ему скоро по страховке должно столько денег упасть, что нечего и заморачиваться.

Сергей 21-00

Он, кстати, ничего про дачу не говорил?

Геннадий 21-02

Неа. По крайней мере мне не говорил ничего – я бы сам не знал, так даже бы не подумал, что у него что-то стряслось. Мимо его участка ходил: там всё начисто сгорело, ничего не осталось – одна обгорелая буржуйка стоит. Если её бичи до снега сопрут, то никто и не подумает, что тут четверть века дом стоял.

Сергей 21-03

Ну, в этом-то ничего удивительного нет – погода стояла сухая, бензина я вылил много...

Геннадий 21-04

Знаешь, я почему-то уверен, что печку сам Иваныч вперед бичей в металлолом сдаст :)

Сергей 21-05

Ты, кстати, не забудь потом эту переписку удалить, а то мало ли.

Геннадий 21-06

Так ясен красен.

Геннадий 21-07

Кстати! Я когда Иваныча у железки пуганул, он мне сказал, что чем херней заниматься, так лучше б как Серёга тропинку на бугре посыпал щебёнкой.

Сергей 21-07

Фига он времена помнит! Обалдеть.

Сергей 21-08

Давно ведь было, чуть не двадцать лет назад.

Геннадий 21-09

Да не, поменьше. Вроде Евро-2004 было, когда ты последний раз сыпал.

Сергей 21-13

Точно, да. Как раз после матча с Португалией, когда Овчинников красную ни за что получил. Утром проснулся злой и решил эту злость выплеснуть. Тогда как раз дожди были, тропка поплыла – вот я и пошёл. Я тогда с насыпи железно-дорожной щебень ведром таскал.

Геннадий 21-15

Ты и до этого раза три это делал.

Сергей 21-16

Не, до этого два раза только.

Геннадий 21-17

Ну да, вспомнил. Там через год какой-то доброхот кирпичей навалил и их потом фиг знает сколько утаптывали, чтоб не запинаться. Потом кто-то рубероида настелил так, что лужи и в жару стояли.

Сергей 21-25

А потом и тропинка та никому особо не нужна стала. Там, по большому счёту, только я теперь и хожу.

Геннадий 21-27

Ну, видать, ещё Иваныч там гуляет. Не, вот ведь память, а? У иного другого спроси, так нарочно не вспомнит, а этот... Значит, можешь собой гордиться – дело твоих рук помнят, даже втоптаным в грязь.

Сергей 21-30

Лучше уж так, чем никак) Знаешь, я до сих пор помню свежесть того утра.

Глава VII

25.09.201... года. Дорохово, Московская область.

«И многократно пройденные тропы

Однажды будут видимыми сверху,

Как корка льда, изъеденная ветром.

Как корка льда, изъеденная ветром.

Но если только молча притворяться дубом,

То слетают листьями прожилки от заезженных колёй

По осени поочередно друг за другом».

Плеер играл «Внутренний конфликт» Atlantida Project – любимой группы Сергея. Сергею очень нравился голос этой певицы – глубокий, строгий, но нежный, как еловый бор декабрьской ночью, когда заснеженные лапы деревьев освещает полная луна и каждая снежинка отликает серебром. Вокруг лагеря «Мирный» тоже был еловый бор, но увидеть его в декабре Сергей очень не хотел.

Именно туда он возвращался этим воскресным утром после похода в магазин. Стиральный порошок, гель для душа, сушки, зубная паста, пачка чая, сахар-рафинад забили весь объём рюкзака, но не очень тяготили плечи. Хорошо работать при столовой – тратиться приходится только на хозку и неважные мелочи. Иные прутся с целыми баулами макарон, риса и картошки целых четыре километра от магазина, чтобы потом после долгой смены допоздна варить, жарить и тушить своё скудное пропитание. По сравнению с работниками конвейера, Сергей шёл налегке.

Бледно-жёлтое октябрьское солнце и нежный прохладный ветерок приглашали присесть – пришлось устроился на металлических ступеньках двухмаршевой лестницы серого здания, которая была служебным, чёрным входом для организаций, расположенных в нём. Главный фасад с парадными входами и очень красивыми вывесками ресторана «Флешбек», парикмахерской и салона автозапчастей был обращён к многочисленным путям железной дороги, со стороны которой никто в это здание не приходил: посетители шли из посёлка и на машинах подъезжали оттуда же. Когда-то это здание было ведомственным и принадлежало железной дороге, а потом за ненадобностью было продано на офисы и осовременено пластмассовым сайдингом. Получалось, что выщекатуренным лицом любовались пассажиры поездов дальнего следования, которые на Минск, Брест, Варшаву, Прагу или даже Ниццу, а одноразовый серый зад был предоставлен взо-

ру тех, кто регулярно ходил туда подкрепиться, подстричься или поменять свою старую свечу зажигания на новую.

Поставив рюкзак на ступеньку, Сергей сел, достал пачку, вынул сигарету и нашарил в кармане зажигалку. Чиркнул раз, другой – раздался лёгкий щелчок и скрежет пружинки о зубчатое колёсико возвестил об отправке кремня в свободный полёт... Возвращаться назад в магазин ради новой зажигалки не было ни малейшего желания, но и идти вперёд до киоска при автобусной остановке тоже не хотелось – хотелось курить именно сейчас и здесь. Поэтому, исполнившись стойкости и решительности, Сергей остался сидеть на месте, в надежде дождаться прохожего, у которого он сможет спросить огоньку.

Дождлся он покашливания откуда-то из-за спины. Высокий и крепкий парень лет тридцати стоял пролётом выше и курил. Он был в шлёпанцах, спортивных штанах и в застёгнутом на пукли поварском кителе, который выглядывал из-под чёрной олимпийки с белыми рукавами. Сергей встрепенулся и стрелой, через три ступени, бросился к нему:

– Слушай, огонька не будет?

Повар на мгновение отступил на полшага назад и оценивающе оглядел Сергея, хитро улыбнулся и добродушно протянув ему зажигалку:

– На, держи.

Взяв зажигалку в руки, Сергей сначала прикурил, а потом оторопел, когда увидел на ней золотой с голубым щит.

– Ух ты! Это же Кировской области герб! Где достал?

– А ты тоже оттуда? – незнакомый здоровяк развёл руки в стороны то ли для объятия, то ли готовясь к борцовскому захвату.

– Да, из Кирова я.

– Вот не ожидал встретить тут земляка! Ты тут на заводе что ли работаешь?

– Да, на заводе. Но я в столовой грузчик. А ты тут повар?

Он с недоверием посмотрел на свой китель, а потом ответил:

– Да, повар. Сушист. А давно ты тут вахтуешь?

– Уже две недели здесь котлы с супом тягаю. А ты?

– Ничего себе! Я месяц назад приехал. Ехал-то в Москву на другую должность и на другое место, но... – он вдруг вспыхнул. – Вот нормально, нет?! Прикинь, звоню им во вторник, спрашиваю, нужен ли им повар? Они отвечают, что конечно же нужен, даже необходим. Я говорю, что завтра выезжаю и послезавтра буду на месте. Они мне в ответ, что ждут с нетерпением. Я на последние деньги беру билет, в четверг с утра стою у них на пороге, а мне говорят, что уже нашли повара. Здорово, да? – незнакомец вдруг затих, поняв, что погорячился. В общем, теперь я здесь, а зажигалку держи в честь встречи земляков – у меня ещё две такие есть. Пусть тебе о доме напоминает.

– Большое спасибо!

Пока Сергей радостно вертел в руках подарок, повар в

задумчивости курил, словно оценивая своего неожиданного собеседника:

– У тебя, вижу, наушники. Что слушаешь?

– Да так, разную музыку. Рок, рэп, электронщина разная... Сейчас киберфолк играет.

– Фолк – это правильно, это всегда хорошо. У меня вся семья музыкальная в той или иной степени. Сам без музыки не могу и отец, царствие ему небесное, когда-то машину только ради магнитолы купил – очень ему нравилось под дождём ездить и блюзы слушать. Дед в своё время чуть срок за свой Грюндик не получил – говорили, типа, он его ночами крутит и загнивающий Запад слушает. А прадед вообще с Задерацким дружил, который в царской семье наследника музыки учил, – сушист высокомерно и оценивающе, но улыбаясь, посмотрел на Сергея, а тот как раз слишком глубоко затянулся и, чтобы не закашляться, прижал ладонь к лицу и невнятно хмыкнул. Сушист принял это на свой счёт:

– Не веришь, а зря. Подружился с ним прадед уже после революции, когда Задерацкого из столицы выслали. Срок подошёл к концу и он прадеда с собой звал, обещал помочь с ГИТИСом, но у прадеда уже семья была – беременная жена с младенцем на руках. Так он и остался в деревне, где талант свой открыл.

По дороге мимо них проехал Фольцваген Амарок, выкрашенный в камуфляж «дубок» с худощавым бородачом за рулём. Лобовое стекло украшала грозная надпись «На

Берлин!», а сзади на кузове латиницей гордо значилось: «TANK». Из окна донеслось: «... и я с такой, как она, ни за что, никогда...». Повар продолжил:

– Прадед мой был гармонистом от Бога – первый парень на деревне, которая занималась в основном лесозаготовками: валили деревья и гнали по узкоколейке до большой железной дороги, где уже грузили в эшелоны. Полноценно, клуб располагался в деревне. В здании бывшей церкви, конечно. Акустика там хорошая – хоть концерт играй, хоть пой, а хоть бы и кино смотри. И висел там портрет композитора Мусоргского, работы Ильи Репина который. Репродукция, конечно, не оригинал. Был тот композитор в деревне когда-то проездом, свечку в церкви ставил – потому и клуб был не имени Ленина или Луначарского, а Модеста Петровича. Наверное, из-за это церковь не снесли, а только вывеску присобачили.

Повар присел на ступеньку, уперевшись могучим плечом о стойку перила:

– Но не в церкви дело, а дело в том, что прадед напротив портрета этого всё сидел с баяном упражнялся. Но простые уроки, гаммы там всякие, не давались ему хоть тресни. Месяц он инструмент тиранил, а с места не сдвинулся. Не идёт дело. Чуть не плакал, но репетиций не бросал – очень он прикипел к этому, хотел добиться прогресса и результата.

И вот однажды где-то в начале апреля, ночью ему сам этот Модест приснился. Приходит будто он к нему в избу такой,

значит, в халате, на лавку садится, руку так кулаком в колено упирает и говорит: «Ты, Ванюша, мне понравился. Упорный, нрава хорошего и мысли у тебя правильные, основательные. Но не с того конца за дело взялся, ей богу – тебе эти гаммы гонять, что архитектору бани рубить. Архитектор должен соборы строить, а ты должен хорошую музыку играть, не «трали-вали». Вот лучше мою «Ночь на Лысой горе» сыграть по-пробуй».

Сергей достал вторую сигарету и закурил. Сушист продолжал:

– И прадед попробовал! Наутро гармонь в руки взял, прямо в избе на эту же лавку сел, на которой Модест ночью во сне сидел, прошёлся по рядам раз, прошелся два, а на третий выдал без запинки и помарки! По памяти и без нотной грамоты! Вечером пришёл в клуб – все так и ахнули! И потом за какое произведение не возьмётся – всё ему нипочём! Берётся ли Чайковского играть, которого и выпускник консерватории не осилит – аппликатура сложнейшая, во все голоса нутро рвёт от строевых до квинтовых, но всё как по маслу. Сложнейшая аранжировка – пожалуйста.

Прадеда везде звать стали – похороны ли, свадьба или так, торжество какое – везде и всякий ему, как червонцу, рад, а раз подобное притягивает подобное, то и прадед червонцев тех загашник сложил – мама не горюй! Зажить бы, кажется, да негде и некуда – времена тогда укромные были. Он и решил в райцентр перебраться.

Повар грустно вздохнул и тоже полез за второй сигаретой, Сергей решил заполнить неловкую паузу:

– Что же ему мешало?

Сушист грустно усмехнулся:

– Штука в том, что тогда в Союзе крестьянину поменять колхоз на город было непросто – без бумаги от председателя и с места тронуться не могли: на первый раз оштрафуют и под конвоем обратно привезут, а на второй раз могли и 58-ую статью полноценно пришить. Эх... В городе-то прадеду раздолье было – торжества не в пример деревенским и не столько количественно, а качественно: рестораны разные, клубы, парткомы, профсоюзы, да и вообще – плацдарм для дальнейшего штурма. Прадед тогда выучился курить – не для удовольствия, а для форсу, для солидности.

Стал прадед искать подхода к председателю. Не то, что подхалимничать, но подличать пришлось – то улыбаться шире, то руку жать жарче. И вот так, долго ли, коротко ли, но пошли они с председателем на охоту. Ну, не бог весть на какую охоту, так – по воронам да грачам пострелять из мелкашки. Председатель ему и говорит:

– Выбил я тебе место в городе, в доме культуры железнодорожников, который был построен на сокровища Клавдии Ивановны Петуховой. Готовы тебя принять, только справку выправить – и езжай!

– Вот спасибо, дорогой Трифон Семёнович! Вовек не забуду тебя!

– Да ты подожди пока, не договорил. С жильём будет туго – прямо там, в каморке при клубе обретаться и будешь. Поэтому семью оставить придётся тут. Но ведь ты с головой, быстро там на ноги встанешь, а я тут твоих не брошу.

Делать нечего, подумал прадед, придётся пока своих покинуть. Благо, старший уже подросток и малая не только ходить, но и говорить умеет.

Уже билет на поезд покупать собрался, но снова деду Модест снится. Сел он будто на собранный уже в углу чемодан и говорит нараспев:

«Казбек в себе хранит разлом
Твоей судьбины перелом
С Эльбруса не падёт утёс,
Но жизнь твоя вся под откос».

Встал, развернулся и растворился в воздухе.

Последние дни оставались перед отъездом и прадед с мужиками пошёл в ночное. Взяли с собой, как обычно, для сугреву... Ну, ты понял? Когда их потом председатель за то пожжённое сено распекал, то всё как-то само собой на деда свалилось, потому что он один из всех курил. Вернее, в открытую курил, потому что потом люди говорили, мол, сгорел тот стог, у которого председателев сынуля ночевал, а прадед с мужиками в совсем другом месте дозор несли, да кто уж потом-то разбираться станет? Тем более, что дед там за старшего был, с него и спрос. Председателя сын по тихарке, боясь отцовского гнева, как раз курил «Казбек».

Отправили деда замаливать пролетарский грех – поддерживать в порядке лесополосу и молодую поросль рубить, чтобы на пути не вылазила. И однажды слетел у него топор с топорища – надо бы треснуть, да не об что. Решил треснуть об рельсину топорищем – оно и верно, сразу встало на топорище, как так и было, да только смотрит прадед – в стрелке, которая от их дебаркадера на основную ветку выходит, костыль воткнут железнодорожный и та переключиться не может. Побежал он прямо с топором к будке смотрителя, а ему уже навстречу паровоз несётся. Дед руки раскинул, поезд остановил, всё машинисту объяснил. Поезда задерживать было нельзя, поэтому они с машинистом тот костыль просто выбили и состав дальше пошёл своею дорогой. Потом, когда куда следует доложили, деду в благодарность срок трудовой повинности скостили, но после стали выяснять отчего этот костыль там оказался, стога сгоревшие, да другое-третье по мелочи... В общем, не стало у прадеда проекции в лице председателя. Новый же председатель музыку хорошую не любил, а любил теннис – к такому уж не подступиться было.

А в поезде этом ехал Утёсов, концерт давать с оркестром в областной центр. Он, значит, концерт тот дал, а после у местного секретаря партии спрашивает, как у вас в области дела с радиофикацией обстоят? Секретарь и отвечает, мол, ударными темпами, товарищ артист, опережаем план чуть не вдвое! А сам за дверь – шмыг и к своим подчинённым,

у которых все эти радиотарелки со столбами-проводами на бумаге только были. Испугались, что приедет потом Леонид Осипович в Москву, скажет, что надо кому не следует, и полетят их головы партийные, как капусты кочаны по осени.

Через дорогу важно сам по себе перешёл кот с роскошным хвостом, сел у лесенки и с нескрываемым презрением посмотрел на курящих. Повар неожиданно хлопнул себя ладонью по бедру:

– Того рот наоборот! Фирменный поезд, который из Москвы, «Эльбрусом» назвали! А мы всегда в семье думали, что Модест в прадедовом сне Эльбрусом фигурально назвал насыпь железнодорожную... Блин, я только сейчас понял... Вот ведь, а?

На минуту он замолчал, думая о чём-то своём.

– Ну, Эльбрус уж – не «Эльбрус», а радиофикация развернулась темпами небывалыми и уже через неделю в деревне радио провели, а так бы оно у нас ещё не скоро появилось, тем более что следующий год был сорок первый и там не до матюгальников с вальсами стало...

Нет, с радио, конечно, лучше – новости все знаешь, музыку слушаешь, причём всё артистов самой первой величины, звёзды эстрады и с оркестром. Только прадед понял, что жизненная его гармония закончилась и теперь гармонист нужен либо на колхозной пьянке, где дым коромыслом, или в филармонии, виртуозом, а такие вот как он, средний класс, ликвидированы радиоточками и остались теперь или грошо-

вые шабашники, которых под каждым забором восемь штук валяется и никто их не поднимает, или орденосные титаны, которых на всю страну штук десять. Такие же, как дед, червонцы золотые, которые под угол сруба каждого добротного дома клали, теперь не нужны – вместо них звезды все-союзной эстрады, которые не в каждый областной центр-то с концертом едут, не то, что в глухомань. А благодаря радио они теперь в каждом доме и выбирая между монетой и орденом с лентой кто же на целковый позарится? Ещё Утёсов и Шульженко в каждом доме работают бесплатно, лес валить они не ходят, уваживать магарычом их не надо, они всегда в голосе и не простужаются.

Поэтому пошёл прадед на работу и топором себе руку тюкнул. Несильно, но с перевязкой месяц потом ходил и ещё пару месяцев после от предложений играть на свадьбах отказывался, будто пальцы не гнутся, а потом сходил в клуб, вбил гвоздь прямо в штукатурку под портрет Мусоргского и на гвоздь этот свой баян повесил.

Прадед потом без вести пропал, когда Белоруссию от фрица освобождали. В пехоте служил, старшиной был.

Он, задумчиво и медленно выпустил дымное колечко, которое тут же подхватил и развеял ветер.

– Историю эту я от деда знаю. Он всё думал, а если бы прадед с баяном остался, то мог бы попасть бы в какую-нибудь фронтową артистическую бригаду к тому же Утёсову. Как бы тогда его жизнь сложилась? Ведь он ошибался и не

смогли звёзды загасить искорки: после того, как прошёл первый ажиотаж вокруг радио, снова стали гармонистов звать, потому что никакое радио не передаст живой и настоящей энергии и эмоций. И ставили на радио хотя и очень хорошие, но одни и те же песни и крутили их по расписанию, а душа-то ведь праздника безо всякого расписания просит, в редких, но метких случаях и за полночь музыки требует.

До сих пор прадеда вспоминают, композитором зовут, потому что его музыка вела куда-то ввысь, к звёздам над головой, а не то, что у пришедших после него оболтусов, у которых тальянки только выли и трын-травой пропасть от этого хотелось. Легендарной личностью на их фоне прадед стал. Может, на таких гармонистах деревня-то русская и держалась? Может, будь в каждой деревне такой человек, то и не пропала бы она?

Сушист снова закурил:

– Меня вот тоже подвели сигареты. Ну, то есть не то, что сигареты... Короче, я когда не курил, то в школе разрядником был, а образование у меня высшее, поэтому после второй чеченской я карьеру сделал влёт – в двадцать четыре уже капитан! Но мой двадцать пятый год совсем чёрным выдался. Сначала мне на соревнованиях ключицу сломали и связку в колене порвали – чуть не полгода на костылях, я от безделья и закурил. На даче по галкам и воронам из двустволки стрелял, не зная, куда себя деть.

Когда на работу вернулся, то в первую же неделю мне на задержании нож в левый бок вогнали – опять в лазарет... По службе меня многие обскакали, из первой обоймы я выпал, майорские погоны всё дальше и дальше... Короче, запил я, причём пить-то мне здоровье позволяло – месяцами не просыхал. Потом по глупости подставился... Как видишь, теперь я повар на вахте и путь в органы мне заказан.

Сейчас вот думаю, а вдруг это из-за сигарет тоже всё? Прадеду ведь тоже двадцать шесть было, когда мимо него Утёсов звездой Польшью пронёсся. Я ведь даже предполагаю...

Вдруг из полуоткрытой двери столовой молодой, но резковатый женский голос прокричал:

– Максим, тебе заказ вышел! Ролл «Канада» и удон с курицей!

Повар упруго затянулся, с сожалением выбросил докуренную едва ли до середины сигарету, протянул широкую руку:

– Ладно, пока, земляк! Заходи чур чего! Рад знакомству!

– Я тоже!

Уходя от здания, повернутого передом не в ту сторону, Сергей решил, что с завтрашнего дня бросит курить. А то мало ли что. Но зажигалку положил в рюкзак, на самое дно. На память.

Глава VIII

12.11.201... года. Дорохово, Московская область.

Сергей проснулся в семь сорок пять – ровно в то время, когда он, совершенно не выспавшийся, обычно приходил на работу, но теперь, в его единственный выходной, голова была поразительно ясной, как будто получила ровно ту дозу сна, которая ей и требовалась – ни больше, до ватной вялости и мягкотелой апатичности, но и не меньше, когда каждое действие даётся только после преодоления внутреннего протеста, разгона нутряной манифестации и подавления душевного несанкционированного митинга самыми решительными методами.

Но свежей и бодрой была только голова, а управляемое этой головой тело изнывало от усталости. Это тело могло, но совершенно не желало шевельнуть ни единым своим органом или субъектом и, чтобы просто перевернуться на другой бок, исполнительной власти на местах пришлось затратить немало сил, внушительных ресурсов и убедительных аргументов. Но когда весь измождённый организм Сергея перевернулся своими надзорными органами к окну, то приуныла и бодрая голова – день был асфальтово-серым, промозглым, обещал дождь, сырость и слякоть. Грязной охрой сквозь расходящуюся мгу смотрелись деревья.

«И как ты теперь на Бородинское поле поедешь, что хорошего там увидишь?» – насмешливо спросил оппозиционный политический обозреватель. «Ну, вот увидишь поле, где битва была мирового значения. Конечно, это сакральное место силы и славы русского оружия. Разумеется, там произошло одно из ключевых событий истории Отечества, но тебе-то от этого легче станет, когда с простудой свалишься и никто тебе больничного не оплатит? Поэтому сиди-ка ты лучше на шконке да чай гоняй – целее будешь, а на поле это съездишь в следующий выходной».

«В следующий выходной погода может быть ещё хуже. Что тогда?» – Сергей попытался возразить своей вовсе не жаждущей зрелищ интеллектуальной элите.

«Ну, если и там погода будет плохая, то со смартфона поглядишь – на проезде деньги сэкономишь, так ещё лучше даже. Вот», – обрезал обозреватель и закончил трансляцию.

Казалось, что эти доводы очень даже резонны, но потом вернуться домой и сказать, что два месяца сидел в трёх станциях от Бородино и не нашёл времени туда заглянуть? До конца вахты оставалась две недели, значит ещё будет только один выходной на экскурсию. Но там погода может быть ещё хуже или реально может свалить простуда и точно будет не до поездок.

Собравшись с силами, Сергей сел на кровати, дотянулся до стоявшего на тумбочке чайника, нажал на кнопку. Пока тот закипал, он пристально вглядывался в окно, стара-

ьясь рассмотреть хоть какой-то признак улучшения погоды, хоть один просвет в тучах, хотя бы призрак надежды. Безрезультатно. Однако аналитический отдел сообщил, что в окне он видит только малый кусок неба, поэтому для понимания всей картины пришлось натянуть штаны и с чашкой горячего и душистого чая с чабрецом смело шагнуть в прохладу октябрьского крыльца. Хотя с чаем и в штанах он чувствовал себя намного комфортнее, но теперь уже полностью обозримое волглое и серое небо уверенности в целесообразности вояжа не внушало.

Сергей сел на скамейку, посмотрел в урну, набитую до отвала окурками и пожалел, что из соображений экономии бросил курить две недели назад. Один из окурков был выкурен меньше, чем наполовину и манил к себе, но – нет, сигарет нет и не будет минимум до конца вахты. Над лесом с востока на запад пролетела какая-то большая чёрная птица. Проследив за её полётом, Сергей вздохнул и пошёл обратно в свою комнату, где уже было лёг на диван и стал думать, что бы такого почитать, когда победившая волна народного возмущения организованно захватила все площади, мосты и телеграфы. Харизматичный лидер общественного мнения уверял, что уж не какие-то стахановские производственные подвиги Сергей совершает и если простудится, то вряд до пневмонии. Возвращаться же сюда, на новую вахту на этот завод проклятый и в этот пионерлагерь конченный он не планировал никогда, поэтому, вряд ли в этой жизни побывает

и на Бородинском поле. Отлежаться же на диване он и в деревне успеет, тем более что после вахты в ноябре делать там всё равно будет нечего. Посмотрев расписание, выяснил, что ближайшая электричка в десять ноль четыре. Хорошо. Значит, надо подкрепиться и собираться потихоньку.

В девять двадцать, когда Сергей покинул территорию пионерлагеря и двинулся в сторону станции «Партизанское», в сером небесном асфальте стали появляться радующие глаз трещины, прогалины и просветы. Конечно, морось последних дней сделала своё дело и пробираться вдоль просёлочной дороги было трудно, очень утомительно и мокро – приходилось тщательно искать место, куда могла бы ступить нога человека, а зачастую стараться угадать, какая из двух луж является меньшим злом. Тем не менее, до станции удалось добраться даже раньше, чем предполагалось. Интересно, каким именно партизанам обязано это место своим именем – тем, которые в 1812 жалили отступающую Непобедимую армию или те, которые в 1941 пускали под откос фашистские эшелоны? Жаль, что некого было спросить и даже билетная касса была закрыта. Сергей успел трижды обойти платформу из конца в конец, пока из-за поворота не выглянула электричка, оглашая окружающую пустоту могучим гудком. Вот и стоило ли окрестных птичек и белок пугать, чтобы предупредить и так готового к прибытию поезда меня, подумал Сергей, забираясь в вагон, – тем более, что я мог бы и не поехать никуда. Для кого бы тогда прозвучал этот гудок? Кто

бы услышал его в этот понурый день на пустом перроне?

Геннадий 9-42

Привет! Помнишь, колодец в деревне у железнодорожной будки стоит, у закрытого переезда?

Сергей 9-44

Конечно помню. Пока скважину не сделали, так постоянно туда за водой ходил, ещё со школы. Сначала с одним ведром, потом подросток – с двумя ходить стал, а когда дорога хорошая, то с флягой на тачке ездил. А что?

Геннадий 9-45

Так и я пару раз на него ходил, помогал тебе воды в дом принести. Помнишь, в восьмом классе, когда ты ногу сломал? Здорово было.

Геннадий 9-48

Не то было здорово, что ты ногу сломал, а процесс. Здорово так – бросаешь ведро в эту железобетонную бездну, оно туда летит, громыхает, а потом – плюх! И тянешь наверх, всеми силами ворот крутишь. И потом одной рукой держишь ворот, а другой ведро ловишь, чтобы на приступок поставить. Чувствуешь себя сильным и могучим покорителем природы! И не хочешь, пить, но обязательно через край отхлебнёшь этой студёной и живой воды.

Сергей 9-49

А я воображал, что я в Мории, у могилы Балина и что этот тот самый колодец, где хоббиты барлога пробудили. Ко-

гда днём ходил, то было смешно, а ночью потом с опаской возвращался, оглядывался – не гонится ли кто за мной с огненной плетью)

Геннадий 9-50

Это да. Мистическое место. Но не в этом дело. Там стены все сгнили, крыша заваливаться начала, доски болтались.

Сергей 9-52

Ну, само собой. Когда-то всей деревней туда ходили, так было кому приглядеть – кто снег огребёт, кто доску прибьёт, а когда и на рубероид скидывались.

Сергей 9-53

Но теперь-то у всех скважины, про колодец вспоминают только если электричество вырубят – вот его и забросили. Туда на постоянку только Колян, наверное, и ходит.

Геннадий 9-55

Так Колян тут и отжёл. Исправил он колодец, теперь он что твоя игрушка новогодняя!

*фото колодца, обшито плакатами с Дедом Морозом, Снегурочкой, ветками ели и надписью «С новым 2011 годом!» *

Сергей 9-56

Офигеть!

Сергей 10-01

А я чего-то не разберу – это картон какой-то или ткань?

Геннадий 10-01

Это фанера крашенная.

Сергей 10-02

Значит, не только нарядно, но и надёжно!

Сергей 10-02

А где он этого добра набрал? Спёр что ли?

Геннадий 10-04

Говорит, с лыжной базы из Чухломы притащил. Базу закрыли, она запертая стоит. То есть замок-то на двери – всё в порядке, а вот окна бичи выставили и всё ценное вынесли. А на сарайке рядом даже дверь вынесли – там эти транспаранты и лежали.

Геннадий 10-05

Говорит, чего, думаю, добру пропадать? Взял и притащил эти листы. Теперь так смотрится необычно.

Сергей 10-07

Ага, учитывая, что до НГ ещё три месяца.

Геннадий 10-08

Во-во. Такая осень хмурая вокруг и тут – бац! С Новым Годом)

Сергей 10-09

Не, ну он по любому молодец. А то бы и фанеру бичи те же спалили, и колодец бы рухнул не сегодня, так завтра.

Геннадий 10-10

Так и я говорю, молодец мужик. Тебе привет передаёт!

Сергей 10-12

И от меня ему уважение! Ваще рулит дядька!

В тамбуре в очереди к выходу перед Сергеем стояла пара – молодые мужчина и женщина лет двадцати пяти-тридцати. Женщина обнимала мужчину за талию, а у того правая рука лежала на плече подруги, а в левой он держал двумя пальцами за ручку над пробкой на две трети опорожненную бутылку светлого пива. Оба были среднего роста, подтянутые. Можно было бы назвать их даже атлетичными, но это мешала сделать бутылка. Женщина обернулась на Сергея, игриво усмехнулась и, высвободив руку, поправила прядь светло-русых волос. Мужчина обернулся на Сергея, осмотрел его с ног до головы, и, не меняя выражения лица, повернулся обратно.

– Извините, а вы не знаете, как пройти к Бородинскому полю? – спросил Сергей.

Женщина, не переставая улыбаться:

– Смотрите. Вот вы выйдете из поезда и сразу идите за вокзал, там улица будет Бородинская. Вот по ней идите – прямо куда надо и придёте. Но там далеко идти, километра три будет. Можно на автобусе съездить, но он не очень часто ходит.

– Спасибо большое, я, наверное, пешком.

Выйдя из поезда, Сергей первым делом огляделся. Свежий ветер расшевелил насупившиеся с утра тучи и они почти все скрылись с неба, разбежавшись по своим кучевым делам. Только несколько тучек среднего размера задержались над зданием выкрашенного жёлтой краской вокзала.

Здание было бы похоже на сотни других вокзалов, встречающих пассажиров в забытых богом местах, где во всей окрестности с горем пополам проживает пара тысяч человек, если бы не барельефы «1812» и «1942» у входа и если бы не увенчивающая крышу стелла со звездой на вершине. С этими атрибутами здание взирало на смотрящего с внушающей почтение горделивой скромностью, тем более что вокруг здания разбит парк с аккуратно подстриженными деревьями и кустами, чего в других богом забытых местностях уже не встретишь. Благообразие, перед которым не стыдно и шапку снять.

Чтобы сразу составить план мероприятий, Сергей пошёл взглянуть на расписание электричек обратно. Ага, значит вот как. Ближайшая в двенадцать ноль одну, но уж очень рано, если до поля и обратно больше часа ходьбы. Подходит скорее всего та, которая в пятнадцать десять или после неё, в шестнадцать тридцать семь. Нормально.

На скамеечке под расписанием сидел нервный худощавый мужчина немного старше Сергея. Мужчина озирался по сторонам, вглядывался куда-то в парк, будто надеялся, что его встретят, но, никого не дождавшись, он встал и пошёл в другую, противоположную вокзалу сторону, прямо через железнодорожные пути. Сергею показалось, что у него в волосах седина.

Предчувствуя свидание с самой историей, с вечным, предвкушая только самое хорошее, Сергей спустился с платфор-

мы и за спиной услышал звонкое журчание. Он оглянулся и увидел ту самую приветливую молодую женщину, которая недавно стояла перед ним в тамбуре. Теперь со спущенными трусиками и джинсами она сидела на корточках под лестницей и взирала на Сергея с возмущённым изумлением, готовым перейти в полный благородного негодования иступлённый вопль, будто тот посмел ворваться в её будуар. Её глаза уже округлились, губы обрели жёсткость и решительность, как у статуи Родины-матери. Сергей чертыхнулся, плюнул, резко развернулся и, свернув с дорожки, не оглядываясь пошёл через парк строго по диагонали, оставляя в покое возмущённую наседку.

Внутри Сергея всё бушевало. Вроде бы чего такого – ну справляет нужду барышня под платформой, что с того? Будь это не Бородино, а место с другим именем, то ничего, кроме стыда за вполне здорового и не пьяного человека, почему-то не желающего идти в расположенный на станции туалет, не было бы. Но здесь это воспринималось как надругательство над святыней. Только какой святыней? Рядом ведь ни постаментов, ни могил, ни памятников – один перрон железнодорожный. Так даже не над перроном надругательство происходит, а под ним. Или воспринять это как осквернение аккуратного парка? Так ведь тогда не осквернение, пожалуй, а удобрение. Конечно, тут могли бы проходить другие люди – например, дети, которым на такое смотреть не стоило. Но кроме Сергея и молодой женщины людей вокруг не было. Её

этот перформанс не смущал, Сергея тоже сам по себе вид полуодетой девушки не шокировал. Поэтому чего себя накручивать зря? Тем более теперь, проходя мимо магазина с названием «Коопмаг»? Если бы не перспектива проторчать на обоссанной платформе полтора часа до ближайшей электрички назад, Сергей и не пошёл бы по Бородинской улице, которая должна вести к Полю. Но пути назад не было, поэтому пришлось идти вперёд.

Никак не укладывалось в голове, что идёшь по Бородинской улице к Бородинскому полю. Серьёзно, когда идёшь мимо этих невнятно-типовых двухэтажных домов, кирпичных остановок, бессовестных сараев, то кажется что всему внутреннему трепету и восторженности ты обязан только самому себе и кроме как внутри тебя их нигде и нет. А стихи Лермонтова или «Война и Мир» Толстого всё равно, что «Старшая Эдда» или ирландские легенды – дела давно минувших дней, преданья старины глубокой, сказки.

Дорога сквозь отпевающую свою последнюю осень лесопосадку удивляла подозрительно ровным дорожным покрытием. Видимо, дорожники постыдились воровать и сделали работу на совесть, потому что фонари получились какими-то прямо помпезными, только почему-то стоят они от дороги далеко. Неужели получается осветить дорогу с такого расстояния? Может, в проект ошибка закралась? Стоп! Да ведь это не фонари вовсе, аobeliski!

Порыв ветра обдал Сергея каким-то томным запахом

нездешней свежести, в которой было всё: и улыбка пылающих сосновых дров, и прохлада бездонного голубого озера, и берущая за душу проникновенность первой весенней радуги. Придорожные обелиски как будто стали ярче, весомее и чётче благодаря мерцанию откуда-то изнутри, с той, другой стороны.

Оглядевшись, Сергей неторопливо пошёл к памятнику у дороги, к могиле капитана Огарёва. Кем был этот капитан, чем прославился, какие звёзды горели над ним и какой он совершил подвиг, Сергей не знал, но вид этой скромной могилы сперва напомнил поминальные камни у шоссе, разные венки на столбах, рядом с которыми люди отмечали место гибели своих родственников или друзей. От таких стихийных и самодельных мемориалов Сергею всегда хотелось сложить фигу в кармане. Ему казалось, что люди, которые ставят эти монументы, просто выносят своё горе напоказ или пытаются загладить вину перед теми, кому все эти венки с плитами глубоко безразличны.

Но здесь ощущение было иным – монумент казался самодостаточным, не нуждающимся во внимании к себе окружающих. Ему было все равно, где он находится: тут, в ряду других стел и памятников или на замшелом сельском кладбище, ведь и там, и тут над ним было одно и то же небо, к которому он стремился всеми своими гранями.

– Молодой человек, вы идёте к Спасо-Богородскому монастырю?

– Здравствуйте, – ошарашенно-недоверчиво Сергей глянул на непонятно откуда взявшуюся сухощавую старушку, одетую в зелёное долгополое пальто цвета весенней опушки в ясеневом лесу. – Ну, как вам сказать... Я пришёл вообще на Бородинское поле посмотреть. И на монастырь в том числе, конечно.

– Не согласитесь ли вы меня сопровождать? Дело в том, что я должна была встретиться с подругой, но она почему-то не смогла сегодня приехать и теперь я просто нуждаюсь в провожатом. Я хромаю. Тем более, что я буду вам полезна, ведь я очень люблю это Поле и когда-то писала диссертацию о нём.

– Буду весьма рад! – Сергей срочно вспоминал слова из приключенческих романов, чтобы говорить под стать этой даме. – С удовольствием составлю вам компанию и послушаю, потому что сам знаю не так много, как хотел бы.

– Тогда обещаю быть интересным и информированным собеседником – тут старушка улыбнулась посмотрела прямо в глаза Сергею. – Меня зовут Маргарита Викторовна, а похороненный здесь капитан написал в своём дневнике, что накануне битвы он с другом долго смотрел на небо, где горели светлые огни – звёзды. На следующий день Огарёв получил смертельную рану, а его друг, тоже смотревший на небо, получил за храбрость золотую шпагу. Он потом ушёл к звезде пленительного счастья, став декабристом, а в красноярской ссылке начал вести метеорологические наблюдения, то есть

продолжил смотреть ввысь.

– Это как в песне: «Я иду по своей земле к небу, которым живу» ...

Маргарита Викторовна как будто не обратила внимания на его реплику:

– А из какой земли вы пришли к этому бородинскому небу?

– Как вы необычно вопрос сформулировали... Вообще я из Дорохово приехал, на заводе там работаю вахтой. Но сам я из Кирова, который Вятка – города, знаменитого своими стиральными машинами, лыжами и квасом.

– Странно, что вы оттуда. Характерного вятского говора совсем нету. Вы из самого города?

– Можно и так сказать. С окраины, которая совсем недавно была пригородом. Ох... Когда я родился, это была деревня, а теперь уже часть города. Старожилы ещё окают, а те, кто помоложе, нет.

– Так я и думала. Тут дело во влиянии города, потому что города лишают своих жителей особенностей языка и индивидуальности – причёсывают всех под одну гребёнку. Разве что москвича ещё можно распознать по аканью и манере говорить, а человек из Саратова говорит точно также, как говорит житель Красноярска. Но вот сельского жителя из Саратовской области вы ни за что не спутаете с сельским жителем Красноярского края – они совершенно по-разному говорят на одном и том же языке. Дело в том, что мы живём во вре-

мя стирания границ, пересмотра ценностей и в повсеместном стремлении заполнить духовную пустоту информационным граем. Волна этой истерии в первую очередь накрывает крупные города, а окраинам достаются лишь брызги. Поэтому пока им проще сохранять свою особость и уникальность.

– Но разве это так плохо, если все одинаково говорят на одном языке? – Сергей придерживал под локоток старушку, которая довольно ощутимо хромала. Деревья лесопосадки остались позади и теперь они шли мимо выстроившихся вдоль дороги домиков.

– А одинаково на нём говорить не получится. Даже мы с вами на одном и том же языке говорим по-разному, ведь язык – это живое существо, которое не статично, которое движется, ошибается, мечется, развивается и постоянно меняется вместе со своим носителем, а если не меняется язык, то не изменится и говорящий на нём. Вот скажите мне, вятчанин, как бы вы продолжили фразу «жадина-говядина»?

– Булка-шоколадина, конечно.

– Вот, в том и дело. Московский ребёнок безапелляционно заявил бы: «Турецкий барабан», а его вологодский сверстник выдал бы нам: «Солёный огурец», но благодаря телевизору эти же дети точно знают, что молоко может быть вдвое вкусней только в том случае, если это Milky Way, а райское наслаждение – это Bountу. Причинно-следственная связь в сознании построена и готова к использованию. При этом не имеет значения откуда эти дети – из центра Кали-

нинграда или из марийской деревни.

– Да, я тоже такое замечал. У этих людей будто уже есть ответы на все вопросы: «Ты где был? Пиво пил!», хотя зачастую это вообще ни к селу, ни к городу. Это как шутка, чтобы разрядить ситуацию, которую не надо разряжать или как возможность уйти от ответа, закосив под дурачка. Но разве эти остряки недалёкие смогут повредить такой громадине, как русский язык в целом. Ну, который язык Пушкина, Тургенева и Чехова?

– Понимаете, вот например Мандельштам писал, что русский язык не только дверь в историю, но и сама история России и язык, а, значит, и русский народ, как раз и сложился из бесконечных примесей, скрещиваний, прививок и чужеродных влияний, но в одном он остаётся верен самому себе и в пределах всех своих изменений остаётся величиной постоянной, «константой». В чём заключается эта единая в своём разнообразии константа, этот стержень, на котором всё держится, никто не знает. Но если лишить язык этого разнообразия, выстроить его в монотонные и геометрические точные построения, уместить в единой парадигме, то и разрушить его можно будет так же просто, как ряд костяшек домино – толкни одну и за ней рухнут все.

Не могу сказать, что это: вызванное влиянием извне целенаправленное разрушение или же это естественная национальная деградация, но в одном я убеждена – этот процесс происходит прямо сейчас и ничего подобного в нашей исто-

рии ещё не было. Скоро реакции носителя такого стерильного и выхолощенного языка станут предсказуемыми, а значит, что и сам человек будет предсказуемым, как градоначальник Салтыкова-Щедрина с органчиком в голове, который по любому поводу: «разорю!» и «не потерплю!».

– Уж какая-то совсем мрачная картина получается, ведь если реакции человека легко угадать, то таким человеком легко управлять. Неужели этого можно добиться одним только словом, которое суть есть колебание воздуха?

– Понимаете, мы ведь окружающий мир видим не глазами, а языком и если человек не может назвать предмета, который он видит, то и самого предмета для него не существует. Помните, как Адам из мифа давал имена всему тому, что видел? Потому что в начале было слово. Нету слова – нету и явления. Например, если показать двигатель машины в разрезе мне, то я скажу, что внутри большой штуковины находятся какие-то штуковины поменьше. Но зачем, для чего и почему это всё работает, я не смогу сказать ни за что. Автомеханик же точно определит, что это схема двигателя машины определённой марки, что вот это – коленвал, это – цилиндр, а это вот – поршень. Но если показать мне стихотворение поэта-обэриута, то я легко смогу сказать, где тут гротеск, где метонимия, где литота, а где синекдоха. Автомеханик, глядя в тот же самый текст, скорее всего скажет, что перед ним какой-то бред.

– Ну да, надо мной недавно тоже смеялись, когда я сви-

нины от говядины не смог отличить. Для повара это элементарные вещи, а для меня одно что мясо, еда.

– Вот именно! А теперь представьте, что не осталось ни поваров, ни филологов, ни механиков, а есть только бред и непонятные штуковины? Наверное, эти люди не смогут больше существовать и им срочно понадобятся термины, чтобы больше не блуждать во тьме. К этой тьме нас и подводят, подсовывая новые слова, вроде слова «хайп». Это слово очень хорошее и удобное, но оно и его производные собой заменяют в лексиконе ряд других слов, которые за ненадобностью через десяток лет из разряда живых слов перейдут в разряд слов книжных, ещё через десять лет станут словами устаревшими, а ещё через десять лет их забудут. То есть слова вроде «ажитоаж», «шумиха» и «гвалт» забудут ещё до того, как вы, молодой человек, выйдете на пенсию и вам придётся жить в обществе повсеместного хайпа.

– Это как из всякому понятных «домогательств» сделали неведомый «харрасмент», который бог его знает что и значит-то. И именно ведь благодаря интернету таких словечек появляется всё больше, а если ты их не употребляешь, то и сам уже какой-то устаревший. Как бесит сегодняшнее повсеместное «ну такое...»... Какое это «такое»?

– Да, именно. Этим самым «таким» можно заменить несколько десятков описательных прилагательных, вычерк-

нужно вырвать их из языка и из голов наших сограждан, а тогда фантастичный вымысел фильма «Кин-дза-дза», где словарный багаж инопланетян состоит в основном из слова «Ку!» станет объективной реальностью.

Бродский считал, что язык – это вещь более древняя и неизбежная, чем государство. За последние сто лет государственный строй радикально менялся трижды, но русский человек остался вместе с примерно тем же русским языком примерно тем же самым человеком. Что будет, если язык станет совсем другим? Станет ли иным человеком тот, кто говорит по-другому? Влияя на язык, можно и из его носителей сделать кого-то другого. Лучше или хуже – не знаю. Может быть с точки зрения Вечности эти изменения будут носить позитивный характер, но я лично не хочу жить в эту эпоху перемен и поэтому надеюсь, что изменения не произойдут вовсе или произойдут не на моём веку.

Домики закончились. Слева от дороги распахнул объятия пологий овраг, а справа открылся вид на поле.

– Бог рати он.

– Что? – не расслышал отвлѣкшийся на что-то Сергей.

– Ничего, так – мысли вслух. Не обращайтесь внимания. Вы ведь знаете кто такой Денис Давыдов?

– Ну да... Герой 1812 года, партизан, поэт.

– Именно так. А вы знали, что его поместье находилось вот здесь, на самом Бородинском поле? Примерно вот там,

в низине, был барский дом, – она указала рукой куда-то в неопределённое место довольно обширного луга. – После революции семнадцатого года поместье пришло в запустение, а когда тут создали колхоз, то усадьбу определили под коровник. Теперь даже фундамента не найти. Кстати, именно Денис Давыдов, который был адъютантом Багратиона, убедил императора Николая I перенести на Бородинское поле прах князя.

– А я думал, что Багратиона похоронили там, где он погиб.

– Нет, Пётр Иванович умер от гангрены спустя почти месяц после сражения. Врачи неправильно поставили диагноз и не извлекли осколки ядра из раны. Князь преставился и был похоронен в селе Сима, которое во Владимирской области. Там он и покоился до тысяча восемьсот тридцать девятого года, пока не построили монумент героям Бородинского сражения на батарее Раевского – к этой дате и приурочили перезахоронение.

Маргарита Викторовна остановилась, посмотрела с какой-то тоской вдаль и продолжила:

– Следующее перезахоронение случилось спустя почти сто лет, когда благодарные потомки решили, что монумент не представляет ни исторической, ни художественной ценности, а потому взорвали его и отправили на переплавку. Конечно, тогда была пора, когда время текло иначе – пятилетка проходила за три года, на Донбассе симфонии давал энтузиазм, на горизонте мерещился коммунизм в обнимку

с не отбрасывающим тени счастьем. Может быть тогда Багратион действительно казался каким-то незначительным генералишкой, павшим жертвой местечкового столкновения геополитических интересов двух царьков, носящего характер приграничного столкновения Переяславль-Залесского и Владимиро-Суздальского княжеств... При взрыве монумента было разрушено надгробие и кости героя остались лежать под открытым небом. Ходит легенда, что их не оставили на поругание, а потихоньку захоронили хорошие люди, не поддавшиеся угару того окаянного времени. Кто говорит об учительнице, похоронившей кости героя в тихом овражке, а кто вспоминает батюшку, упокоившего бранные останки в монастырской земле. Как бы оно ни было, но когда в Перестройку хватились и стали восстанавливать утраченное к не совсем круглому юбилею, то смогли найти только эполету и несколько пуговиц от мундира, которые и похоронили в отреставрированной усыпальнице у подножия восстановленного монумента.

– Но я слышал, что в годы Великой Отечественной, когда обороняли Москву, Бородинское поле удерживали до последнего?

– Да, тут вы правы – за этот клочок земли держались, как за символ и стояли намертво. Только когда стало ясно, что фашист обходит защитников с флангов и скоро возьмёт их в кольцо, Жуков и Говоров приняли решение отступить. Дивизия отступила, но отступила она под знамёнами русских

полков 1812 года, которые забрали из музея. Получилось, что немцы повторили судьбу французов – для обеих великих армий бородинский триумф обернулся пирровой победой, а отступившие с Поля остались в памяти народной героями.

Слушая этот горьковатый рассказ, Сергей глядел на монументы, встающие то там, то здесь, и чувствовал себя одновременно неловко, но радостно. Радостно потому, что в эту самую минуту он прикасается к чему-то однозначно великому и к этому великому он хотя и опосредованно, но причастен, потому что он – часть того народа, который дважды принял здесь решительный бой. Неловко же было потому, что он также, хотя и не напрямую, но виновен, ведь он также потомок тех, кто в диком угаре пустил на слом свою же историю, чтобы потом тщетно искать в пыли обрывки славного мундира.

– Теперь мы с вами дошли до монастыря, который основала Маргарита Тучкова. Открыли монастырь тоже в тысяча восемьсот тридцать девятом, вместе с монументом памяти и вместе с гробницей Багратиона. Спустя ровно девяносто лет, в тысяча девятьсот двадцать девятом году, монастырь закрыли, а его территорию назвали посёлком Ворошилово. Извините, снова получается возвращение к нашему предыдущему разговору, – Маргарита Викторовна кокетливо приложила руку к груди. – В новоявленном посёлке устроили школу, которой он и пробыл до немецкой оккупации. Значит, никакого батюшки, похоронившего Багратиона, тут не было, а

была учительница, во-первых, потому, что вместо монастыря была школа, а даже если бы и был монастырь, то был он монастырём женским.

После Войны монастырь использовался как МТС, то есть машинно-тракторная станция. Снова монастырём он стал в тысяча девятьсот семьдесят втором году, к сто пятидесятой годовщине. Поэтому, если предположить, что перезахоронение было в тридцать втором году, то за сорок лет это место надёжно истоптали ноги школьников, каблуки санитаров и сапоги трактористов. Если могила и обнаружится, то только случайно. Теперь же мы пришли и я оставлю вас здесь. Сама схожу в храм поставить свечку, а вы погуляйте по монасты-

рю, зайдите в музей и поклонитесь монументу. До свидания!

– Ладно, хорошо. То есть ты хочешь мне сказать, что совершенно случайно залез в кусты и первым же делом, но опять же абсолютно случайно полез в тайник с метамфетамином, да? А зачем ты взял с собой кирпич? Что ты там в кустах с ним делать хотел, а?– большой, злой и небритый мужчина в белой рубашке с закатанными рукавами упёрся руками в стол и грозно смотрел на съездившегося от страха подозреваемого.

– Ничего я ни о каких наркотиках не знал! Нафиг мне они не нужны! Я вообще случайно ту пачку подобрал – думал, что там сиги остались, потому её и распирает. Вот я её и открыл, а там этот пакетик грёбаный.

– Значит, я должен поверить, что ты не рецидивист Корчёмкин, восемьдесят пятого года рождения, которого мы должны были взять на этой закладке и который оплатил эти три грамма барыге час назад, а барыга в свою очередь скинул ему координаты именно этих кустов? Я должен решить, что ты случайно оказался там с кирпичом в одной руке и особо крупным размером наркотических средств в другой? Ты меня за кого держишь, а?

– Какой ещё в жопу Корчёмкин?! Никакого Корчёмкина я знать не знаю! Лосев моя фамилия! Иван Алексеевич, восемьдесят шестого года рождения я. Живу я тут, на Бородинской! Снимите наручники – я вам паспорт покажу! Вон

он, в заднем кармане у меня! Возьмите, проверьте!

Стоявший сзади задержанного полицейский грубо поднял Ивана Алексеевича со стула и извлёк у него из заднего кармана паспорт в потёртой пластмассовой обложке и передал большому мужчине в рубашке.

– Хм... Действительно, похож. И паспорт вроде не поддельный... Сержант, ты как его досматривал, а? Кошелёк и зажигалку нашёл, а паспорт проворонил? Издеваешься, мля? Может, у него там базука за пазухой, нет? Да и не седой он совсем, а светло-русый... Снимай с него наручники.

Сержант покраснел, мол, с кем не бывает, и приступил к исполнению приказа. Капитан в штатском махнул на него рукой, отвернулся, на минуту задумался и снова насел на теперь уже идентифицированного Лосева.

– Короче, у меня к тебе очень хорошее предложение. Оно должно тебе понравиться. Ты сейчас мне подробно и внятно объясняешь, что ты делал в кустах и будешь со мной откровенен, то отправишься к чёртовой матери на все четыре стороны.

Задержанный, разминая затёкшие от наручников руки, собирался с мыслями:

– Короче, мы с Людкой ехали в электричке со дня рождения друга. Денег нету, а получка только в среду. Выходим уже в тамбур, подъезжаем к Бородину, а сзади к нам пристаивается какой-то турист, москвич по ходу дела, он ещё спросил, как до поля дойти... Ага... Вышли мы, значит, на

платформу, а там никого во всей округе не видать. Доходяга только какой-то на скамейке сидел. Решили мы его, москвича этого, на бабки развести. Он пока на расписание глядел, мы с Людкой сговорились, что она подгадает, и когда тот с платформы спускаться будет, то станет типа джинсы поправлять или ещё что-то типа того. Если москвич на неё посмотрит, то я из кустов выскочу и за неё вступлюсь, мол, чё смотришь? Она голосить начнёт. Ну и разведём его на бабки. Всё. А кроме кустов этих мне негде спрятаться было.

– А что за москвич такой был?

– Ну, он в такой куртке серой, очки у него...

– Внешность его опиши!

– А... Ну, он... Это... Немного меня пониже, в плечах широкий, толстый, волосы русые, кажется...

– Так... Говоришь, ещё какой-то доходяга на платформе был. Он как выглядел?

– Блин, тут не знаю – он же сидел. Одно что тощий, тёмный весь какой-то – будто из запоя... Сидел на лавке, ждал кого-то, а потом встал и через пути ушёл, к шоссе. А! Он вроде не старый ещё, но уже совсем седой.

Капитан громко ударил себя кулаком правой руки в левую ладонь:

– Значит, проворонили и спугнули... Ну ты и козёл! И москвича того ты хотел не на понт кирпичом взять, пока он на твою лярву пялится... Ладно, не до тебя сейчас, вали отсюда. И чтоб я тебя больше не видел, понял?

Внутри собора Сергей не пошёл из-за какого-то стеснительно-стыдливого чувства. Он не был религиозен, и ему было неуютно ловить надменные взгляды этих всех этих чопорных людей, казавшихся ему глубоко духовными. Сергей решил обойти собор, который был похож на старика в фуфайке с бравым и чуть усталым прищуром. Кем он был? Может быть в молодости он воевал, храбро сражался, получил медали и был с почётом демобилизован. Военная карьера его не прельщала и он поехал в тундру, где с геологоразведкой искал для страны золото, нефть и газ среди ледяных торосов арктической пустыни, а потом, решив остепениться, завёл семью, ходил до пенсии на какую-то обычную работу, которую делал хорошо и исправно и вот теперь, на закате дней, он сделался пасечником, чтоб кормить внуков настоящим мёдом, чтоб ни одна хворь не проняла. Какое-то благородное и немного насмешливое спокойствие излучало это место.

После Сергей ходил в музеи, но такого же впечатления они на него не произвели. И тот, где про Толстого, и тот, где карикатуры и там, где основная экспозиция – всё показалось напускным, картонным и для галочки. Полуобвалившиеся доты поражали намного больше, а от монумента на батарее Раевского просто перехватило дух. То, что он был восстановлен в год рождения Сергея, радовало – было приятно иметь такого сверстника, который казался одновременно и дозорной башней, увенчанной золотым куполом, и па-

лицей чудо-богатыря, оставленной здесь до времени. Может быть это и есть тот нерушимый стержень, на котором стоит русская земля?

Поклонившись монументу и кенотафу, Сергей сел на холодные, но уже успевшие обсохнуть камни. Перед ним было Поле. Он видел дорогу, которой сюда шёл и все мемориалы, казавшиеся отсюда совсем крошечными. На минуту захватило дух, когда он представил, как тут сходились в бешеной схватке стотысячные армии, а спустя сто лет серое осеннее небо разрывали тревожные и смертоносные злые самолёты, сбиваемые встречным звездопадом с земли на небо. Сколько тут оборвалось жизней, сколько желаний осталось неисполненными, сколько мечтаний прошло впустую, сколько талантов зарыто в эту такую же, ничем особо не примечательную землю. Вот если бы это поле не было Бородинским, не знай о подвигах, которые свершались тут, то угадал бы он о какой-то необычности, сакральности этой местности?

Сергей моргнул и перед глазами словно сгустился и тут же развеялся туман. Он вспомнил почти такое же, очень похожее поле, где с одной стороны тоже полулесок, с другой стороны сады. Правда, вместо монастыря там завод, а вместо монументов – опоры ЛЭП и дорога не асфальтовая, а грунтовая, от каждого дождя размокающая. И не бились за это поле армии, не писали о нём великие писатели и поэты, но, если глядеть на это поле вот так же, сидя в тишине на закате, то окатывает такой же спокойной силой и светлой одухо-

творяющей тоской, которая не давит, не гнетёт, а подталкивает к действию, к подвигу, к чему-то вот такому – доброму и бескомпромиссному. А к чему – это уж ты сам выберешь, по себе возьмёшь ношу – может, бросишься с гранатой под танк, а может быть посыплешь раскисшую тропинку щебёнкой, чтобы у совершенно незнакомых тебе людей не мокли ноги.

Оба поля наполняли сердце и будили в душе совершенно одинаковое чувство, давали одну и ту же его меру без оглядки на свою прописку, своё местоположение. Этим чувством была томительная красота, не привязанная к конкретному месту. Красота – она и есть красота и не бывает можайской, вятской, рязанской или московской. Она всегда одинаковая и за неё стоит биться. И если за это Поле, если за эту землю уже и без него полегло столько народу, то его родная, собственная земля стоит одна – без пахаря, защитника или даже наблюдателя. Без него.

Уже стоя на перроне и ожидая электрички до Дорохово, Сергей никак не мог унять переполнявшую его гнетущую тревогу. Увидев курящего рядом парня лет двадцати пяти, Сергей стрельнул у него сигарету и со дна рюкзака достал зажигалку с гербом. Сразу приятно-ватное ощущение разлилось по конечностям, закружилась голова и рвущееся домой, в деревню, чувство притупилось.

В электричке Сергей притулился напротив семьи – мужчины и женщины лет сорока и мальчика лет десяти. В руках

у мальчика была подкова.

– Пап, слушай, а ведь это может быть подкова с того самого сражения? Может, это от лошади какого-нибудь гусара или даже генерала?

Не желая огорчать сына, отец, глядя на новую и блестящую подкову с клеймом, очень похожим на эмблему спортивного общества «Динамо», уклончиво ответил:

– Я ведь не очень в подковах понимаю. Может быть она и не такая древняя, а осталась тут со времен обороны Москвы в сорок первом...

Тут в разговор вступила мать, желая поддержать сына, но ещё не поняв манёвра отца:

– Да уж какие там лошади! Они тогда только на парадах остались, а там уже грузовики всюду, такни разные, поэтому подкова точно со дня Бородина.

– Я её тогда завтра в школу отнесу, на уроке истории покажу! Может, её в музей поместят и напишут, что её я нашёл!

Тут словно вышел из спячки кемаривший в соседнем ряду разухабистый, добродушный, но не очень опрятный мужик:

– Это всё, сынок, эхо войны, понимаешь. Вот я, например, этим летом под мостом нашёл целый ящик динамиту! Из Москвы сапёры приезжали, обезвреживали, да! – мужчина очень вкусно зажмурился, будто вспомнил что-то очень приятное и едва ли связанное с сапёрами.

– , дай-ка я под этот мост загляну. Залез я туда, значит, а мост старый, из каких-то шпал – еле живой, труха уже.

Но смотрю, будто прямо из-под основания моста на меня какая-то доска смотрит, грань ящика, ребро его то есть. Я ближе подполз, гляжу – а это действительно ящик, завернутый в истлевший брезент и закинутый ветками, которые уже тоже в труху. Открываю я его, и как был, без штанов, из-под моста выскакиваю! Кило двадцать было наложено, нисколько не меньше! Ну, то есть динамитных шашек в ящике том. Непонятно, то ли это ящик там спрятали, а потом забыли, то ли мост заминировали, но не взорвали, но суть не в этом. Считай, чуть не семьдесят лет колхозники туда-сюда коров гоняли, а про динамит не знали. Какой-нибудь дурак папиросу бы под мост бросил – и привет. Как с Байконура бы стартанул! Меня потом сапёры к себе звали, хотели торжественно грамоту вручить с часами именными, но я с работы отпроситься не смог, поэтому они мне это всё хозяйство по почте прислали. Грамоту я дома на стенке повесил, а вот часы так в коробочке и лежат – не приучен с молодости их носить, не умею. Ладно, пока, сорванец, приехал я. Будь осторожен на полях боевой славы!

Пока мужик занимал внимание мальчика, мать и отец взглядами, ужимками, беззвучными жестами и кивками пришли к общему мнению:

– Понимаешь, тут такое дело. Ведь на этом поле сошлись тысячи всадников, поэтому подкова отсюда не является музейной редкостью, если говорить о больших музеях. А у школьного музея нету специалистов и лаборатории, где мож-

но определить, кому принадлежала эта подкова – Багратиону, Дорохову или Тучкову? Поэтому давай мы сделаем так – подкову эту дадим дедушке, который покажет её своему другу, профессору. Уж он-то скажет, что это за артефакт и через неделю будем точно знать. Хорошо?

Открывшиеся перспективы и множество вариантов не то, чтобы уж очень обрадовали юного археолога, но льстило, что на его подкову будет смотреть не только учительница истории, но и большой профессор.

– Хорошо, – скрепя сердце согласился мальчик.

Через неделю родители рассказали ему о реконструкторах, которые воссоздают исторические события, показали сцены из «Войны и мира» и сказали, что найденная подкова принадлежит как раз реконструктору, а не Даву или Горчакову. Но мальчик совсем не огорчился, а записался в конно-спортивную секцию. Через семь лет он поступит в институт на исторический факультет.

Холодный механический голос объявил: «Дорохово». Сергей пошёл в тамбур.

Когда он вернулся в общежитие, было уже темно, комната стояла пустой. Поставил кипятить чайник, а сам тем временем разогрел в микроволновке две котлеты, из которых соорудил два бутерброда. Заварил пакетик чая с бергамотом. Глядя в пустоту, тщательно прожёвывая, он съел их оба, за-

пив последний кусок последним глотком чая. Потом заварил себе ещё одну кружку, на этот раз с чабрецом, достал пряники и растянулся на кровати, читая книгу. Так и провёл время до полуночи, когда уснул, так и не дождавшись соседа, который явился под утро, громко хлопнул дверью и упал, не раздеваясь, на койку.

До начала первой смены новой рабочей недели оставалось три часа.

Алина Воронцова 4-23

Здравствуй, Серёжа! Это я, Андрей Иванович. Своего аккаунта у меня тут нету, пишу со странички племянницы.

Надеюсь, ты вовремя прочитаешь это письмо, потому что теперь тебе возвращаться домой нельзя. Менты раскопали какие-то показания, как будто тебя какая-то камера наблюдения сняла. Поэтому, если есть возможность, лучше останься в Москве ещё на пару месяцев. Тем более, что я тут тебе готовлю сюрприз, который должен весьма положительно сказаться на твоём материальном положении – как раз после новогодних праздников всё завершится. Должен тебе сказать, что очень приятно помогать своим ближним.

Я регулярно хожу к тебе, проверяю, все ли двери закрыты и всё ли в порядке с форточками. Подкармливаю кота, но он на вольных хлебах так отъелся и такая у него шерсть – ну медведь ровно, а не кот. Жаль, что ты мне ключа не оставил. Надеюсь, внутри дома всё в порядке.

Очень жду с тобой встречи, но лучше, если она состоится не этой осенью. Тут уж, поверь мне, лучше перестраховаться.
Андрей.

Сергей очень удивился, что Иваныч такие вопросы обсуждает в переписке с чужого аккаунта и понадеялся, что у него хватило ума это сообщение удалить. Отвечать на него он не стал.

Глава IX

15.11.201... года. Дорохово, Московская область.

Геннадий 09-40

Ну что, скоро конец твоей вахте?

Сергей 09-40

Да, вот-вот стартую – совсем чуть-чуть осталось.

Геннадий 09-44

Ну, слава богу, отмучился. Кстати, Белокаменная тебя не приворожила? Может, теперь и не подумаешь возвращаться.

Сергей 09-46

Нет, именно ЗДЕСЬ я точно оставаться не хочу. Не знаю, может, работай я где-нибудь в Москва-сити... Но тут я точно не хочу оставаться. Не знаю, хуже ли тут, чем в тюрьме, но лучше только то, что срок короче. Ты давно в деревне был? Как там? Спокойно?

Геннадий 09-47

Как раз завтра хотел съездить. Погляжу – расскажу.

Геннадий 09-48

Кстати, тут Илюха квартиру продаёт и ищет дом в деревне.

Сергей 09-50

До он давно уж заболел каким-то толстовством и всё хочет

сельским хозяйством заниматься. Тогда мне все уши прожужжал о том, что землю лопатой копать не надо, мол, черви сами справятся. Бороду отрастил, всё как положено. Только что косоворотку с кушаком не носит.

Геннадий 09-52

Только ему ведь не в Санчурском районе дом надо, а чтобы рядом с Кировом. Говорит, что жена его без цивилизации не может, а сам бы он хоть завтра в тайгу с одним топором ушёл.

Сергей 09-54

Ну, кто бы сомневался. Он тогда на рыбалке 3G поймать не смог, так аж чуть не побледнел. Хорошо, что не все из-за бороды разглядели.

Геннадий 09-57

Ну, тут уж смех смехом, как говорится, но он недавно у меня номер Иваныча спрашивал – кроме тебя и него он других сельских жителей-то и в глаза не видел. Так я подумал, а не твой ли дом он глаз положил?

Сергей 10-03

Приеду – поговорю с ним. Вдруг он мне сделает предложение, от которого я не смогу отказаться?)))

Геннадий 10-05

Вот уж тут губу обратно закатай – Илюха хоть и придуряется со своими кокошниками, но жучара такой, что за лишнюю копейку удавится.

Сергей 10-07

Ну вот и пусть тогда у Иваныча пепелище покупает. Тот тоже жук ещё какой колорадский.

Сергей 10-09

Ты Витю знаешь?

Геннадий 10-10

Это который на той стороне деревни живёт?

Сергей 10-11

Да, он самый. Слышал, что он свой участок хочет продать, лишь бы налог на землю не платить. Пускай Илья с ним поговорит, оба рады будут. Один груз с плеч, а другой сэкономит вдвое.

Геннадий 10-12

Да, это дело. И зайцы сыты, и волки при капусте останутся.

В специально отведённое для этого время, двое рабочих курили в специально отведённом для этого месте. Место было оборудовано лавочками, пепельницами, крышей над головой и расписанием перекуров. Место очень походило на автобусную остановку, разница была только в том, что автобусную остановку люди стремятся поскорее покинуть, а тут сидели до упора, любуясь дебаркадером большой столовой.

Раздался глухой удар, потом хлопок и после этого звон металла об асфальт. Потом резкий скрежет тормозов и свист шин.

– Вот те раз..., – процедил один. Сигарета, которую он

держал в углу рта, не выпала только потому, что прилипла к уголку нижней губы. – Валер, ты это видел, да?

Второй, который оказался Валерой, радостно откинулся на лавочке:

– Семёныч, ты ещё не знаешь, что у них в пищеблоке творится. Вот мне Юлька рассказывала, так там...

Семёныч торопливо прервал коллегу:

– Это понятно, что рассказывала. Ты мне лучше скажи, куда они всё это теперь девать будут?

– С трёх раз угадаешь? – губы Валеры сложились в кривую усмешку.

– Да не может быть...

– Пф... Сегодня же в столовой на раздаче будет!

– Ну, ё... А ты не разглядел, что это такое было-то?

– Кажется, котлеты какие-то, – Валера сощурил близорукые глаза. – Не, ленивые голубцы, потому что с соусом. Они их постоянно работягам пихают – объёмно, дёшево и нажористо!

– Ну, ещё бы, – Семёныч посмотрел на часы и достал вторую сигарету. – Не поваляешь – не поешь!

От перекура оставалось ещё три минуты.

12:00

Погрузка обеда в большую столовую проходила как всегда монотонно и привычно. Сергей с Брэдом затащили в кузов маленького грузовика огромные кастрюли с горячим су-

пом, закатали зелёные пупырчатые термобоксы с гарнирами и котлетами, занесли гастрорёмкости с выпечкой для буфета. Сергей надёжно закрепил боксы стропами, проверил натяжку и пошёл в кабину, где его уже заждался Игорь – водитель, похожий на Весельчака У из мультфильма «Тайна третьей планеты».

Игорь продолжил начатый ранее разговор:

– Вот ты говоришь: «шабашники», да? Ещё когда Союз не развалился, я работал с бригадой шабашников и очень доволен был. Развозил их по области – неделю мы работали там, а на выходные возвращались обратно. Мне нравилось! Грузишь их поздно вечером в воскресенье и едешь на место. Утром они устраиваются, а ты с понедельника до четверга пьёшь ну просто беспробудно. В четверг похмеляешься, в себя приходишь. В пятницу – домой. Причём платили мне за все пять дней по повышенному тарифу плюс командировочные. Очень недурно выходило для парня двадцати двух лет. Жало, не долго я так проработал – в августе не до строек стало.

Машина остановилась у дебаркадера большой столовой – её уже встречали местный грузчик с шеф-поваром, который всегда за чем-то следил за разгрузкой, руководил. Сергей вышел из кабины, чтобы помочь местным, и только поднялся на платформу дебаркадера, как его развернул шеф:

– Вы сперва в буфет езжайте. В офисе совещание раньше началось, значит, закончат они тоже раньше и жрать побегут.

Так что как бы чего не вышло. Езжайте.

Делать нечего, Сергей захлопнул дверь кузова и вернулся в кабину. Передал всё Игорю, а тот только плечами пожал:

– Ну, раз сперва в офис – значит, в офис. Эх, Серёга, знал бы ты, какие тогда девки были! Помню как-то мы с прорабом... Машина подскочила на лежащем полицейском, Игорь встрепенулся:

– Ты ничего не почувствовал?

– Вроде дверь задняя хлопнула, нет? – Сергей судорожно схватился за дверную ручку.

Игорь посмотрел в зеркало заднего вида и глаза его расширяются:

– Мать честная...

12:28

Теперь Светлана была сама на себя не похожа:

– Вам ещё повезло, что Татьяны сейчас нет и она только после обеда будет. Рассказывай всё по порядку, как там дело было?

– Дело было так. Когда загрузили машину у пищеблока, я чётко и надёжно зафиксировали все боксы. Машину трянуло нанеровности, но, когда мы приехали в столовую, всё было на месте. Припарковались к дебаркадеру столовой, я вышел из машины, но шеф отправил нас в офис, сказал, чтобы мы сперва отвезли выпечку. Я вернулся обратно в кабину к водителю и вот тогда, когда мы только отъехали и снова

подскочили на следующем лежащем полицейском, один бокс выпал на дорогу, треснул и открылся. Голубцы на асфальте. Мы быстро всё собрали с Игорем и закинули бокс обратно. Потом я отнёс выпечку в офис.

– Вас кто-то видел?

– Наверное... Это всё произошло почти напротив курилки.

Светлана картинно схватилась обеими руками за голову, изображая полнейшую обречённость. Коротко кивнула, отмахнулась Сергеем:

– Свободен.

14:40

Сергей вернулся в пищеблок, смятённый разговором со Светланой. Всё было погружено, разгружено и растащено по складам, поэтому он пошёл к Брэду, тот мыл посуду после обеда. Сергей рассказал ему о происшествии с термобоксом:

– Ой, да забей – спустят на тормозах, – Брэд даже не повернул головы. – Ещё летом говядину оставили на разморозке – ушли на выходные, а убрать в холодос забыли и она у них с четверга до понедельника пролежала. На улице жара плюс тридцать, мясо местами аж позеленело. Думаешь, выбросили? Вымочили в уксусе и в фарш. Никому ничего не было. Так что забей и не думай даже париться.

– Надеюсь, что во всём этом нормально разберутся и на меня не повесят.

– Так ведь ты не их подчинённый, ты ж на аутсорсинге, поэтому они напрямую с тебя ничего вычесть не смогут. Им придётся твоего куратора подключать, а тот с базара съедет. Ты меня слушай, я знаю – не первый год в этом бизнесе. Я всякого повидал, много чего понюхал. В Вахонино как-то открывал пиццерию, работал официантом в Шереметьево, в Москве на Малой Бронной артистам картошку варил. Даже узбеков на стройке пайком обеспечивал – как они и живы-то после остались?

– Погоди, а чего же ты тогда с таким опытом здесь мармитки моешь?

– Ой, да шо вы за это знаете?, – Лёша как будто обиделся и отвернулся со своей полугарнирной гастроёмкостью, которую он старательно оттирал жестяной мочалкой от присохшей гречки.

Сергей не пошевелился, остался на месте – всё равно на проходной ещё час не покажешься. Очистив до блеска свою жестянку, Лёша потянулся за другой и с наигранным удивлением взглянул на Сергея, будто не ожидал его здесь увидеть. При этом продолжил разговор будто с того же самого места:

– Так что ты не думай. Я не только котлы мыть умею, как посудомойка восьмого разряда. Даже в «Ореанде» ялтинской работал – жаль, что там зацепиться не удалось...

Сергей понятия не имел, чем примечательна эта неведомая «Ореанда» и что это за отель, который построили в тысяча девятьсот седьмом году в революционном для того вре-

мени стиле «ар-деко». Не знал Сергей, что стоит этот отель на самом берегу Чёрного моря и что именно в нём жили герои культового фильма «Асса». Сергей ни о чём таком даже не подозревал, но по скорбной интонации Лёши догадался, что место это было хорошим и престижным:

– Так тем более странно, что ты тут, а не в Москве или в той же Ялте. Хоть и не в этой Ариадне, но если где-то попроще...

Поймав насмешливый взгляд, Сергей удивился:

– Неужели там платят хуже, чем здесь?

– Платят-то там не хуже, да только не круглый год, – Брэд отложил в сторону чистую кастрюлю и сел на пластмассовый ящик. – Вот ты сезон отпахал, денюгу срубил, а потом с ноября до апреля соси лапу. Стабильная зарплата в Ялте не в сезон только у госслужащих, у рабочих винзавода и в паре круглогодичных гостиниц, в которые не пробиться – там без блага даже картошку чистить не возьмут.

– Тогда почему бы летом не работать там, а зимой ездить сюда?

– Серёженька, там на зарплату кинуть могут в пропорции один к трём и не взбалтывая, – он снова замолчал, потянулся куда-то далеко за кастрюлей двадцаткой, в которой, кажется, подгорел соус бешамель. Лёша потёр дно мочалкой и на всю мойку разнёсся отвратительный запах горелой манной каши. Чертыхнувшись, он пошоркал по дну лопаткой, затем налил туда моющего средства, плеснул воды и отставил в сторонку

отмокать.

– Вот, например, работал я когда-то в Евпатории в шашлычке официантом, халдейничал помаленьку с десяти утра и до последних клиентов, которые иногда до трёх ночи засиживались. И случилось так, что шашлычник у нас от такого ритма забухал и пропал куда-то. Сперва сам хозяин на его место встал, но особого потока у нас не было, на отшибе стояли, вот я и сговорился, что за полуторный прайс работать буду в двух позициях – и шашлыки жарить, и гостям их разносить, а он мне с заготовками только помогать будет. И вот работаю я себе так, никого не трогаю, как вдруг через неделю понимаю, что не вытаскиваю – ещё пару дней и всё, тоже напьюсь и сбегу: мешки под глазами и сам бледный, а по утрам бриться не охота. Сказал хозяину, чтоб шашлычника искал, но где ты его в конце июля найдёшь, на излёте-то сезона? А излёт-не излёт, но два месяца ещё точно работать. И глянул я на это вот всё, не увидел другого берега или хоть проблеска маяка.

Зато увидел такую вот фата-моргану, что до сих пор обидно – прямо бы в морду дал! – тут облик Лёши преобразился. Что-то такое блеснуло в его глазах и костяшки руки, сжимавшей очередной мармит, побелели. Из-за своих габаритов Брэд всегда производил впечатление могучего существа, но обычно это было существо сильное, но инертное: как вол под ярмом поле пашет. Теперь это был разъярённый бык, ищущий, кого бы поддеть на рога. Но он быстро взял себя в руки

и продолжил мыть посуду:

– Однажды приходит пара такая, мужчина и женщина лет сорока. Заказали шашлык, увидели, что я же его и готовлю, очень похвалили и спросили, неужели я тут на двух позициях успеваю? Я, хвастаясь, мол, мне это вообще в лёгкую и со своим опытом я бы и с большим объёмом справился. Нагородил им с три короба, что я в Алушке шеф-поваром был, да управляющий проворовался и ресторан закрыли, а здесь я просто в ожидании лучшего предложения. Язык-то без костей! Оставили они мне хорошие чаевые и поблагодарили за хорошую компанию.

На следующий день уже после обеда приходит та женщина, Оксаной представилась. Говорит, что сама они с Юрием Михайловичем владельцы пансионата в Саках и случилась у них большая неприятность – вся бригада поваров во главе с шефом получила зарплату и забухала. Мало того, что забухала, так ещё и дебош устроили с милицией. Пришлось с ними расстаться и теперь приходится в авральном порядке искать замену обормотам, так не согласился бы я стать у них шефом.

– Знаешь, похоже на сюжет какого-то сериала латиноамериканского, – Сергей закинул руки за голову.

– Будь у меня мозги посвежее, я бы так же подумал, а тогда мне в душу сомнение запало и честолюбие разыграло и Оксана-то с меня не слезает, деликатно, но решительно напирает. С её слов выходило, что кухня несложная, готовить

надо на пятьдесят человек и в основном всё овощное и диетическое: всякие овсянки, запеканки и салаты. Говорила, что там пенсионеры, так что сильно заморачиваться не только не стоит, но и не надо – сашими, лазанью или галантин не оценят, им бы рыбки порезать, макаронник какой-нибудь простой, да чтобы с холодцом.

Говорит, прекрасно понимает, что для меня это не очень удобно – и в должность с бухты-барахты вступать, и место бросать... Но предложила такую зарплату, что я просто обалдел. Говорит, что они в безвыходной ситуации и если завтра кухня не откроется, то пиши пропало. Если соглашусь, то просто спасу их, а команду они наберут быстро – уже двое из России едут, но они повара не очень опытные, а ты, Лёша, по всему виду, мастер. Сказала, что вечером они с Юрием Михайловичем приедут за ответом.

– Бойкая баба. Такой в рот палец не клади – ей сразу вынь, да положи.

– Вот-вот. То есть у них там кухня стоит, а они в шашлычке сидят? Сначала нашли каких-то русских поваров, а потом ищут для них шефа? Нет, оно бы не усталость, я бы сразу понял, что это разводка. Но очень уж мне в шефы хотелось! Теперь понимаю, что не по Сеньке шапка. В общем, за день в шашлычке набегался и фартук на стойку бросил.

Приехал в пансионат и гляжу – там, конечно, атас. Две бабки на кухне морковку скребут ножиками и какой-то блаженный в форме внутренних войск котлы моет, вот как я

сейчас тут, ага... Обе бабки православные до мозга костей, но с примесью советского партработника. Идейные, короче. Куда ни глянь, на кухне сплошные апостолы, святые, великомученики и Иисус повсеместный. Оно, правда, не иконы, а такие открытки, постеры глянецовые. Причём везде. Над полочкой, где стоят рулоны туалетной бумаги, у них Тайная Вечеря в марвеловском стиле: все апостолы будто только из барбершопа после кроссфита – прилизанные, подтянутые, загорелые... И бабки всё молитвы читали, в церковь регулярно ходили, там с батюшкой общались, так что не сектантки какие-нибудь или суеверы дремучие.

Но это я уже потом узнал, а пока, думаю, ладно – трошки зажду, а там и легче будет – приедут повара, а я буду ходить и только указания давать. Так что соорудил я салаты и кое-как шведский стол с утра отстрелял. Оксана всё в зале сидела, на мою работу смотрела и после обеда позвала в кабинет, где мы торжественно подписали трудовой договор. Полноценный, настоящий и с такой зарплатой, какой мне и нюхать не доводилось. На крыльях оттуда вылетел и даже не заметил, что в кабинете у них на стенке наклейка висит с распятым. То есть не икона и не открытка даже, а голимая переводка, как татуировка из жвачки, может быть помнишь такие?

– Конечно помню. Когда в первом классе учился, то однажды извёл на них...

Но Лёша прервал Сергея, пренебрежительно махнув ру-

кой:

– Да ты погоди, дай я доскажу. На ужин я постояльцам какую-то мусаку организовал – они очень хвалили. В тот день я работу в шесть утра начал, а с кухни в час ночи ушёл, при этом весь день пахал без прорыва. Вспоминал шашлычку, где каждый час мог спокойно покурить и кофе пить. Зато тут я настоящий шеф-повар! Даже решил, что закончилась чёрная полоса в жизни. Второй день отстрелял, третий: с утра до ночи то морковь натираешь, то аль-денте жарить. Умаялся. Да ещё слышу мнения, что постояльцам не нравится наше не очень разнообразное меню. А мне что привезли, так я то и пользую. Вот как из трёх видов овощей восемь салатов приготовить? Ну, это бог с ним – недовольные всегда найдутся, а у меня своя рубашка ближе к телу. Спрашиваю каждый день у Оксаны про поваров, а она мне одно твердит, что едут.

– Откуда они так долго ехать-то могут? Не с Владивостока же?

– Ой, да она всё отнекивается, съезжает на Юрий Михалыча. Ладно. И на четвёртый день моих катуваний приводит Юрий Михайлович парнишку. Он, говорят, на мясном цеху – огонь: тоже в Евпатории работал, чебуреки жарил. Я его в оборот, говорю, что мы тут без чебуреков, что ещё умеешь? Этот елдасмок говорит, что голубцы умеет, – Лёша хлопнул себя ладонью по лбу.

И готовил он мне эти голубцы – туши свет просто: полдня чего-то там капусту ошпаривал, накручивал, варил, пёк и то-

мил. Двадцать голубцов сделал – и всё. Стоит гордый, будто горы свернул. Они, конечно, у него получились, но бледные и местами розовые... Я их ещё допёк, хотя эта падлюка чуть истерику не устроил, будто они сухие будут. Сухие-не сухие, а те, кому эти голубцы достались, на следующий день не обосрались и ладно. Но вот те, кому голубцов не хватило, обиделись и на питание жаловаться стали ещё больше. Решил, что когда повара приедут, я этого пачкуна к бабкам отправлю буряк чистить, а пока хоть какая-то помощь.

Ещё четыре дня прошло, меня всё завтраками кормят, руками всплескивают, говорят, что поварам билеты оплатили, но те где-то пропали. Я уже чуть не матом – ну никаких сил нет, а они мне притчи рассказывают, говорят, что материться грешно и какие-то корешки-платёжки кажут.

А у меня времени нет ни заявки писать, ни меню составлять, ни журналы заполнять – лишь бы народ накормить. Готовил из того, что привозили. Я же думал, что скоро подмога и будет перемога! На восьмой день этого ада Оксана мне сказала, что Михайлович поехал бригаду встречать – что-то не так с паспортами у них.

На девятый день он вернулся один. Говорит, что завернули бригаду на въезде – какие-то у них кредиты непогашенные оказались. И на меня с укоризной смотрит, будто они не себе сотрудников искали, а мою прихоть исполняли. Я к тому времени привидение привидением, небритый, глаза красные, по две пачки прямо на кухне выкуривал – в курилку

некогда было ходить!

На десятый день не приехал поставщик. Труба! Аврал! Продуктов нет! – Брэд помахал над головой половником. – Я по кухне бегаю, суп из топора варить собираюсь, и прямо слышу, как туристы моей крови требуют. И заходит на кухню Юрий Михайлович, под ручку меня берёт и в зал выводит. Ставит перед толпой и начинает блажить: «Вот вам Алексей, он шеф-повар. Он вчера не составил заявку на продукты, поэтому вы все сегодня голодные. Мы не знали, что запасов нет. Приносим Вам самые искренние извинения, вопрос обязательно решится до того, как вы освободите свои номера...» А я уже понял, что к чему. По большому счёту, я уже на третий день въехал, но всё надеялся... Эх, тогда и надо было бежать!

Приходим мы с ним в кабинет, а там Оксана с какой-то женщиной сидит. Та встаёт, говорит, что инспектор из Роспотребнадзора. Вы, спрашивает, Алексей? Это ваша подпись? Почему вы обязанностей своих не исполняете? Где журнал бракеражный? Где режим смены фритюрного масла? Где журнал здоровья? Почему на вытяжках слой жира в палец? Вы вообще понимаете, что это уголовно наказуемо? – Брэд бросил половник в кучу посуды.

– Что оставалось делать? Я сижу, ухмыляюсь. Понятно, что никакой административки на меня не повесили, а просто выгнали без зарплаты. Они же там что делали? С постояльцев за день только на жратве тысяч по сто имели, а продуктов

покупали ну на десятку – край. В Крыму в сезон овощи вообще почти ничего не стоят, вот и выходила математика, что они набирали постояльцев на десять дней и находили повара, которого потом кидали.

– Но ведь эта тёлка, которая типа из Роспотребнадзора, она же всяко подставная, а у тебя договор на руках, настоящий, ты говорил...

– Ну, во-первых, не обязательно, что та тётка липовая. Может, и настоящая? Понимаешь, если бы у них лапы в администрации не было, то они бы не смогли такие дела проворачивать. Поэтому тётка та вполне могла оказаться настоящей и в доску своей.

– Но можно было ведь в суд подать в конце концов, пожаловаться.

– Добре. Написал бы я заявление в суд и выиграл бы дело – тогда спустя полгода я бы получил за десять дней причитающиеся мне деньги, но полгода геморроя стоят намного дороже тех денег. Да и не выиграл бы я, всё равно они бы съехали на чём-нибудь. И, главное, сил у меня уже не было, я как из концлагеря. Вышел я оттуда, к другу вписался и двое суток тупо проспал. Потом встретил случайно хозяина шашлычки. Он мне говорит, что нехорошо ты со мной поступил, Лёша, что без предупреждения ушёл, но за зарплатой приходи – мне чужого не надо. Он с меня, конечно, неустойку вычел, но остальное заплатил сполна. Вот тебе и русская рулетка – раз на раз не приходится.

– Но почему ты тогда не в Москве, не в ресторане каком-то? Там ведь всяко больше платят, чем тут.

– А оно мне надо? Понимаешь, мне нужно, чтобы стабильные деньги на карту падали, чтобы в нужный момент у меня была бы пусть небольшая, но сумма. Я боюсь больших денег, лихих сумм. Бывало со мной, что за вечер получишь долларов пятьсот, а через три дня очухиваешься заблѣванный непонятно где и с кем, но понятно, что без денег и работы. Поэтому пусть пятьсот долларов у меня будут за месяц откладываться – главное, чтоб откладывались.

– А зачем тебе эти пятьсот долларов?

– Да не великий секрет, на самом-то деле. У меня полгода назад отец умер.

– Мои соболезнования... – Сергей растерялся и как-то осунулся. – Поверь, я тебя понимаю – самому довелось терять близких.

– Спасибо. Но для меня его смерть не была громом среди ясного неба – он до этого долго боролся с раком и было ясно, что победить не удастся. Был неясен лишь срок, но там – туда-сюда пара месяцев. Сути дело не меняло и я, хотя и расстроился, но раздавлен этим всем не был. Дело в другом. Отец мой был хотя и не олигархом, но и депутатом городским два созыва отсидел, и магазин у него был... Так что наследство осталось солидное – две квартиры, одна из которых пятикомнатная, дача и прочего по мелочи. Штука в том, что это всё должны разделить в равных долях три наследника –

я, моя сестра и моя мать. А вот как это сделать – непонятно, но общая цена вопроса миллионов пятнадцать и это только если по кадастру. То есть на мою долю выпадет не меньше пяти мультов. Сейчас за это всё рубятся мои мать с сестрой – одна не хочет продавать квартиру, а другая своей долей требует дачу, на которой уже неплохо первая обустроилась... А мне просто нужны деньги. Устал я от этого Крыма и в России мне холодно, поэтому я хочу свои деньги перевести в конвертируемую валюту и уехать в Таиланд или Индию, где с такими средствами я ни в чём себе отказывать не буду всю оставшуюся жизнь..

– Но ладно, ты полгода, год проваляешься там под пальмой, но ведь надоест – что тогда?

– Ну, надоест или не надоест – это ещё вопрос. Там ведь много всяких интересных дел может найтись для человека, не обременённого работой... Но если надоест, то открою своё заведение, где буду кормить таких же, как я, дауншифтеров, блинами, борщами и пирогами с капустой. Уверен, что там таких заведений не много. А пока вот жду, как там у матери с сестрой всё решится и тем временем коплю тысячу рублей – больше с меня комиссии при вступлении в наследство не возьмут. Так что почти всю зарплату я на счёт в банк кладу, который нельзя будет обналичить тёмной ночью в пьяном угаре.

Я бы разве на Север скатался, интереса ради. Там, говорят, большие гроши платят, а не копейки здешние. Для души

ещё можно на Байкал куда-нибудь шишки собирать. Конечно, там клещи, но зато природа почти первозданная и работа простая. Ладно, время уже позднее – иди к Светке на отметку. Заодно и узнаешь, как там это всё разрулили.

18:35

– Можешь считать, что в рубашке родился. Грузчик столовский подтвердил, что отвязывать боксы ему велел шеф, который потом передумал, а он уже их обратно не привязал, забыл. Оба подтвердили, что тебя при начале разгрузки не было. Татьяна, конечно, всё равно хотела разделить ущерб на троих, но когда выяснилось, что безвозвратно пропало только восемь голубцов, решила не заморачиваться. А раздача прошла без происшествий, никто не жаловался.

– Но ведь там по асфальту минимум штук двадцать этих голубцов...

– Безвозвратно – только восемь. Я не поняла, тебя не устраивает, что с тебя деньги не удержали?

– Нет-нет, я не в претензии.

– Ну вот и всё, свободен, значит.

18:58

После смены Сергей возвращался в лагерь с Андреем всё той же тропой через поле и лес.

– Слушай, а ты ничего про Байкал не знаешь? – спросил Сергей.

– А тебе зачем? С какой целью интересуешься?

– Я после этой вахты думаю куда-нибудь туда рвануть, там поискать работы.

– А что ты там делать будешь? – удивился Андрей.

– Да хоть бы шишки кедровые в тайге собирать. Не ради денег, а чтоб тот край повидать.

– Ну, сезон сбора орехов считается с октября, а так шишку бьют уже в августе, – со знанием дела сказал Андрей. – Опоздал ты, теперь следующего сезона ждать.

– Так мне ведь не обязательно шишки. Может, найдётся что-то другое.

– Кто его знает, – Андрей повернул голову в сторону шоссе, внимательно посмотрел вдаль, будто бы за поворот. Вдохнул. – Я ведь туда ездил, на Байкал. Ну, то есть в Иркутск. В восемьдесят пятом, как раз после армии.

– А что ты там делал?

– Тогда в Союзе началась антиалкогольная компания и местный пивзавод перепрофилировали под минеральную воду и лимонад. Рабочих рук не хватало, а дело срочное – тут я и подвернулся. Работа простейшая – принеси-подай, а платили неплохо. В соответствии с трудовым кодексом, – Андрей перекинул пакет с униформой из одной руки в другую.

На фоне зелено-охряного поля скелетом поднимался одинокий высохший серый куст борщевика. Пока что он, приутившийся у тропинки, был один, но раскидистые зонтики с семенами предвещали, что в следующем году тут будет це-

лая колония. И свеже-терпкий, с дымно-прелой ноткой запах разнотравья сменится душно-пряным ядовитым духом.

– На полтора месяца я туда подписался. Пять дней работали, а два – выходные. Кто-то пьянствовал, а я с бутылкой не дружил – на Байкал гулять ездил. На Ольхон даже выбрался.

– Ольхон? – Сергей скривил брови, как будто не расслышал.

– Не знаешь? Большой остров посреди озера – когда-то местные считали его заповедным местом, обиталищем богов, но советская власть богов упразднила и открыла там тюрьму и завод. Рыбный, само собой. После развала СССР завод тоже упразднился, а вот что вместо него открылось, я не знаю. Было бы место подступнее... Но не в этом дело.

С поляком я там познакомился, Михаилом звали. Интеллигентнейший человек, упорный! Он в тридцать девятом году попал под советскую юрисдикцию и стал считаться западным белорусом. Но так как советским гражданином он был ещё неопытным, то его отправили на всякий случай в Архангельск, на лесоповал. Но это ещё бы полбеды – с Пинегы до его родных Барановичей при большом желании можно было и пешком пройти. Беда случилась, когда началась война и его в определили в армию Андерса, а потом отправили воевать в Сирию под британским началом против Роммеля.

– Ничего себе маршрут! Из тундры в пустыню! – у Сергея замёрзли пальцы, он надел перчатки.

– Ну, всё же не из тундры, из тайги, но перемещение уди-

вительное, нетривиальное. Так вот, отвоевал он своё, имел награды, но иммигрировать не захотел, хотя и мог. Вернулся в свои Барановичи и увидел сгоревшую хату... Тут его как раз под белы рученьки и даже не в Архангельск, а прямо на Ольхон, как неблагонадёжного.

– Но ведь он ветеран... Награждён тем более. Почему так вышло-то?

– Тогда многие ветераны по пятьдесят восьмой статье получили, – Андрей вздохнул. Михаил духом не упал – срок свой отмотал, женился на девушке, которая в том же тридцать девятом стала считаться западной украинкой. Всё мечтал обратно вернуться в Белоруссию, но как поедешь и на какие шишы? Тем более жена вскоре умерла и он остался с дочкой на руках – один её поднял, выучил и при первой возможности в Иваново отправил – какая-никакая, но Европа. Сам хозяйство завёл – скотину, птицу, огород. Я когда его в восемьдесят пятом встретил, он, хотя уже и пенсионер, копил деньги, чтобы вернуться на родину.

– Надеюсь, он успел до осени девяносто второго уехать. Слышал я истории о том, как люди годами копили, а потом понимали, что ради мёртвой сберкнижки зря растратили силы и годы. У меня дед тогда чуть-чуть не успел на машину накопить. В итоге вместо неё пять килограмм свинины купил и ещё рад был, что нежирная попалась.

– Знаешь, я тоже об этом думал. Хотя он и калач тёртый, но ведь и соломинка верблюду хребет переламывает.

Эх, жаль, что не взял я его адреса, когда уезжал. Так и потерялись... Буду надеяться, что всё у него сложилось.

Тропинка нырнула в лесополосу с водонапорной башней. Лес был редкий, но мшистый; светлый, но древний. Помнящий укромные времена, которые художник Нестеров запечатлел на полотне об отроке Варфоломее: у ног лежит покорившийся медведь и хищная птица не ищет поживы, а гордо глядит в голубую дымку, блюдя горнее достоинство. И деревянная церковь, построенная до нашествия Мамаёв, была похожа на эту дореволюционную водонапорную башню. Где-то каркнула ворона.

– Я когда с иркутской вахты возвращался, то в аэропорту с археологами познакомился – они в Балаганск ехали стоянки древних людей изучать... Уж было с ними подвизался, но передумал – спешил документы в институт подать. В итоге успел и выучился..., – Андрей скосоротился и пнул лежащую на тропинке ветку – та улетела в кусты шиповника.

– Кто же тогда мог угадать, что так всё вокруг изменится?

– Да на глазах тогда страна менялась, и я эти изменения инстинктом чуял, но разумом не понял. Душой стремился к чему-то вечному, глубинному, а разум говорил, чтоб на зоотехника шёл, потому что там сытно, стабильно, жильё и почёт молодым специалистам. Тьфу. Выменял мечту на чечевичную похлёбку, которой не дали.

Сергей потёр левый глаз, в который будто попала соринка:

– Мне кажется, что те, кто разумом понимает перемены

– им лишь бы урвать, а потом хоть трава не расти: они со своим оторванным ломтём будут себя спокойно чувствовать где-нибудь там, где нас нет и откуда не депортируют.

Андрей молчал, внимательно слушал Сергея, а потом вдруг сам себе улыбнулся:

– Кажется, я понял... Хе-хе... Вспомнил повесть Платонова: там был матрос, который ехал на войну и ему было жалко задаром защищать неизвестных людей, тогда он стал

из винтовки стрелять по окнам домиков, мимо которых проезжал – вырабатывал в себе чувство обязанности воевать за пострадавших от его руки. Может быть оттого некоторые наши деятели стараются тайгу если не выпилить, то сжечь? Байкал если не отравить, то по трубам перелить и китайцам продать? Потом с такой силой Россию защищать, что небу жарко станет! Но это, конечно, шутка.

– Ага. У нас в области тоже любят громко сказать, что лес – достояние и богатство, а как до дела доходит, так его за бесценок на корню продают. И ладно бы ещё соседям продавали, а то ...

– На российском круглом лесе стоит вся финская лесная промышленность. Они ведь не дураки своё вырубать, когда чужое за копейки отдают. И тут не столько их спрос, сколько наше предложение, когда чиновник или частник сам к ним без мыла лезет с этим кругляком, ведь в том бревне он видит не дерево, которое сто лет росло на его земле, а конвертируемый ресурс. Для них и Байкал – только клякса на карте, которую в учебнике географии показывали, – Андрей поперхнулся, потом долго откашливался.

– Знаешь, ведь это даже хуже, если тот чиновник по стране ездил и страну вершками знает. Из окна поезда или самолёта кажется, что просторы наши бесконечные и сколько не возьми, а не убудет. Но хотя и велика Россия, а не безгранична. Как тот же Байкал – хотя и самый глубокий в мире, но и его дна сумел достичь человек в батискафе.

Они уже выходили из тени деревьев и Сергей заметил на опушке железобетонную плиту, не успевшую порости мхом. На ней стояла бутылка с мутно-бесцветной этикеткой, а рядом пристроились два пластиковых стаканчика. Хозяева приборов были неподалёку – один тряс другого за плечо, размахивая свободной рукой у себя над головой, а другой соглашался с его неясными аргументами. В вечернем сумраке плита казалась матово-белой, будто накрытой скатертью.

Отойдя чуть в сторону, Андрей вполголоса проговорил:

– На Байкале, у истока Ангары, есть скала – Шаман-каменем называется. На неё в старину на ночь садили подозреваемых в преступлении и если волны щадили испытуемых, то те считались оправданными. Я бы, честно говоря... – Андрей закашлялся и не закончил мысли.

– А мне эта плита напомнила валун, на котором молился Серафим Саровский. У моей мамы такая икона на стене висела.

Сергей 20-31

Здрав будь! Ну как там? Всё спокойно? Точно ментов не было? Никаких повесток в ящике нет?

Геннадий 20-33

Да никаких ментов не было точно – я бы уж тебе написал.

В ящике почтовом только платёжка за свет. В этом плане всё спокойно – тут не переживай.

Сергей 20-33

А в каком плане беспокоенно?

Геннадий 20-40

Иваныч умер.

Послезавтра похороны, в 9-20 на Петелинском. Тётя Тамара тебе просила передать.

Сергей 20-41

Нифига себе! Что случилось?

Геннадий 20-42

Вроде с сердцем что-то. Или инсульт ли? Не знаю точно.

Сергей 20-43

Как жалко... Я обязательно буду на похоронах. Как раз с поезда прямо приеду.

23:07

Когда вечером Сергей вышел на крыльцо, на небо словно нахлынула волна и принесла с собою сотни звёзд, горящих, как фары со встречной полосы. Он глядел в освещаемую этим дальним светом беспросветную небесную глубину и думал, что когда-нибудь не будет ни России, ни Китая, а от жуликов, мечтавших выпить Байкал, не останется и праха. Но всё равно в глубине будет храниться что-то пугающе всеобъемлющее, восторженно обнадеживающие и до смешного понятное. То, что только и есть в этом мире настоящего и к чему рано или поздно всё придёт.

В глубокой и пустой урне догорал не затушенный окурок. Поднялся ветер, волна небесной пены откатилась и из-за го-

ризонта взошёл кровавый Антарес.

Глава X

21.11.201... года. Москва, столица России.

Сладко зевнув и упруго потянувшись, Сергей открыл глаза: он лежит на кровати в длинной и узкой комнате. Настолько узкой, что рядом вплоты к стене умещается ещё только одна такая же кровать на которой кто-то завернулся с головой в одеяло кремового цвета. Две кровати ничем не разделены и стоят почти что вплотную так, что Сергей чувствует, как ровно дышит сосед. Но, несмотря на узость, эта комната с ярко-персиковыми стенами настолько длинная, что Сергей видит перед собой вдалеке только левый верхний край белой двери. «В коридоре я лежу, что ли?» – Сергей оборачивается назад, но видит только стену.

Белая дверь открывается и в комнату входит невысокая медсестра, одетая в бордовый хирургический халат. На нагрудном кармане вышита эмблема в виде белого восьмиконечного креста. Широко улыбаясь, она смотрит на Сергея, искренне радуясь, что тот проснулся.

Медсестра подходит к кровати Сергея, внимательно читает табличку, которая висит на спинке койки, вешает обратно и обращается к лежащему под кремовым одеялом:

– Ну вот, дорогой мой, и пришло время твоё, можешь к

выписке готовиться.

Медсестра берётся правой рукой на спинку соседней кровати, склоняет голову набок и проникновенно начинает читать:

– Ангелы небесные, ангелы святые! Возьмите и отнесите Богу Господу, Иисусу Христу все мои слова, всю просьбу мою. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Люди болеют, люди страдают, люди умирают. Кто эти болезни считал? Кто эти болезни на людей нагонял? Встаньте, хворобы, встряхнитесь, ступайте и в ад опуститесь. Скатитесь, свалитесь с раба Божия, чтобы его душа воспаряла, а тело болеть перестало. Благослови, Господи, все мои слова, все мои целительные дела. А то, что я пропустила, что упустила, Господь прикажет и все слова за меня ангел скажет. Ключ, замок, язык. Аминь. Аминь. Аминь.

Медсестра кладёт обе руки на спинку кровати и, глядя куда-то в потолок, с выражением ведущего прогноза погоды, говорит:

– Июда чудотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть и пять тысяч пять сот лет во аде был осужден. Поэтому пусть будем мы больны, так лучше остаться больными, чем для освобождения от болезни впасть в нечестие. Ворог лукавый, если и уврачует, больше повредит, чем пользы принесёт, это уж всегда. Доставит пользу телу, которое спу-

стя немного непременно умрёт и сгниёт, а душе бессмертной повредит. Если иногда по попущению и исцеляют диаволы окаянные, то такое исцеление бывает для испытания верных, не потому чтобы Бог не знал их, но чтобы научились не принимать от супостатов даже исцеления.

Вздыхнув, медсестра достаёт из складок халата инструмент, похожий на элеватор Леклюза, но у этого стержень был длинный, трёхгранный и заострённый к концу. Неуклюже перебравшись через спинку кровати, сестра надёжно зажимает элеватор в кулаке на манер кастета, длинный шип торчит между средним и указательным пальцами. Вздвигается на контурами обозначенное туловище соседа и начинает сильно, уверенно и монотонно бить. Сергей не чувствует творящейся рядом борьбы, только равномерное покачивание. Пытается встать с кровати, но не может – накрепко привязан к кровати накрывающей его простынёй. Простыня, не мешая спокойно лежать, при этом не даёт и шевелиться.

Во все стороны летят обрывки пододеяльника, клочки шерстяного пледа разлетаются по сторонам – некоторые из них падают Сергею на лицо. Он кричит и в палату вбегает чем-то неуловимым похожий на утконоса врач с фонендоскопом на груди. Он сгребает в охапку медсестру, та не сопротивляется, и он уносит её куда-то за дверь. Потом возвращается с селфи-палкой, освобождает Сергея от простыни, ставит его рядом с собой, обнимает и фотографируется.

Распахнув глаза, Сергей вздрогнул, поднялся на кровати, отдернул штору – за окном царила непроглядная тьма. Нашарив на тумбочке телефон, он долго не мог включить экран – аппарат трепыхался в ладони, норовил соскользнуть, а нужная кнопка убегала из-под пальца. Ну да, всё так – до будильника ещё целых семнадцать минут. Можно было спать ещё, но обратно, взбодрённый страхом, уже не ляжешь.

Вся общага спала, поэтому, стараясь не шуметь, Сергей заварил чаю и решил провести последнюю ревизию. Достал из-под кровати спортивную сумку с вещами, на всякий случай проверил, всё ли на месте: штаны, носки, футболки, кеды, сланцы, полотенце, флакон с гелем для душа. Перевернул рюкзак – там тоже было всё в порядке: второй том книги в мягком переплёте, зарядка, документы, пакеты с провизией, бутылка с чистой водой, зарядка для телефона и плеера, завёрнутые в целлофан зубная щётка с пастой, полрулона туалетной бумаги. С этим пакетом он вышел на пять минут из комнаты.

Вернувшись, пошарил в карманах куртки – паспорт и кошелёк были там, где им и положено быть. Есть примета, что если где-то забудешь вещь, то потом обязательно за ней вернёшься. К приметам Сергей относился скептически, но проверять состоятельность суеверий он не стал. Сюда он возвращаться не хотел.

Чай почти остыл. Оглядываясь вокруг, Сергей грустно усмехнулся. За два месяца эти стены стали такими привыч-

ными, он уже принял вид из окна и вжился в этих людей. Было тревожно и волнующе обрывать те тонкие нити, которыми он связался с комнатой номер девять в бывшем пионерском лагере «Мирный»: будто он смахивает многовековой мох с холодного борового валуна, мимо которого ещё Иван Сушанин вёл поляков в непролазные дебри. Но, посмотрев на это всё без розовой поволоки, покинуть эту комнату навсегда всё равно, что оттереть с белой кафельной плитки шпателем плесень в правом верхнем углу душевой и потом густо брызнуть антисептиком. Естественно и необходимо. А вот если дать плесени разрастись на всю стену так, что плитка начнёт отваливаться – тогда шпателем не обойдёшься. Тут понадобятся отбойные молотки, ломы, стамески и лопаты и едва ли стены останутся целыми, а «Мирный» глубоким шрамом останется в душе. Если же всё сделать теперь, то скоро Сергей забудет лагерь и в лагере уже послезавтра не вспомнят Сергея. И это будет закономерно и правильно. Поэтому надо поскорее отскреститься от этих гостеприимных стен.

Вымыв от выпитого чая кружку, Сергей протёр её полотенцем и положил в рюкзак. Внимательно оглядел комнату, снял было с крючка куртку, но повесил обратно, вернулся назад и заглянул под кровать. Ничего там не обнаружив, вздохнул. Надел куртку, натянул шапку, сверху нахлобучил наушники, включил плеер, похлопал себя по карманам и вышел из комнаты.

Спустя примерно полчаса, оказавшись на платформе

«Партизанского», Сергей не смог отчётливо вспомнить, как там очутился. Он даже было решил, что, выйдя из ворот и вступив в сгущённый утренними сумерками туман, он тут же преодолел эти два с половиной километра умеренного ноябрьского бездорожья. Но на самом деле Сергей честно прошагал полчаса по хрустящей ледком, как бриллиантами, дороге. Пару раз сменил руку, которая затекала от спортивной сумки. Счастливых часов не наблюдают, вот и Сергей не заметил, как осуществил свою мечту последних двух месяцев – оставил это всё позади. Со всеми тревогами, волнениями, гомоном, шумом и разговорами. Осталось шагнуть из восхищённого сейчас в такое долгожданное недалёкое будущее.

Откуда-то из-за поворота слева раздался гудок электровагона, а на востоке, справа, рассвет окрасил небо в радостный васильковый цвет. До Москвы отсюда примерно девяносто километров, а до Кирова – девятьсот. А из школы Сергей помнил, что от Земли до Солнца сто соток девять миллионов километров. Почти как жителей России. И Солнце светит каждому, но не каждый это замечает. Сергей заметил.

Подъехала электричка из-за Можая, с шипением открыла двери и поглотила несколько серых в рассветных сумерках пассажиров и понесла их куда-то туда, куда они должны были прибыть через два часа. К началу рабочего дня.

В вагоне было много пустых мест и Сергей сел у окна в начале правого ряда. Несколько человек село в Дорохово, один парень в ветровке и жилетке добавился на Садовой, в Теат-

ральном двери электрички распахнулись впустую. В Тучково вошло пятеро юношей и одна девушка. Студенты, судя по всему, но разных возрастов – младший, наверное, недавно поступил в ПТУ, а старшие были на последних курсах института. Но, может быть, это и не студенты были, а строительная бригада: каменщик, плотник, монтажник, электрик, кровельщик и отделочница. Пока устраивались на местах, немного пошумели, но спустя минуту влились в равномерность тусклой вагонной атмосферы.

За окном освещение было как в советском кукольном мультфильме. Сквозь поток лесополосы иногда промелькивали домики, заборы, огороды, дороги, речки, какие-то заброшенные ангары, гаражные кооперативы и кладбища. На половину пустой вагон следовал со всеми остановками и медленно, но верно, стал наполовину полным. В Петелино на место перед Сергеем сел мужчина средних лет с бегающим взглядом и привыкшим улыбаться ртом. Поставив на колени кожаную сумку, он достал из кармана куртки телефон, огорчённо покивал головой и положил аппарат уже в карман брюк.

По мере того, как за окном светало, иногда прерываемая лесополоса становилась различимее: стало чётко видно, где тут могучие деревья, где деревья-подростки, а где подлесок из молодых берёзок, бузины, шиповника и ещё недавно экзотичной, но теперь повсеместной облепихи.

Сидящий напротив Сергея мужчина с сумкой на колене

помахал ладонью, привлекая внимание. Сергей снял наушники:

– Да?

– Слушай, извини, что отвлекаю, но у тебя случайно внешнего аккумулятора нету?

– Повербанка? Нет, извини, уважаемый, нету.

– Вот ведь неприятность... Представляешь, на ночь телефон заряжать поставил, а саму зарядку к сети не подключил! И когда уже в электричках розетки сделают?

– Да, действительно не баско, – Сергей уже было решил, что разговор окончен и потянулся к наушникам, но сосед вдруг встал:

– Пойдём тогда покурим?

Это было сказано так естественно, доброжелательно и неожиданно, что Сергей только уже выходя в тамбур покопился на свой оставленный на полке баул.

Незнакомец добродушно протянул Сергею пачку Camel. Отказаться было неудобно.

– Ты ведь с Вятки, да?

– Да, я из Кирова. Отвахтовался вот.

– А я из Восточного! – радостно сообщил мужчина.

Прервав неловкое молчание Сергея, незнакомец, сказал так, как будто подскочил на кочке:

– Ну, это рядом с Омутнинском.

– А, знаю!

Постояли, молча дымили. Сергей выпустил пару колечек.

– Везёт тебе, что домой возвращаешься. Завидую. Я вот уже третий десяток тут вахтую.

– Это как так? – удивился такому долгому сроку Сергей.

– Ну, если интересно, расскажу.

Он глубоко затянулся, выпустил дым сначала через ноздри, потом стал выпускать через рот, попробовал сделать колечко, но оно получилось вялым и рыхлым – почти сразу растворилось.

Сергей покрутил между пальцев фильтр сигареты:

– Я не помню, был ещё Союз или нет, но мой отец где-то в самом начале девяностых как раз Camel курил, я ещё тогда этого верблюда запомнил. А потом перестал, бросил. Я его спрашивал, а почему ты больше не куришь? Он отвечал, что сигареты невкусными стали.

– Ну, тут надо понимать, что курить Camel в Совке и курить Camel после его распада – это две разные вещи. Даже если сигареты остались одними и теми же, – незнакомец стряхнул пепел на ступеньки в тамбуре и проводил его взглядом так, словно смотрел в беспросветную пропасть.

Незнакомец продолжил:

– Знаешь, а я рад, что так оно всё повернулось. Нет, вот правда, при Совке я сидел в своём Восточном, как дурак, и не то, что за границу, я в Москву-то выехать не мог без разрешения горкома. Один раз ездил на курорт, так там я должен был говорить, что я не в Восточном ЖЭКе по трубам газовиком выстукиваю, а в Омутнинском ЖЭКе гайки на-

живляю. Всё ведь тайна, всё секрет, кругом шпионы омэриканские. Конечно же я знал, что на заводе градообразующем выпускают ни разу не удобрения и лекарства, но я там даже не работал! Тупо мимо проходил два раза на неделе. Тьфу, блин, – мужчина злобно плюнул на пол. – Да тогда любому и так понятно было, что если завод сельскохозяйственный, то выпускает он танки, если машиностроительный, то пулемёты, а если химический, то какой-нибудь зарин. Всякие плуги для тракторов, плитки электрические, карбофос и стиральный порошок были отходами, бракованной продукцией. Не получился иприт – хорошо, мы его вместо дихлофоса в баллончики заправим!

– Так оно ведь и сейчас примерно также...

– Ну, не скажи. Тут ведь как? Что тогда, что сейчас рабочие не понимали, что делают – конвейер, ага. Каждый делает одну деталь, а этих деталей тысячи – пойдешь, угадай, что должно в результате выйти. Там со всего завода полное представление имело человек пять. Ну, может быть десять. А может быть и ни одного – изготавливали механизмы и узлы на трёх разных заводах, а потом отправляли куда-то на четвёртый, где уже их собирали во что-то единое. Короче, все понимали, что делают не сельскохозяйственный прибамбас, но должны были делать вид, что сельскохозяйственный. Ну вот сделали, допустим, топливный бак цилиндрической формы и диаметром два метра. Это, говорят, для теплоходов, чтоб туристов было на чём по Волге возить, но почему-то этот бак

отправляют в Казахстан – видимо, там эти самые волжские верфи и располагались.

А теперь, чтоб ты знал, наоборот. Делают резервуар-охладитель для молока, но потом всем встречным-поперечным треплются, что это был корпус для ядерной боеголовки. И ходят с гордым видом. Любят у нас веса себе придать. А что тогда за сто шестьдесят рублей в месяц работали, что сейчас за двадцать четыре семьсот. Лишь бы на выпить-закусить хватало.

Он бросил окурок туда же, куда стряхивал пепел, достал вторую сигарету. Предложил Сергею, тот взял и вторую.

– Тут понимать надо, что вроде всё так же осталось. Так, да не так. Свободы стало больше, считай, что ровно в четыре раза. Математически даже подтверждаю, – он показал Сергею свою ладонь, будто хотел пальцы загибать. – Чтобы уволиться с работы, нужно было за два месяца предупредить, а теперь только две недели. Вот так!

Сергей отвлёкся, посмотрел на месте ли сумки:

– Пошли обратно, а?

– Давай.

Они вовремя вернулись на свои места – в вагон как раз через тот тамбур, где они только что курили, прошёл кондуктор в сопровождении двух охранников. Сергей сел на станции, где не было кассы, поэтому купил билет от Партизанского до Москвы. Незнакомец сказал, что сел в Жаворонках и едет до Перхушково. Контролёрша презрительно

посмотрела на него, но ничего не сказала. Он, как ни в чём не бывало, продолжал:

– И никуда ты, кроме как в отпуске, не сунься, да ещё дефицит повсеместный! Долбаные джинсы чуть не две зарплаты стоили, да и какие это были джинсы – фуфло затрапезное. Самое красивое, что там было – лейбл. И по телевизору два канала, а на видак не накопишь ни за что.

Поэтому и воровали повсеместно – все заводы, колхозы, мастерские растащили. Ловили одного из сотни, но мне не повезло – взяли с мотком шланга на проходной. Понятно, что за это мне ничего не было, но по комсомольской или партийной линии карьеры уже было не сделать. С институтом тоже ничего не вышло, поэтому так и работал бы до пенсии сантехником, если бы не Беловежская пуша. Там стало проще. Намного проще. Сначала я стал председателем местного кооператива, образованного в гараже, который ещё недавно принадлежал ЖЭКу. Мы машины из-за рубежа перегоняли и в области перепродавали. Вернее, это всё делали мои партнёры, а сам я только в офис ходил, в пиджаке чай пил – работал лицом компании. Теперь вспоминаю, как Гранд Чероки в девяносто третьем разбил...

– Хе! Ничего себе! – Сергей не смог скрыть удивления.

Попутчик смутился:

– Ну, хотя бы и не Гранд Чероки, но девятка вишнёвая у меня была! – он снова о чём-то задумался, пристально посмотрел в глаза Сергею, потом продолжил. – Получилось да-

же хорошо, что я ту машину пьяный разбил – пока в больнице лежал с переломом, наш кооператив под себя подмяли очень смурные люди. Моих соучредителей они сильно обидели, а меня из глаз упустили. Вот и я, как был, на костылях, из родного города подался в столицу от греха подальше.

И там я в МММ пристроился – в офисе сидел и занимался тем же самым, то есть ничем, но за зарплату, которая сантехнику и ночью не снилась, зато с кооперативным барышом лежала где-то рядом. При этом спал спокойно, потому что смурных людей не надо было опасаться. Ещё и повезло расчихать вовремя и продать акции в мае девяносто четвёртого,

в аккурат после Дня Победы. Жалею, что не купил квартиру – всё как-то разошлось по мелочи... Потом вписался в партию одну чёрно-белую и уже у них в офисе до осени девяносто восьмого проторчал, а там им в перерегистрации отказали – что было можно в начале девяностых, то под конец десятилетия уже не очень приветствовалось. Но я и тут себе применение нашёл быстро – благо, партий много в стране, а в Москве и подавно. Причём даже офис менять не пришлось! Там, где вчера сидели чёрно-белые, сегодня сели жёлто-зелёные. И что те ничьих интересов не выражали, что эти. А в восьмом году мне вообще, считаю, подфартило сказочно – у одного из этих стал завхозом, – спутник Сергея многозначительно указал пальцем в потолок, над которым гудели равнодушные медные провода.

– Ну, официально-то моя должность называлась как-то по-современному, но по сути им и был.

Поезд остановился у станции Перхушково. Сергей огорчился было, что сейчас рассказ прервётся, но незнакомец не обратил на громкоголосое объявление ни малейшего внимания, хотя точно его слышал.

– Понимаешь, я при Нём вообще ничего не делал, только полномочия свои разным дурачкам исполнительным делегировал, а те рады были стараться. И спокойно так в этой области Смоленской было, не то, что в Москве. Жалко, что всё это закончилось немного раньше, чем я думал... Как ведь чувял, что вот-вот грянуть должно. Можно было хоть все ма-

шины из гаража выкатывать, но уже вежливые люди в окно стучали. Теперь вот позвали в институт, там буду спикером. А что? Биография у меня солидная, а пару раз в неделю лекции почитать – так это я ведь запросто. Так что, думаю, неплохо там устроюсь.

Бесстрастный женский голос из громкоговорителя объявил: «Отрадное». Незнакомец застегнул куртку, встал, протянул Сергею руку:

– Ладно, давай, земляк, приехал я!

– Давай, удачи тебе! Как зовут-то хоть?

Но тот словно не слышал вопроса. Проникновенно посмотрел в глаза, горячо пожал руку и вышел на станции, а вместо него вошла целая толпа пассажиров самых разных калибров и назначений. В этой каше были люди, словно сошедшие со страниц «Forbes» или «Vogue», при том, что иные были похожи на карикатуры из журнала «Крокодил», но в целом это всё казалось рябой и скомканной первой полосой из «Кировской правды». Сразу стало душно. Сергей надел наушники и до самого Белорусского вокзала смотрел в окно, обняв руками рюкзак.

Позавчера Сергей узнал, что офис переехал из подвала бывшего продуктового магазина на Новослободской в какой-то «Колосс» на Нагатинской и за расчётом надо будет ехать туда. Выйдя из здания вокзала, Сергей не понял, как надо перейти через дорогу к станции метро, поэтому чуть не

полчаса бродил кругами то поднимаясь на какие-то лестницы, то толкаясь в переходах с такими же ничего не понимающими гражданами. Когда он вышел из одного такого перехода, то понял, что стоит перед той самой лестницей, по которой он совсем недавно взбирался. В сердцах плюнув, он пошёл по «зебре» через дорогу в сторону, где должно быть метро. Но через пять минут, досыта найдившись мимо витрин, ротозеев и светофоров с кнопками и без, Сергей вновь оказался у той самой треклятой лестницы. Уже ничего не сказав, он молча пошёл под какой-то мост и на другой стороне наконец-то оказался там, где ему и хотелось быть. С облегчением спустившись на эскалаторе, стоя на платформе Сергей долго всматривался в схему метро, чтобы разобраться, как ему доехать до Ярославского вокзала, чтобы сдать вещи и купить билет. Два месяца назад он это как-то сделал с ходу, а тут пришлось помучиться, прикидывая пересадки и направления. Действуя осторожно, он добрался туда без происшествий и совсем не заплутал на площади трёх вокзалов.

С маршрутом до Нагатинской у него вышел промах. Казалось, что тут всё проще, но пересаживаясь на Серпуховской, он поехал не в ту сторону и понял это только в Отрадном. Его даже пробило холодным потом – испугался, что вернулся туда, где вышел его так и не представившийся якобы земляк. Стоя на платформе, он вспомнил ещё одну спутницу – ту девушку в компании не то студентов, не то строителей. Очень она показалась похожей на женщин из девятнадцато-

го века, изображенных на панно, которым украсили потолок станции. Долго ими любоваться Сергею не дал подошедший в правильном направлении поезд.

Выйдя с Нагатинской на поверхность и оглядевшись по сторонам, Сергей был рад контрасту с Белорусским вокзалом. Такого безумия, как там, здесь не было и не составило труда разобраться, где тут автобусная остановка, откуда ходит бесплатный автобус до бизнес-центра «Колосс». Пока ждал, двое прохожих попросили закурить, один хотел стрелкнуть мелочи.

Сергей оказался единственным пассажиром автобуса, тот долго вёз его изогнутыми улочками. Похоже, тут усиленно застраивали бывшую промзону и через пару лет случайный прохожий будет уверен, что идёт по респектабельному району. Но пока вид с пандуса многоэтажного «Колосса» был очень контрастным. У входа стоял охранник, который, не дожидаясь вопроса, сразу сказал:

– На лифте на восемнадцатый этаж, там налево до конца.

– Спасибо... Это там «Работа всем!»?

Охранник ничего не ответил, просто коротко кивнул.

Перед матовой дверью за ресепшеном, больше похожим на безвкусную вазу или на пьедестал раковины умывальника, сидела заразительно искусственно-улыбчивая девушка.

Сергей кивнул, протянул ей папку с документами:

– Доброе утро. Я, вот, с Дорохово. Отработал.

– Здравствуйте! Вы за расчётом? Будьте добры, давайте документы, – девушка вышла из-за стойки и, цокая высокими каблуками, как ямбургская лебедушка, проплыла за блестящую фурнитурой молочную матовую дверь.

Сергей сел на роскошный кожаный диван, который очень одиноко смотрелся на пустом этаже. Ряд одинаковых закрытых дверей без табличек, неестественно яркие светильники в потолке и отсутствие эха заставляли подумать, что оказался на заброшенной космической станции или в секретной лаборатории. Только неуловимо летучая цементная пыль напоминала о том, что всё происходящее вокруг естественно и обыденно.

Девушка вернулась и, лучезарно улыбаясь, с каким-то полупоклоном придержала дверь, приглашая Сергея пройти внутрь кабинета. Кабинет оказался просторным помещением с лапидарной обстановкой: два обтянутых белой кожей кресла, белый же большой письменный стол, на котором стоял моноблок с заклеенным белой изолентой логотипом. Позади громоздился стеллаж, плотно заставленный папками-регистраторами без пометок на корешках. В углу возвышался барный стул.

За столом сидела та же ассирийская Алана, которая два месяца назад отправила его на работу. На её бейджике в качестве должности было написано «тавассуль». Она оставила в сторону стакан с томатным соком, который пила через трубочку.

– Сергей Чулымов? Здравствуйте! – посмотрела на него так, как будто случайно узнала в толпе старого приятеля и очень рада встрече. – Ну как вы? Отработали? Устали? – её голос напомнил голос воспитательницы из детского сада, которая присела на корточки перед плачущим из-за улетевшей бабочки ребёнком. Но воспитательницы не смотрят детям прямо в глаза холодным и пристальным взглядом.

– Не столько устал, сколько по дому соскучился. Всё же работа там монотонная – хочется сменить обстановку, – осторожно ответил Сергей.

– Понимаю, конечно. Нет, на самом деле вы молодец – отработали добросовестно, без нарушений режима и нареканий со стороны руководства. Думаю, уже в следующую вахту мы будем рассматривать Вас кандидатом на должность бригадира.

– Звучит заманчиво. Но теперь я бы хотел отдохнуть немного, отдышаться, так сказать.

– Да, Вы правы. Ближе к делу! Давайте посчитаем сколько у Вас приходится под расчёт. Итак, начнём. Значит, за комнату в общежитии будет триста пятьдесят рублей в день, а за...

Сергей встрепенулся, словно очнувшийся от дремоты пассажир на лавочке, когда его электричка уже захлопнула двери:

– Подождите, но я думал, что проживание оплачивает работодатель, разве нет?

Алана широко открыла глаза, склонила голову набок и надула губки. Снова воспитательница, которая на этот раз не даёт ребёнку есть червяков.

– Работодатель не оплачивает, а предоставляет вам жильё. Эту часть ваших забот мы просто взяли на себя.

Сергей на это ничего не ответил. Он понял, что это было только вступление к монологу, который надо дослушать до конца. Алана же ждала его реакции, но, так и не дождавшись, кажется, чуть смешалась, но продолжила, всё так же глядя в глаза:

– Вы только не думайте, что мы взяли лишнего! У нас с арендодателем заключён оптовый договор на эксклюзивных условиях. Вы сами подумайте, это ведь Москва! Думаете, вы бы нашли тут с ходу жильё за девять тысяч в месяц? Опять же место рабочее вам искать не пришлось, его для Вас нашли мы, а за эти услуги не взяли ни рубля!

Алана снова ждала вспышки возмущения от Сергея по крайней мере на то, что Дорохово ни разу не Москва, а триста пятьдесят рублей на тридцать один день несколько больше, чем девять тысяч. Но не дождалась.

– Итак, за спецодежду полторы тысячи будет, но когда вы на следующую вахту поедите, то сможете работать в ней же! Медицинская книжка обошлась в три с половиной, но и она ничего не будет стоить в следующую вахту. Сергей, вы заметили, что в медкнижке Вам поставили местом жительства Московскую область? Это тоже важно, ведь если бы там чис-

лился ваш родной город, то пришлось бы пройти больше обследований – по меньшей мере, вы избежали посещения областного тубдиспансера, а это местечко то ещё. Это тоже благодаря нашему прямому договору и добрым отношениям с медицинским центром. Так, ещё еженедельный аванс в тысячу рублей...

Сергей наконец не выдержал:

– Так сколько же я получу-то в конце концов!

– Не надо кипятиться! Давайте посчитаем. У вас получается пятьдесят четыре рабочих дня по одиннадцать часов каждый, то есть пятьсот девяносто четыре часа. Умножаем на девяносто пять и получаем пятьдесят шесть тысяч четыреста тридцать рублей. Вычитаем проживание, медкнижку, спецодежду и авансы... Получается, что двадцать пять тысяч пятьсот тридцать рублей будет перечислено на Вашу карту в течение пяти рабочих дней. По всем вопросам можете звонить мне в любое время суток!

Сергей понял, что нужно сказать:

– В следующий раз я хотел бы снова на этом же объекте работать – уже знаю, что к чему, не надо будет заново учиться, начальство запоминать, да и привык я там уже. Мой сменщик ведь после Нового года заканчивает?

Алана недоуменно посмотрела в календарь:

– Да, что-то около того... Но Вы нам позвоните заранее, пожалуйста, числа двадцать пятого, хорошо? Чтобы мы знали – рассчитывать на Вас или нет.

– Да, конечно.

– И не забывайте, что место бригадира у Вас в кармане, а там почасовая оплата намного выше и ещё премирование!

– Я знаю. Спасибо, до свидания.

– Всего Вам доброго!

Сергей встал со стула и ровным шагом вышел из кабинета. Не оглядываясь на улыбающийся ресепшн, прошёл к лифту и только тогда, когда вышел из здания, сел на лавочку. Хорошо, что он сюда приехал не за длинным рублём, а от гре-

ха подальше. За два месяца вахты он получил столько же, сколько можно заработать за месяц обычного графика, никуда не уезжая из дома. Видимо, потому столица у нас и златоглавая, что всё из людей выжимает. Был ли смысл скандалить и что-то выяснять с этой Аланой? Только бы себя накрутил. Пусть думают, что он сюда ещё вернётся, а то кто их знает – может, через пять дней никакой зарплаты не придёт, а это их ООО, зарегистрированное на слабоумного алкоголика, потерявшего два месяца назад паспорт, себя объявит банкротом. Тогда – привет. Поэтому лучше синица в руках.

Хотя настроения никакого уже не было, но важный пункт оставался незакрытым. Красная площадь. Как иначе? Был в Москве и не видел Спасской башни Кремля? Побывал в столице и не поклониться Могиле Неизвестного Солдата? По Третьему Риму ходил, а Василия Блаженного не посетил, Минину с Пожарским в ответ не махал? По Белокаменной гулял, а Мавзолею не салютовал? Засмеют. И сам потом жалеть будешь – когда ещё тут окажешься? В обязательном порядке надо пройдишь по легендарной брусчатке. И чем-то хорошим, однозначно позитивным хотелось отвлечься, приложить к душевной ссадине спасительный великодержавный подорожник. И всё равно до поезда ещё много времени. Не на вокзале же сидеть до вечера, когда кругом Москва?

Доехав на бесплатном автобусе обратно до метро, Сергей подошёл к осанистому высокому мужчине в белых не по се-

зону брюках.

– Здравствуйте, уважаемый! Не подскажите, как лучше отсюда до Красной площади добраться?

Мужчина оглядел Сергея с ног до головы, хотел было что-то сказать, но оборвался и почему-то посмотрел за его правое плечо:

– Если до самой Площади, то лучше до станции Китай-город. Но если уж приехали в Москву, то побывайте в Третьяковке. Даже если вам это не очень интересно, то потом детям расскажете.

Сергей молчал, мужчина немного стушевался и продолжил:

– Поезжайте до станции Третьяковская, а там разберётесь. После Третьяковки идите по Лаврушинскому переулку до конца, а потом по мосту через реку на Болотную набережную и площадь.

– На ту самую Болотную?

– Да, ту самую. Там действительно стоит побывать. Потом по набережной к Москворецкому мосту, а там уже и Васильевский спуск. В принципе, всё самое важное в Москве можно за полчаса увидеть.

– Спасибо за совет! Так и сделаю.

В Третьяковскую галерею выстроилась огромная очередь,

выходившая далеко за территорию огороженного дворика галереи. Сергей было пристроился в конец очереди, но, постояв минут десять, понял, что на одну только очередь уйдёт минимум полчаса, а ведь если потом просто пройтись по галерее, то тогда уже ни на какую Площадь времени не останется. С досадой он вышел из очереди. Интересно, в этот ноябрьский скверный будний день тут стоят туристы или москвичи? Если это горожане, то наверняка не те, что в белых офисах нюхают пыль и сосут через трубочку, а те, которые берут от этого города лучшее, что в нём есть. Оказывается, таких много.

Позади него очередь уже продолжилась десятком граждан, которые недоумённо посмотрели вслед уходящему Сергею, а потом сдвинулись вперёд.

На тротуаре по правой стороне Лаврушинского переулка меняли плитку, нескольких зданий были завешены фальш-фасадами. Суетились рабочие, казалось, бегавшие наперегонки со своими тележками вокруг штабелей этой самой плитки и что-то кричали друг другу: то ли невнятно, то ли не по-русски. Сергей дошёл до конца переулка, перешёл реку по мосту – издали виднелся памятник Петру Первому. Станный памятник человеку, который терпеть не мог Москвы и потому перенёс столицу, чтоб оттуда всем грозить. И странный памятник русскому флоту на реке, через которую можно шапкой перекинуть. К тому же смотрелось это сооружение, будто великан в рыбацкой шаланде приплыл на

стройплощадку или если бурлак с картины Репина, но только со зверским лицом, тащит за собой остров по никому не ведомому пути. Вот, кстати, и памятник Илье Ефимовичу стоит. Нормальный, обычный, красивый и уместный.

Под мостом стояла гружёная песком баржа. Из песка торчали совковые лопаты, на черенке одной из которых висела серая бейсболка. По течению проплыла мятая зелёная пластиковая бутылка из-под пива.

Сергей прошёл по мосту, вступил в парк и пошёл по центральной аллее до конца. Остановился перед железным заборчиком, ограждавшим скульптурную группу, смысла которой он сперва не понял. Рядом молодая женщина, похожая на румяную булочку с корицей в очках, живо жестикулировала перед мужчиной с внешностью доброго пекаря:

– ... на втором курсе института узнала. Идея заложить этот памятник в начале нового тысячелетия принадлежала Юрию Лужкову, который тогда был мэром, даже градоправителем. Считается, что некоторые фигуры придумал он сам, а скульптор только добровольно-принудительно воплотил их в жизнь. Жители города очень неоднозначно приняли памятник.

– Ещё бы! Такое страшилище под самыми башнями Кремля выставлять! Чуть ли не в сердце России таких пугал навтыкали!

– И такое мнение было. Ещё многие возмущались из-за того, что в народе монумент «Дети – жертвы пороков взрос-

лых» стали называть «Памятником порокам».

Мужчина пристально смотрел на памятник, а потом вдруг схватился за шляпу, словно боялся, что её унесёт ветром:

– Он же как Вечный огонь, только наоборот! Помнишь, как у нас на набережной? В полукружье у пламени на табличках пишут имена тех, в честь кого оно зажжено, а тут капище поганое: сгрудились упыри и кровопийцы, греются у детства золотого, напиваются. Крадут у будущего всю радость и счастье для того, чтобы поддержать своё настоящее корявое.

Девушка каким-то новым взглядом посмотрела на скульптуры:

– Некоторые ещё сказку про тринадцать месяцев вспоминают...

– Тринадцать? Может, двенадцать?

– Да, конечно же двенадцать. Оговорилась, – взгляд девушки стал прежним, обычно-радостным. – Кстати, тут три русских смуты закончилось так или иначе – здесь сожгли одного из видных деятелей Раскола, Авраамия. Потом тут вывесили для народного любования останки Степана Разина, а век спустя тут же четвертовали Пугачёва...

– Знаешь, давай скорее пойдём отсюда куда-нибудь, а то мороз по коже.

Отец взял дочь под ручку и повёл её по парку в сторону моста.

– Да это от реки просто прохладно. Пойдём тогда в Тре-

тьяковку, что ли? Там такой зал Врубеля! Помнишь, ты мне в детстве Лермонтова читал?

– «Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана...»

– Нет, не это! Вот:
«Ничтожной властвуя землей,

Он сеял зло без наслажденья,

Нигде искусству своему

Он не встречал сопротивленья —

И зло наскучило ему.»

– Ничего себе! Ты помнишь, это ведь было лет...

Сергей постоял ещё немного, посмотрел, как истуканы тянут свои руки к ничего не подозревающим детям и вспомнил проповедь батюшки. Ту, которая была по дороге в Дорохово. Понятно, что это была дичь, обман и мошенничество, но дыма без огня тоже не бывает.

Невесело хмыкнув, он пошёл на Софийскую набережную, понялся на Большой Москворецкий мост. С моста открылся вид на целый ряд зданий, опять закрытых фальшфасадами.

В родном Кирове, тоже при въезде на главную площадь города, был какой-то домик, обёрнутый таким же высокохудожественным брезентом. Над этим домиком смеялись горожане и ставили его в укор администрации, а тут почти весь центр такой. Понятно, откуда ветер дует и с какой стороны рыба гниёт.

По мосту Сергей дошёл до Васильевского спуска и остановился, как завороченный глядя на куранты Спасской башни. Именно они заканчивали старый год и начинали новый. Это они отсчитывали то московское время, по которому жили люди за тысячу километров отсюда, по которому сверяли свои часы. Сколько с этим циферблатом связано добрых воспоминаний, надежд и уверенности в том, что завтра обязательно будет лучше, чем вчера? Сверкающая на солнце рубиновая звезда тоже не оставляла сомнений в том, что будет именно так.

Но вход в ворота башни был закрыт, перегорожен, как и вся площадь, на которой активно сооружались трибуны для проведения фестиваля в честь дружбы и добрососедства с Китаем... Всё, приехали: ни тебе Могилы, ни мавзолея – доступно только Лобное место. Оглянувшись в недоумении на Василия, на Минина и Пожарского, Сергей решил пройти вдоль ограды – может, огорожено не всё? Вдруг всё же есть лазейка?

Нету её, понял он, дойдя до Никольской и оглядываясь на

узкую улочку вдоль ГУМа, оставшуюся от перегородженной площади. Возвращаться назад, чтобы толкаться в толпе туристов, не хотелось. Сергей пошёл к метро прочь от Красной площади и ахнул, когда в середине этой пешеходной, прогулочной улицы на небольшом постаменте он увидел дымковского индюка. Глиняную свистульку, но только высотой в добрых три метра, чтобы ни в коем случае не осталась незамеченной. Такие игрушки родом из Дымково – слободы, расположенной на противоположном Кирову берегу реки Вятки. Напротив города, короче. Получается, на главных площадях Москва хочет дружить с Китаем, а провинциям салютует из узких проходов? Вокруг яркого индюка с шумом бегали какие-то среднеазиатские дети.

Сергей зашёл в магазин. Когда он вышел из него спустя пару минут, то пошёл в сторону станции метро. Не доходя пары десятков метров, он обернулся назад, в сторону свистульки. Вынул из внутреннего кармана пачку сигарет, распечатал целлофановую упаковку, достал одну и с грустью, с какой-то даже обидой в глазах, закурил. Видимо, вот его законное место бедного родственника, который никогда не будет командовать парадом. Жаль, что не выстоял очереди в Третьяковку.

Пора было на Ярославский вокзал, пора в свой по-настоящему родной край, в вятскую резервацию. С чего начинается Родина? Чем она заканчивается?

Уже давно стемнало, когда фирменный поезд Москва-Киров отправился с Ярославского вокзала. Сергей удобно расположился на боковом месте у окна плацкартного вагона, сел спиной к движению поезда, заварил чай, и, глядя на постепенно уходящую Москву, думал:

«Вот говорят, что в Москве можно всё найти... «Всё»-то там есть, да про нашу ли честь?»

Ещё слышал, мол, Москва Россию кормит, спасает дотационные регионы, за собой их тянет. А почему Москва такая вдруг богатая, когда ни нефти, ни сельского хозяйства, а если заводы, то корейские? Всё за счёт того, что правительство и почти все офисы больших компаний находятся в Москве. Любой мало-мальски поднявшийся в регионе бизнесмен норовит свою региональную прописку на московскую сменить. Ясен пень, что директор, живущий в Москве, получает больше, чем работяги в регионах. И вот купил себе директор в Москве квартиру с гаражом, в гараж он купил себе машину на деньги, которые он из какого-нибудь Верхнекамского района привёз. Потому Москва и богатый регион, который может себе позволить многое ненужное и лишнее, а в том же Верхнекамском районе не дороги, а направления в лесных просеках. Но именно по этим-то просекам деньги едут в Москву в багажниках чёрных Тойот, где все купюры пяти-тысячные.

Поэтому в Москве и высокий уровень жизни, то есть одно из другого вытекает. Логично, что если работяга на ВАЗ

с пробегом годами копит, то директор себе не моргнув глазом может позволить немца или японца с завода. И это тоже, быть может, справедливо, но сама по себе Москва тут ни при чём. А если директора больше тратят, то больше и получают продавцы. Но только не те продавцы, что за прилавком, а те продавцы, что владельцы магазинов».

Мимо зловещим серым дотом промелькнула станция Перловская. На столике остывал чай, который Сергей забыл отхлёбывать.

«Говорят, что в Москве все пути открыты и из грязи в князи тут проще выйти, чем в провинции. Некоторым удаётся. Единицам. Десятки тысяч оказываются обманутыми и озлобленными – и либо остаются пахать за копейку на изогнутых московских улицах, либо возвращаются на свои малые родины, где потом хают Москву почём зря».

Мимо пролетело ярко-синее здание вокзала и радикально треугольной крышей, под которой большими буквами было написано название станции: «Воронок». Сергей же всё глядел в окно:

«Да и изначально в Москву едут люди неудовлетворённые и недовольные. Объективно они недовольны, как в своё время Ломоносов, которому тесно в своих Холмогорах было, или это просто истерички из пгт – не так уж и важно. Важно то, что они везут с собой самих себя. Поэтому на улицах этого города столько недовольных людей, ведь сколько на одного Ломоносова приходится истеричек? Тысяча? Миллион?

В Москве, конечно, больше места для манёвра. Тут есть, где себя показать и если ты спортсмен, художник, музыкант, артист или политик, то пожалуйста: Лужники, ВДНХ, Большой и Малый театры, цирк на Цветном бульваре... Но таких вот уникамов надо человек двести на десять лет, а в Москве живёт двенадцать миллионов... Вот и думай, сколько тут людей играет на рояле, сколько этот рояль таскает, а кого на это действие даже посмотреть не пустили».

Улыбающаяся, но замученная проводница очень доброжелательно предложила купить чего-нибудь в дорогу. Обречённо скосилась на чашку чая в руках Сергея. Сергею стало жалко её, поэтому он купил какой-то модный пакетик с кофе, который был одновременно и молотый, и растворимый. Бразильский. Залпом выпил остывший чай, заварил кофе и стал ждать:

«В Москву вас приманит вся мощь широких проспектов, миллионы огней, небоскрёбы до неба, широта площадей – квинтэссенция русского духа! На самом деле, если говорить о русской мощи, то гораздо более неизгладимое впечатление оставляет в душе ледоход Волги. Или молчаливые в закатном солнце хребты полярного Урала. Или раскинувшаяся во все стороны бесконечная степь, а над нею – высокое звёздное небо августа, перед которым чувствуешь себя малой песчинкой, вовлечённой во вселенский круговорот мироздания. А в Москве неба ты толком не увидишь, звёзды на башнях тут зажигают строго по команде, все площади перегорожены, а

могучие широкие проспекты стоят в пробках».

Когда Сергей допил растворимо-заварной напиток, то кофейная гуща на дне чашки предрекла ему что-то равномерное и светло-коричневое с удивительно резким запахом:

«Единственное, чем ценна Москва – она чистилище, пройдя сквозь которое можно понять, чего тебе действительно от жизни надо и на что ты годишься. Типа как покинуть зону комфорта. Но стремиться перебираться сюда для того, чтобы зацепиться любой ценой – удел слабых духом людей-паразитов, боящихся вернуться домой с поджатым хвостом, которые думают, что если они будут сосать кровь из медведя пожирнее, то и сами будут жирными медведями. На самом же деле, такие люди как были вшами у себя на родине, так ими и остаются. Но только с медвежьим гонором, который очень не идёт паразитам. Поэтому полезно съездить в Москву пошабашатить. Хорошо, что моя шабашка закончилась».

Сергей накрылся простынёй, лёг на бок, спиной к проходу и лицом к стенке, головой по направлению движения поезда. Подогнул ноги и уснул сном школьника, который сдал последний экзамен и теперь ему осталось только получить аттестат на выпускном вечере. Последнее, о чём он подумал прежде, чем уснуть, было то, что поскорее бы Киров отказался от московского времени и перешёл на местное, чтобы жить по-своему. Из-за московского времени слишком рано темнает.

Поезд делал остановку во Владимире.

Глава XI

22.11.201... года. Киров.

Осенняя ночь. Полная, ярко-жёлтая, почти оранжевая луна освещает голые стволы сиротливых осин. Палые листья наполняют воздух медвяным запахом, где-то неподалёку журчит широкий ручей. Я, пригибаясь, продираюсь сквозь осиновый лес и как траву раздвигаю своими длинными и сильными пальцами деревья и гибкие стволы податливо подчиняются, потому что я неотъемлемая часть всего того, что есть и происходит вокруг. Моя левая нога короче правой, поэтому со стороны может показаться, что я хромаю, но на самом деле идти мне удивительно легко. Звук моих шагов одновременно мягкий, как зелёный мох на торчащей среди заболоченной полянки кочки, глухой, как покрытый браслетом ложных опят берёзовый пенёк, но и бессердечно резкий, как вырываемое бурей с корнем старое дерево, которое, падая, громит собою молодую поросль, но и нежный, как бельчонок со спелой земляничкой в передних лапках. Звук моих шагов – звук леса. Он никогда не прекратится.

Я долговяз и поэтому, проходя опушками, мне приходится держать руки полусогнутыми, чтобы они не волочились по земле. Пролетающая мимо чёрная пустельга удивлена такому соседству. Оказывая почтение, сворачивает со своего

пути и, удобно устроившись на ветке, провожает благоговейным взглядом.

Я приближаюсь к мосту через реку, освещённому качающимся на ветру фонарём, хочу моргнуть, но мне это не удаётся, потому что я этого не умею, но это мне совсем не мешает. Своим не моргающим, но ясным взглядом я вижу, что к мосту подходит человек. Чтобы не попасться ему на глаза я перешагиваю через ручей справа от моста. Кажется, он меня не заметил. Я спокойно продолжаю дорогу дальше, потому что...

... спускаюсь с пригорка. Ведь до чего же хорошо в лесу осенью, когда оранжевая луна освещает всё вокруг своим мистическим светом, а медвяный запах листвы кружит голову! При сером свете дня эти голые и сиротливые осины оставляют за собой горестное ощущение забытой и несощенной пахарем полосы ржи из школьного стихотворения, но теперь, при лунном свете, они кажутся шепчущимися друг с другом трепетными барышнями на светском рауте.

Конечно, приходится внимательно смотреть под ноги, потому что днём прошёл дождь, но от этого так хорош воздух! Лес, кажущийся чёрной и монолитной стеной, на самом деле живёт своей тайной и прекрасной жизнью. Вот на покрытой мхом болотной кочке запел вкрадчивую песенку кулик, а вот повеяло грибным духом от опят, ожерельем опоясавших старый трухлявый пенёк. А вот от порыва ветра рухнуло огром-

ное дерево, придавив собою несколько молодых собратьев. Это всё звук леса. Таким он был тысячи лет назад, когда тут не ступала нога человека и таким же неизменным он будет через тысячу лет, когда тут снова некому будет ступать. Есть в нём что-то вселенское, бесконечное и светлое.

Проходя по мосту, даже ветер на мгновение прекратился, чтобы я смог насладиться величием и восторгом момента – громокипящей первозданной тишиной бесконечной в своей цикличности природы!

Вдруг яркий, явившийся из крошечной пустоты свет и морозно-бритвенный ветер оглушает меня. Я хочу кричать, но...

Сергей проснулся от того, что его плед упал в проход и свет железнодорожного прожектора светил в лицо. Посмотрев в окно, он увидел здание вокзала Шахуньи, больше похожее на больницу. Значит, ещё пару часов можно поспать. Поплотнее накрывшись одеялом, Сергей повернулся на другой бок, лицом к стене.

Проводница разбудила его уже у Лянгасово. Похороны в девять двадцать, поэтому с поезда придётся сразу ехать на кладбище. Хорошо, что вещей с собой – полупустой рюкзак и спортивная сумка, в которых осталось-то всего лишь полпачки печенья, четыре пакетика чая, зубная щётка, тюбик пасты, почти пустая бутылка геля для душа, две пары носков, полотенце, футболка, тапки-сланцы, трусы-боксеры и поло-

тенце. В отдельном кармане лежит шариковая ручка, блокнот, паспорт, а в нём под корочкой заложен полис, номер ИНН и пенсионное страховое свидетельство. Ещё в документах лежат военный билет, московская медицинская книжка и зажигалка с гербом города.

Тем временем пассажиры уже выстроились в очередь на выход в узком проходе между коек плацкарта. Было немного грустно от того, что законный пейзаж становился до трепета знакомым – вот за этим поворотом сначала будет semaфор, затем путепровод, потом за деревьями можно будет разглядеть гладь уже замёрзшего пруда, потом будет переезд, шлагбаум и железнодорожница в жёлтом жилете. Следом будут гаражи, пара послевоенных двухэтажных домов, а после уже сама станция со всеми заборами, невообразимым количеством расходящихся и снова сходящихся путей, депо и восстановительным поездом, который стоял в тупике без движения уже который год. Хоть бы на гараже что-то новое написали! Нет. Город остался таким же, как был.

Покидать вагон и понимать, что на этом путешествие закончилось, было немного досадно, как будто ты что-то упустил, не доделал, недополучил, но пока ты не вышел из вагона, то всё можно ещё исправить, урвать, ухватить... От волнения сердце забилося быстрее и перехватило дыхание. Конечно, грело душу скорейшее свидание с домом, но оно же и тревожило.

Улыбнувшись проводнице, Сергей вздохнул, прыгнул на

перрон и пошёл на вокзал через дверь с перечёркнутой надписью «Вход» – остальные пассажиры шли в ту дверь, где надпись не была зачёркнута. Охранник даже не повернул голову в сторону нарушителя, а беседовавшие друг с другом двое полицейских не прервали разговора. Видимо, по походке признали своего, вятского уроженца. Такому можно. У такого незачем досматривать рюкзак и проверять документы – только время зря потеряешь.

Сергей шёл через привокзальную площадь на автобусную остановку, почти пустую в это время, когда граждане в большинстве своём уже корпели на работе, а по своим делам разъезжали теперь самые разнообразные, но немногочисленные свободные от облагораживающего труда люди. Автобус подошёл почти сразу, не заставил себя ждать.

Когда Сергей вышел на остановке «Слобода Томиловы», то у него было два варианта, чтобы добраться до кладбища – либо идти триста метров до пешеходного перехода, а потом делать крюк до главного входа, либо прямо тут же, в самом непопленном месте перейти дорогу и проникнуть на кладбище сквозь дыру в заборе, которая находилась ровно напротив остановки, на другой стороне проезжей части... Перекидывая ногу через отбойник, Сергей ещё раз порадовался, что он налегке.

Стоял морозный и солнечный ноябрьский день, как последняя улыбка засыпающей природы, которая ещё не укры-

лась белоснежным пуховым одеялом до весны. Но десяток автомобилей и несколько дюжин людей, кучковавшихся вокруг ямы в глубине старого кладбища, нарушали идиллию, мешали церемонии отхода ко сну. Прогуливавшийся по септому надгробию большой чёрный ворон недовольно каркнул.

Иваныч всегда казался Сергею нелюдимым, поэтому собравшаяся публика удивила разношёрстностью и почему-то удивила неприятно. Большинство из тех, кто пришёл проститься с покойным, было такого же пошиба, как и сам Иваныч – зажиточные трудяги с пролетарскими замашками на отечественных автомобилях и в болоньевых штанах. Но было и несколько господ средней руки, выходивших из своих очень дальневосточных, но совершенно леворульных средств роскоши передвижения в отглаженных брюках и начищенных до блеска полуоксфордах. О присутствии в рации Иваныча таких фруктов Сергей не подозревал. Кто были эти люди? Владельцы средних бизнесов, государственные чиновники или силовики полковничьих чинов? Что могло объединять их с дачником-бобылём? Золотое детство, светлая юность, бурная молодость? Как бы то ни было, они спокойно вставали в общую толпу в ожидании похоронного катафалка, переговариваясь с такими же неизвестными Сергею людьми вполне просторечного типа. Вроде вот этого мужика с залысиной в дубленке, которая ему явно велика. На вырост он её брал, что ли?

Докурив сигарету и бросив окурок под ноги, Сергей с удивлением обнаружил, что щебёнка на кладбищенской дорожке была такой же, как на даче у Иванныча. На одном из неровных зёрен этого перламутрового щебня виднелась какая-то буква... Сергей, плюнув, отступил с дорожки на обочину.

– Здравствуй, Серёжа! – протянул огромную руку всегда улыбчивый и обязательно чем-то довольный Станислав Денисович – одни из тех людей, кого здесь знал Сергей. Дядя Стас, как с малолетства привык его называть Сергей, хотел взять его этой весной к себе в компанию по производству и монтажу пластиковых окон, но что-то тогда не срослось. – Слышал, ты с вахты приехал, с Москвы?

– Да, вот, пошабашил пару месяцев.

– И как? Не обманули?

– Да нет, в общем-то. По договору ведь всё, – Сергею не хотелось прослыть человеком, которого можно провести на мякине.

– Ну, это хорошо, а то разные истории ходят про вахты эти все, сам знаешь. И что теперь? Будешь и дальше кататься в Москвабад?

– Нет, не очень мне там понравилось. Сейчас вот дела в порядок приведу и буду работу искать.

– Это правильно, нечего мотаться. Где родился, там и пригодился, говорят в народе.

– Вот и я об этом же думаю. Тем более, дом один стоит, земля пропадает.

– И это правильно. Сейчас времена такие, что всегда лучше подстраховку иметь. Пара мешков картошки и несколько банок варенья ещё никому не мешали. Ягоды, овощи – у меня всё своё, родное!

– Я малину посадить хочу.

– Кажись, Москва тебя на правильные рельсы поставила, – он радостно похлопал Сергея по плечу и усмехнулся в усы. – Да, ты когда отдохнёшь, то приходи ко мне – у нас как раз недавно ученик пропал, на его место работника ищем. На семьдесят косарей нагрел контору и свалил! Будто за этим и устраивался, честное слово.

– Как же так у него получилось? Из кассы что ли упятил?

– Не, не из кассы конечно. Понимаешь, у нас за установку окон надо платить в офисе. Обычно заказчики, когда договариваются об установке окон, платят только аванс, где-то треть от стоимости, а остальное потом везут в контору. Блин, ну ведь двадцать первый век: мобильные банки, карточки беспроводные, каршеринги... Даже просто телефоном платить можно, а у нас директор – старый параноик, этому всему не верит. Но не в этом дело, а дело в том, что этот наш стажёр Вася приехал с бригадой, окна поставил, а заказчик деньги ему прямо и отдал: без документов, без накладных, без договора. А тот и взял, не будь дураком.

Само собою, что он никому ничего не сказал и домой

ушёл, а в понедельник на работу не вышел. Ну, не вышел и не вышел – у нас это по понедельникам бывает. И во вторник его опять нет, но и подобное случается. Но вот в среду уже начальство заказчику звонит, мол, когда остаток завезти изволите, а тот говорит, что я вашему Васе всё ещё в пятницу отдал. Те к Васе, а его и нет! Давай звонить – трубку не берёт: «абонент-не абонент». Они по адресу прописки поехали тогда – мастер и главный инженер: мужики серьёзные, бодибилдеры, чего-то строят из себя... Ну, то есть качаются. Приезжают они, значит, на директорском бумере по адресу, чтоб решить вопрос, а по тому адресу чистое поле, а в нём яма выкопана.

– И что они сделали?

– Ну, как... Вышли из машины, в яму эту посмотрели и обратно уехали.

– И того Васю так и не наши?

– Нет, конечно. Но место его в бригаде свободно, так что приходи – рады будем!

Тем временем подъехал катафалк, Сергей и Станислав Денисович пошли к задней двери. Сперва им подали подставки под гроб, которые почему-то показались Сергею похожими на костыли, на которых уже лишённое души тело пытается удержаться на этом свете. Поставив гроб на подставку, Сергей отошёл в сторону, позволив непонятно откуда взявшимся близким и очень огорчённым родственникам проститься со своим дорогим и ненаглядным, на которого

их глаза уже лет десять не глядели. После их очень эмоциональных прощаний с громогласными банальностями, тривиальными заламываниями рук и всхлипываниями, Сергей поймал несколько неодобрительных и удивлённых взглядов, когда в числе последних он просто поклонился облачённому в ни разу не надёванный пиджак кадавру и похлопал его по плечу.

Потом подняли гроб, понесли его в глубину кладбища: мимо могильных камней, крестов, перешагивая через деко-

ративные, чуть выше щиколотки, оградки и поднимая его высоко над несусветными оградами-заборами. Пару раз чуть не споткнулись, но без происшествий донесли гроб до свежерытой могилы. На её дне лежало несколько дубовых листьев, которые непонятно откуда взялись, ведь никаких дубов на кладбище не было. На эти самые листья и опустили на верёвках гроб. Может быть, так ему будет мягче лежать. После того, как каждый бросил по горсть земли, Сергей не оборачиваясь пошёл от могилы.

– Эй, ты что, не пойдёшь на поминки?

– Да я ведь, это... Не родственник. Неловко будет.

Денис Станиславович хитро улыбнулся:

– Ну, как знаешь. Но всё равно – ты с вахты приехал и тебе отдохнуть надо, душу отвести. Держи вот два пузыря, – он прямо вставил под мышки опешившему Сергею две бутылки водки. – Да не отказывайся – на крайний случай на компрессы изведёшь.

– Да нет, спасибо...

– Блин, хошь-как хошь, а выручай. Поминальщики просто не скоординировались – и мы водки купили, и они. Не возмёшь – перепьёмся.

– Ладно, спасибо...

Сергей пошёл по алее кладбища. Хорошо, что снега ещё нет, не успело навалить сугробов и ходить можно, где вздувается. Наверное, поздняя осень – самое лучшее время для

ухода. Сергей не пошёл до ворот кладбища, он решил пролезть сквозь дыру в железобетонной ограде и налетел на ветку ясеня. Сергей очень удивился – ещё весной он тоже тут срезал дорогу и никакая ветка не мешалась. Вроде бы даже и рядом тогда ничего не росло. Глаз защипало, хотя ни соринки, ни царапины, но слезилось так, что защипало в носу.

Гена ждал Сергея на автобусной остановке, и они подошли в деревню мимо бетонного забора электроподстанции. Когда подходили к дому, Сергей немного отстал, осматривая оставленные на эти долгие два месяца владения. Тёмные зашторенные окна глядели на него с усталым укором, покосившийся забор будто нарочно наклонился в противную Сергею сторону, чтоб тому стало стыдно. Сергею было совестно, как будто встретил давнего товарища, которому когда-то обещал повидаться, и вот когда тебе стало надо, когда прижало, когда приспичило, ты к нему пришёл, и теперь боишься, что тот не пожмёт протянутой руки, отвернётся, уйдёт и захлопнет дверь. Было страшно, что они с домом стали друг другу чужими...

Пока Сергей стоял в растерянном замешательстве, Гена ушёл вперёд и отпер дверь. От докучных мыслей, от гнетущего настроения этого даже щелчок родного замка показался Сергею не надёжно-нежным, к какому он привык за последние пятнадцать лет, а новым и неожиданным, чужим и сухим, резким. Наверное, дело в том, что мне совестно перед

домом и грустно после похорон, подумал Сергей.

Пройдя оградой, они вошли в избу. Сергей ощутил запах родного дома и понял, что старый друг пожал протянутую руку, даже радушно потряс её и после заключил в свои добрые, но пока ещё не протопленные объятия.

Гена поставил чайник, и, пока Сергей оглядывал дом, собрал на стол сахарницу, печенье, чашки и блюда. Когда душистый чай с бергамотом был разлит по чашкам, Гена, боязливо-оценивающе поглядев на Сергея, начал:

– Я всегда знал тебя, как человека разумного и уравновешенного, поэтому пообещай мне выслушать до конца без истерики, хорошо?

Рука, державшая в этот момент чашку чая, дрогнула, поэтому горячая жидкость обожгла Сергею губы, потекла по краю рта на левую щеку. Сергей поставил чашку на место и утёр губы:

– Ну ты вообще, Гендос, блин. Говори, что случилось, не томи.

Недовольно сморщившись, словно ожидая чего-то другого, Гена начал:

– Короче, дело вот в чём. Кота я приехал кормить на следующий день после твоего побега, а ещё через день совсем забрал к себе – оно и мне не мотаться, оно и животное пристроено. Потом я ещё пару раз ездил, но после забросил – чего глядеть на одно и то же, правильно? Месяц меня тут не было, а потом страшно стало отчего-то, тревожно. Даже

сон приснился, как будто у твоего дома крыша обвалилась и из образовавшейся дыры вороны летят. Испугался, думал, вдруг там вору забрались или ещё чего: стал мерещиться невыключенный чайник, хотя точно помнил, как пробки не просто вырубил, а даже выкрутил. Короче, приехал. И что думаешь, когда я попытался дверь открыть? К ней ключ не подошёл! Вообще другой системы замок стоял!

У Сергея в волнении забегали глаза, а Гена достал из кармана связку ключей, демонстративно потряс ими и положил на стол:

– Представляешь, как я охренел, когда это всё обнаружил? Весь, блин, дом обошёл, во все двери заглянул – всё в порядке. Даже подумал, что просто не тот ключ с собой взял – ну, мало ли вдруг перепутал, да? Успокоился, но на всякий случай пошёл к тётке Тамаре и она мне рассказала, что Иваныч у дома и по огороду с какими-то людьми ходит и всё им показывает. Ей он сказал, что ты хочешь дом продать, и он тебе покупателей ищет. Ну, думаю, ничего себе поворот – почему же ты мне ничего не сказал?

– Поэтому тогда и спросил меня, не планирую ли в Москве остаться?

– Типа того. Но когда ты мне однозначно: «Нет!», тогда я и понял, что дело тут нечисто. Вызнал, что он обычно ездит с утра, видимо, чтобы свидетелей меньше было. Я просто взял, дверь заднюю выставил, сел в ограде на кресло, и жду.

Недолго ждать пришлось – слышу, машина подъехала.

Выходят трое – Иваныч и какие-то юнцы совсем, парень с девушкой, едва ли двадцать лет обоим. Слышу, как он им рассказывает, мол, вот, смотрите, какой дом у меня, какой участок большой, как инфраструктура вокруг развивается: магазин рядом, дорога хорошая и скоро газ проведут. Заливается, как он дом продавать не хочет, но жена умерла, детей и родни нет, а ему одному хозяйства не потянуть, поэтому он лучше в городе свой век доживёт, где и магазины, и больницы, и отопление. А те только уши развесили, слушают. Потом он стал о жене рассказывать и о сыне непутёвом, который в столицу уехал, да там и пропал, связавшись с бандитами в конце нулевых, а какой ведь парень был, олимпиаду в пятом классе выиграл по истории... И с этой ноты он мигом съезжает, и просит, чтоб эти лопухи выдали авансом тысяч пятьдесят по предварительному договору купли-продажи, чтоб он документы советские поскорее переправил на современный лад. Они уже чуть ли не в карман за кошельком полезли, но тут Иваныч своим ключом открывает дверь, а здесь я сижу. Говорю нежно так, проникновенно: «Здравствуй. Андрей Иваныч, дорогой. Я вот как раз от сына твоего погибшего прибыл, посмотреть, как его родитель названный за хозяйством следит». Он побледнел, как извёстка, и стал какую-то чушь городить про то, что с тобой всё согласовано и никаких накладок быть не может, потому что ты умер. Он даже парочке той обещал справку показать, а это, говорит и на меня пальцем показывает, местный сумасшедший, кото-

рый пробрался в дом и он сейчас милицию вызовет. Тогда я сказал, что это очень даже хорошо и сейчас мы вместе с ним пойдём в полицию и я расскажу, как он свою дачу поджёг два месяца назад. Парочка тихонько слиняла и Иваныч уже в пустоту кому-то за своё правое плечо рассказывал, каким непутёвым был его сын и какие у него друзья все поголовно наркоманы и уголовники. А я сижу себе в кресле, на него гляжу. Он на лавочку осел, сказал, что я всё испортил, что он хотел, чтобы всем хорошо было, потом встал и ушёл. Через три дня я узнал, что он умер... Уж ты меня извини, что сразу обо всём не рассказал – ты бы извёлся, да и всё равно ничего бы поправить не получилось – уже всё сделано.

Сергей, закрыв лицо руками, глубоко вздохнул, а потом выдохнул:

– Так да, всё правильно. Я бы домой сорвался и без зарплаты остался. Разве что Иванычу в глаза посмотреть успел...

– Одно только, что тебе сейчас разгребать придётся, так это тех, кого он тут нагрел. Минимум два раза он до меня сюда людей водил, а дали они ему аванс или нет – один Бог знает.

Сергей почесал в затылке, нахмурился:

– Блин, мне даже не столько интересно, сколько он народу облапошил, а интересно, какие это он им документы им показывал и где их взял? Ведь не хухры-мухры всё же...

– Ты ведь видел на похоронах, какие друзья у него? И

если документы «советские», то это такая филькина грамота – только держись. Считай, альбомный лист, на котором невнятная подпись и расплывчатая печать. Одно что бумага старая, так её за пару дней под лампой настольной состарить можно.

– Тоже верно. У них одна и ценность, что в архивах значатся.

– Кстати, гляди, что этот мошенник ещё раздобыл, – Геня принёс из другой комнаты фото в деревянной рамке. – Смотри, какую фотку на стол поставил! Где и надыбал, паразит старый? Это ведь ты с мамой, да? А он откуда рядом?

Сергей раскрыл рамку и достал из неё фотографию. На ней маленький мальчик в шортиках держал за руку молодую и счастливую женщину в летнем платье. Рядом с женщиной, придерживая её под локоть, стоял с солидным выражением лица молодой Андрей Иваныч, а за их спиной громадиной нависал паровоз. Каким-то угасшим голосом, как будто последние угли костра, затушенного в чистом поле ночной метелью, Сергей громко прошептал:

– Фото вроде настоящее, не фотошоп...

– Какой тут год?

– На обороте написано, что девяносто первый... Как же так? Совсем не помню этого фото...

– Это твой отец снимал что ли?

Ничего не сказав, Сергей встал и пошёл в дровяник. Вернувшись, он сел у печки, разжёг огонь и, не закрывая створ-

ки, смотрел на разгорающееся пламя. Густой дым заполнил собой кухню, но Гена решил не тревожить друга: он открыл входную дверь и сквозняк быстро вытянул всю тьму – воздух снова стал тих, прозрачен и свеж. Сергей продолжил сидеть у открытой печки и отблески пламени плясали на его лице. Потом он встал, закрыл створку и образовавшаяся в печи тугая тяга быстро разожгла радостно затрещавшие поленья. В окно постучала потревоженная ветром сирень.

Молча расстегнув рюкзак, Сергей поставил на стол две бутылки водки. Налил «на два пальца» себе и Гене и, не говоря ни слова, пошёл на кухню, где загремел соленьями, и будто даже нарочито громко стал искать в ящике открывашку для банки с огурцами.

– Слушай, давай хоть музыку поставим, а то ты какой-то грустный совсем? – Гена включил стоявший на столе ноутбук. – Помнишь, классе в восьмом жуткую пиратку Nirvana переписывали друг у друга на кассеты? «Оригинальная» была у тебя, а мне какой-то белый шум достался.

Отвлёкшись от совсем других мыслей, Сергей будто проснулся – немного вздрогнул, удивлённо посмотрел на Гену, утёр всё ещё слезящийся глаз:

– Помню. Там были два альбома вперемежку и несколько каверов.

– Да, именно. И Курт на обложке такой пафосный сидел и смотрел, будто следит за тобой. Короче, давай теперь в нормальном качестве слуханём. Я специально те песни собрал

именно в том порядке, в каком они были записаны. По памяти, конечно, но, надеюсь, не ошибся.

– Здорово, чо. Включай. Мне этот сборник больше официальных альбомов даже нравился.

Усталый и проникновенный голос из колонок пропел:

We passed upon the stair

We spoke of was and when.

Although I wasn't there

He said I was his friend...

– Ну, вспомним детство золотое, юность нашу непотребную!, – Гена поднял свой стакан и чокнулся со стоявшим на столе стаканом Сергея. Тот будто нехотя взял его обеими ладонями, как в морозный зимний вечер девушки в свитерах берут чашку с горячим какао.

Выпили, с хрустом закусили. Смачно крикнув, Сергей утёр губы рукавом:

– Вот, знаешь, Гендос, что мне больше всего в этой истории не нравится? Что я ещё лёгким испугом отделался, мать его так! Понимаешь, ведь на эту самую вахту не я отправился, а меня отправил Иваныч тогда со своим билетиком грёбаным, он рекламкой той меня подтолкнул, а если бы я на вахту сам не уехал, то он бы меня под страхом тюрьмы всё равно бы сбагрил с рук. И ещё неизвестно куда и на какой срок.

– Ловко он тогда с моментом угадал, словно знал, что в душе твоей творится – да и не мудрено ему было знать! Парень сидит без работы, денег нет, а тут ему показываешь билет в счастливую жизнь, не отговаривая от последствий. Если бы тогда ещё с кем-то посоветовался, со мной, например, то любой спокойный и здравомыслящий человек тебя бы образумил. Но Иваныч тебя ещё и с пути той тридцаткой сбил. Интересно, он эту многоходовочку заранее придумал или действовал спонтанно?

– Ну да?.., – как-то вопросительно согласился Сергей. – Эх... Он ведь знал, какие рычаги повернуть надо, потому оно и получилось толкнуть так, чтоб покатилося...

Сергей второй раз плеснул водки в стаканы. Гена невесело улыбнулся:

– Ну как? Поедешь ещё на вахту-то?

– Прикалываешься? – Серёга грустно вздохнул. – Нет, теперь понятно, что этот вариант не для меня. По большому счёту, он вообще возможен, только когда у тебя уже дом – полная чаша с любящей женой и детишками. Когда ты знаешь, что и без тебя всё будет в порядке и покое и ты можешь довериться тем, кто стоит у тебя за спиной. Хотя вот от того же Андрея я как мог такой подлости ждать, а?

– Да ладно уж, о мёртвых, как говорится...

Гена поскорее налил в третий раз. Незамедлительно выпили.

Широко выдохнув во весь рот, Сергей зажмурился. Утёр

слёзы двумя пальцами к переносице и потряс рукой с открытой ладонью:

– Ну ладно, хорошо. Допустим, у меня за спиной мой дом, который крепость. Тогда зачем ехать куда-то от такого счастья? Разве если за деньгой большой, так ведь дело в том, что нету там никакой такой деньги! То есть может быть и есть, но не там, где я был.

– Ты бы здесь бы больше заработал, если бы даже на самую примитивную работу устроился.

– А теперь, учитывая, сколько разгрести придётся...

За окном порыв ветра оторвал с соседского сарая лист профнастила и теперь тот жалобно бился по обрешётке, словно рука побеждённого борца. Налили, выпили.

Sit and drink pennyroyal tea
Distill the life that's inside of me
Sit and drink pennyroyal tea
I'm anemic royalty.

Сергей, безрезультатно пытаюсь выловить вилкой одинокий зелёный помидор из банки, наконец достал его рукой и со смачным хлопаньем закусил:

– Нет, конечно, очень здорово, что я посмотрел на Бородинское поле, до которого бы ни при каком другом раскладе я бы в жизни не добрался. Хорошо и то, что увидел и понял до чего доходят люди, не сумевшие себя найти, которые слишком уж рассчитывают на сильную руку, которая их вы-

тащит и поведёт за собой. Штука в том, что такая рука найдется обязательно. Эта рука и поведёт, и вытащит... Мля.. Она вытащит из уютного мирка, где человек в себе уверен, где он родился и вырос, где знает входы и выходы, где у него связи, друзья и родственники. Эта рука хорошенько встряхнёт за шкуру, на колени поставит и подняться не даст... Нет бы понять, что не место красит человека, а только человек может улучшить место, в котором родился... Чего-то я.. это. Того. Давай лучше ещё выпьем?

Он открыл вторую бутылку с уже тёплой водкой. Пятая стопка зашла очень хорошо, не потребовав никакой закуски. Сергей продолжал:

– Но вот тем, кто всех этих несчастных без разбора в загоны собирает и как лимоны выжимает, как виноград давит, а жмых – в канаву, таким не может быть прощения. Это же какой сволочью надо быть, чтобы из людей последнее высасывать? Содержать людей чуть лучше, чем в концлагере для того, чтобы человек подольше протянул, потому что за пару лет больше высосешь, чем за пару месяцев. Таких паразитов самих давить надо! Нет, я когда в офисе стоял и зарплату получал, то такое было желание вот просто взять топор... Но ведь посадят же, мать-перемать!

– Поэтому таких вурдалаков просто избегать надо. Не надо с шулерами садиться играть. Глядишь, если они не найдут больше таких дурачков, то волей-неволей, а придётся заняться каким-нибудь честным делом?

– Ну, ты сейчас до того договоришь, что эти шулеры сами жертвы обстоятельств? «Не мы такие, жизнь такая», да? – Сергей облокотился на руку, грозно посмотрел на Гену, но тут же осел обратно. – Ты в том прав, что надо избегать ходить по грязной дороге – обязательно поскользнёшься, упадёшь и завязнешь, весь вымажешься и ещё ладно, что сам чумазым останешься, но и других заляпаешь. Тот же Саша-бригадир... Он же нормальный человек, но собой доволен, рожа грёбаная... Вот как его судьба сложится, когда он наконец врубится, что к чему... Не знаю.

Шестую порцию Сергей принял залпом, уже не думая о закуске – наклонился на согнутые руки и ладонями размял лоб над бровями. Гена в это время свою водку незаметно вылил под стол. Сергей закурил:

– За чёткое понимание всей этой скотобазы, конечно, большое спасибо, весьма благодарен этим козлам, что лицом в дерьмо макнули, но не слишком ли дорого мне досталось это знание? Хочу ли я теперь преобразать вот это всё, испохабленное подлостью, несчастьем и предательством, а? – он посмотрел на Гену ошалело открытыми глазами, раскинул руки в стороны, указывая на окружающую действительность со всеми её противоречиями, пошатнулся и, сохраняя равновесие, рукой ухватился за край стола: – Какие можно делать дела, когда тебя самые лучшие и близкие люди хотят ободрать и поиметь?

– Ну, ведь ты и приличных людей встретил, не только

негативный опыт приобрёл?

– Нет, ну само собой, я встретил и неплохих людей, но где они все – в Череповце, Вологде, Кингисеппе, Волгограде... Точно не поеду к ним в гости, да и я им нахрен не нужен. Через месяц забудут кто я такой вообще и был. И я их имена забуду, потому что они-то все где-то там, а я-то здесь...

Из колонок ноутбука звучало какое-то монотонное и отрешённое кантри с убитой, какой-то настоящей русской улыбкой на пороге гибели:

When you've finished with the mop then you can stop
And look at what you've done
The plateau's clean, no dirt to be seen
And the work it took was fun

В седьмой раз разливать водку стал Гена. Налил совсем чуть-чуть, чтоб только дно прикрыть. Сергей недоверчиво заглянул в стакан, пренебрежительно выпил, а потом с хитрецей посмотрел своему другу в глаза:

– Знаешь, я когда-то хотел тут ремонт сделать, потолок натянуть, чтоб красиво было. Чтоб этого угла, где божница была, больше не было – убрать эту нишу нафиг – и всё. Но я бы тогда и вот тот крючок, на который лампаду вешали, тоже бы убрал, а теперь...

Он поднялся со стула и шатаясь из стороны в сторону, дошёл до угла, крепко взялся за крюк и подёргал его из стороны

в сторону, потом отступил и оценивающе поглядел на него:

– Нет, он человеческого веса не выдержит... Да и без меня тут всё развалится: огород зарастёт и не угадает потом никто, что я тут горбатился... Ну и где справедливость-то в этом мире, а?

Сергей вылил оставшуюся водку в свой стакан, который наполнился почти до края, выпил его залпом и упал. Из колонок донеслось грубое, как кирпич, но свежее, как окунуться в прямо с мостика в озеро июльским утром:

Now

You're in a laundry room,

You're in a laundry room,

You're in a laundry room...

Conclusion came to you.

Гена дотащил друга до кровати, положил его на бок, укрыл одеялом, поставил рядом с кроватью банку с водой, а сам на такси и уехал домой. В окно стучала ветка сирени.

Ещё затемно проснувшись с похмелья, Сергей первым делом схватился за банку, выпил всю в один присест, сел на кровати и стал вспоминать, что было вчера. Нахлынувшее чувство стыда за то, как он строил из себя Стеньку Разина, разорвался тут... Спасибо Гене, что выслушал и в лоб не дви-

нул! Одно хорошо – глаз больше не слезился.

Из-за того, что вьюшку у печки не закрыли, дома было холодно, поэтому пришлось снова идти в ограду за дровами, да и курить дома на похмельную голову несколько не хотелось. Хотелось подышать свежим воздухом, поэтому Сергей вышел сразу в огород. Первые лучи Солнца показались за яблоней. Сергей сел на стылую лавку, закинул ногу на ногу и вздохнул полной грудью. Хорошо, но зябко. Вслед за ним вышел кот, потёрся о ногу – Сергей поднял его и посадил на колено. Глядя в умную усатую мордочку, Сергей начал:

– Как ни крути, а главное в этом приключении то, что дорогу я прошёл: не споткнулся, не оступился, меня не раздавили и теперь уже меня с пути не сбить. Как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих, а если сам спасусь, то и многие вокруг меня спасутся, – он осмотрел свои семнадцать соток взглядом, который чуть было не замутила слеза. – По крайней мере, никто из моих близких на такую вахту точно не поедет, а если у меня получится поднять эту целину и сделать тут цветущий сад... Может, тогда и другие поймут, что счастье – оно всегда рядом, всегда в руках и не надо его искать за тридевять земель за горами – нужно просто вставать на ноги, брать себя в руки и дело делать. А если дети-внуки потом всё по ветру пустят... Всё равно не повод стоять на месте и под себя грести. Весной пять кустов малины посажу!

Докурив сигарету и затушив её в пепельнице, он взял кота

на руки и вернулся в избу, встал посреди комнаты, ровно под лампочку, и заполнил собою весь дом, всё его пространство от дверного косяка до оконного карниза. Как дух горящих свечей и ладана заполняет церковь, а без духа – храм уже и не храм, а здание простое. Окурок испустил последнюю струйку дыма и погас.

Ветка сирени стучит в стекло окна – осилит путь идущий...

Глава XII

19. 12. 201... года. Киров.

На восьмом этаже нового панельного дома по квартире-студии от окна к плите и обратно вот уже двадцать минут подряд ходит молодая женщина с распущенными волосами. Иногда она опирается на подоконник и смотрит ку-

да-то вдаль. Иногда проходит мимо зеркала, смотрит в него, вздымает ладонь в немом вопросе и идёт дальше. Иногда на ходу берёт с дивана телефон и, не сбавляя шага, что-то в нём проверяет, после бросает обратно, чтобы спустя три-четыре круга снова взять его в руки.

Скрестив руки, она ходит по комнате грустная и задумчивая. Барышня замечательно хороша собою – высокая, удивительно стройная, сильная, самоуверенная, что высказывается во всяком её жесте и нисколько не отнимает у ее движений мягкости и грациозности. Волосы у нее темно-русые, глаза почти черные, сверкающие, гордые и в то же время необыкновенно добрые. Она бледна, но не болезненно бледна; ее лицо сияет свежестью и здоровьем. Рот у ней немного мал и нижняя губка, свежая и алая, чуть-чуть выдаётся вперед, вместе с подбородком, – единственная неправильность в этом лице, придававшая ему особенную характерность и как будто надменность. В негодовании нижняя губка дрогнула, и она всплеснула руками:

«Нет, ну вот как можно быть таким придурком?!»

Барышню зовут Варварой и у неё был Кирилл, которого можно было назвать мужчиной. Кирилл жил вместе со своей матерью в пригороде, бывшем по сути просто внесённой в черту города деревней. Он занимался тем, что шабашил на машине: сдавал металлолом, возил грузы, покупал ломаную бытовую технику, чинил её, а потом перепродавал. Однажды он заработал за месяц целых пятьдесят тысяч и после этого

гордо именовал себя бизнесменом. Однако других таких же головокружительных кушей с ним не случилось, но Кирилл не унывал и верил в свою счастливую звезду.

Молодой человек расстраивал Варю уже не впервые, но текущий раз обещал быть последним: с самого утра они должны были поехать к её родителям за город, но этот деятель только что позвонил и с до неестественности натуральным изумлением в голосе сообщил, что у него кончился бензин, бак высох, и он теперь не может даже с места тронуться. Хотя сам он уже тронулся и отправился в путь к ближайшей бензоколонке с пустой канистрой в руке. «Говорят, баба с пустым ведром – плохая примета, а вот идиот с пустой канистрой как считается?». Идти ему было нужно километра три от деревни до шоссе. Телефон завибрировал, на экране высветилось: «Кириуша». Варя шмыгнула носом и с непонятно откуда взявшейся прытью бросилась к подушке.

– Алло! – радостно-испуганно прокричала она в трубку.

– Варюш...э... Тут такое дело, понимаешь... – Варя почти наяву увидела, как на другой стороне трубки бегают из стороны в сторону его глаза и на лице расплывается блаженно-испуганная улыбка.

– Понимаю, давай ближе к делу!

– Ну чего ты заводишься с пол-оборота? Бензозаправку у моста закрыли, а ближайшая отсюда работает на самообслуживании, по карточкам только. Ты можешь мне перевести рублей триста? У меня после вчерашнего мероприятия

на кармане только кэш.

Варвара вспыхнула и, чтобы не бросить телефоном об стену, жсала его так сильно, что и без того бледные костяшки стали белыми, как мел.

– Варенька, чего молчишь? Ты где? Куда пропала? Тебя не слышно!

Вздохнув и выдохнув, она заговорила с интонацией блондинки из плохого анекдота, но из манерного тона шилом торчала бритвенная сталь, которую распознал бы любой, но только не Кирилл:

– Слушай, я тут подумала... Давай, я одна к родителям съезжу, на автобусе, а? Ты свой бизнес в порядок приведёшь.

– Ну, раз ты сама этого хочешь, то ладно, – Варя опять увидела, как улыбка Кирилла становится уже другой: само-довольной улыбкой торговца, который продал козу по цене коровы. – Тут как раз сегодня Мелкий нашёл подряд по утилизации строительного мусора – можно будет неплохо денег поднять по лёгкому! Так что когда вернёшься, то шашлычков сообразим и в баньку сходим! Триста рублей-то переве-дёшь?

Но Варя бросила трубку и села на заправленный диван. Весь разговор она продолжала на автомате ходить, но тут последние силы оставили её. Эмоций не было, а была только холодная и иступлённо непробиваемая ватная пустота.

Снова зазвонил телефон. Варя отрешённо посмотрела на экран и удивилась: «Митька начальник».

Дмитрий Валентинович был владельцем доставки суши и пиццы, открывшейся год назад. Когда год назад открывалась доставка, Дмитрий Валентинович на собеседовании сулил своим работникам почти золотые горы – оформление строго по ТК, премии, бонусы, конкурентную дифференцированную оплату труда выше среднерыночной, то есть «до ста пятидесяти рублей в час»! На первое время, правда, оплата была сто рублей в час, но «только до того момента, пока работники не сдадут аттестацию по меню!». Пришло время, работники знали меню от и до, а почасовая не поднималась. Всё дело в том, что точка не делала выручки, которую обещали люди, продавшие Дмитрию Валентиновичу франшизу. «В Москве выручки в три раза выше, а оплата та же! Зарабатывают у меня только повара, маржинальность минимальная!» Через неделю Дмитрий Валентинович сдался и сказал, что поднимет ставку тогда, когда кафе перешагнёт через сумму, которая даже ему самому показалась фантастической. Через месяц фантастический барьер был преодолен и ему ничего не оставалось, как поднять зарплату. Разумеется, он прибавил только десять рублей, а что нужно было сделать, чтобы получать сто пятьдесят в час, Дмитрий Валентинович сам не мог сказать. Он «временно, пока не разработались!» оформил работников на полставки, завёл какой-то липовый журнал, в котором велел расписываться. Если верить журналу, то выходило, что повара выходят на четыре часа, а после на кухне царит Дмитрий Валентинович.

На самом деле Дмитрий Валентинович не умел готовить ничего, а роллы и пиццу не умел готовить тем более. Он умел наводить тень на плетень, любил философствовать об отвлечённых понятиях: морочил самому себе голову, самодурствовал и считал, что умеет вести дело и с умом экономить. Кафе в соцсетях он продвигал сам и делал это плохо. Он нанимал по сходной цене каких-то сертифицированных специалистов по рекламным технологиям, платил им деньги за продвижение и они не выполняли своей работы. Он покупал за полцены старое оборудование, которое портило продукты и ломалось и тогда приходилось покупать запчасти, платить за починку мастеру, считать упущенную за время простоя выгоду, и наконец покупать другое оборудование: новое и надёжное. Дмитрий Витальевич, обходя правила франшизы, вводил в меню блюда, которых никто не хотел: например, куриные наггетсы за два месяца не заказал никто, но купленные по дешёвке пачки с этой продукцией занимали треть морозильника и стремительно приближались к концу срока реализации.

Делая меню к новым блюдам, он крал из интернета чужие фотографии, которые не отражали действительности – например, из «веганской» шаурмы отчётливо торчали куски жареной говядины. Когда повара указали ему на этот промах, он сказал, что огляделся и решил, что это грибы. Вообще же «это только на первое время и скоро будет профессиональная фотосессия с настоящим фотографом». Прошло два

месяца, фотографа так и не появилось, но Дмитрий Валентинович раздобыл зеркальный фотоаппарат и притащил откуда-то несколько зонтов с белой матовой подкладкой, штативы и восьмиугольную лампу на треноге. Он вызвал поваров на два часа раньше обычного и принялся сам делать фотографии нагетсов, шаурмы, чизкейков и салатов с фирменными соусами. Надо сказать, что «фирменные» соусы он покупал по акции в соседнем универмаге. Фотографировал он долго и старательно: раскладывал вокруг тарелок ананасы, рамбутаны, джекфрут, маракуйю, перцы чили, питахайю, фейхоа и личи, а свежие огурцы велел нарезать пластинками, завернул их в трубочки и посыпал сверху красной икрой. Фото получились безобразными.

Зато ему удалось сократить фонд заработной платы: сначала на кухне работало по два человека в смену и после должен был появиться третий человек на заготовки, а также мойщица-уборщица. Но вопреки закону расширения Вселенной, штат как-то сам собою сузился. Например, с открытия работал Максим – добродушный здоровяк, который до этого где-то служил, имел звание, но ушёл в принудительную отставку. Дмитрий Валентинович первоначально его брал на должность су-шефа, но так в ней и не утвердил, зато вычел из его зарплаты выдуманные недостатки по продуктам. Максим бушевал, обещал бог знает что со своим руководителем сделать, но в итоге уехал на какую-то вахту. Ему замену долго не могли найти – на собеседование приходили в основ-

ном маловменяемые личности. Потом Дмитрий Валентинович объявил, что у него из пиджака пропали деньги, значит, Маша, третий повар, – воровка. Маша вывернула карманы, вытряхнула сумочку и в слезах убежала. Ей замену уже никто не искал, а оставшиеся Варя и Аня справлялись с прежним объёмом работы и так. За прежнюю зарплату, без премий, бонусов и оплаты переработки. За те два часа утренней фотосессии он тоже не заплатил.

Так вот, теперь Варю звонил этот самый Дмитрий Валентинович с плохо скрываемыми слезами в голосе:

– Здравствуй, Варенька!

– Здравствуйте, Дмитрий Валентинович!

– Слушай, можешь выручить, а? Аня заболела, у неё что-то с животом – прямо на скорой увезли. Сможешь сегодня выйти, а? Оплачу, как полную смену, не думай!

Варвара улыбнулась, как сытая кошечка:

– Дмитрий Валентинович, извините, но никак не получится – я уже на автовокзале жду автобуса, чтоб ехать к родителям. Я ведь специально себе эти выходные просила...

– Но послушай, ведь некому работать! – воскликнул он, будто его прижали в тёмном месте к тёплой стенке и он наконец понял серьёзность своего положения. – Прямо без ножа ведь меня режете! Может, хоть на пару часов выйдешь, пока я подмену найду?

– Извините, вас совсем не слышно, что-то со связью! – Варя повесила трубку и включила режим полёта. Пусть ду-

мает, что «вне зоны доступа».

Ей было совсем не жалко бросать его на произвол судьбы. Дмитрий Валентинович был типичным представителем двух десятилетий перегнивания эпохи первоначального накопления капитала во что-то качественно иное. Того периода, когда бабочка вылупилась из кокона, но ещё не расправила крылья и выглядит каким-то неуклюжим, отталкивающим, жадным, глупым и мерзким существом, которое должно преодолеть.

Варвара давно подумывала искать другого места, но только настоящего и надёжного, чтоб не променять шило на мыло, потому что в других организациях, по слухам, творилось примерно это же самое. Месяц назад она разместила в интернете своё резюме – ей постоянно звонили из лохотронов и таких же шаражкиных контор, но серьёзных предложений не было. На случай, если такое предложение всё же будет, она по тихой грусти забрала с работы медицинскую книжку.

Нужно было предупредить родителей, что они с Кириллом не приедут. Ехать одной и признаваться в том, что она нашла себе на голову такого придурка, было стыдно. Она позвонила маме:

– Здравствуй!

– Привет! Уже едете?

– Слушай, у меня на работе аврал – Аня заболела, а поменяться некем. Может, мы потом заедем, на следующих выходных?

– Конечно, как хочешь...

Мама вздохнула, набирая побольше воздуха в лёгкие, чтобы скороговоркой выговорить:

– Тебе на работе миллионы что ли платят? Может, ты не роллы ляпаешь, а в медицинский пошла, как твоя бабушка, и от того, что тебя не будет на работе, погибнут десятки людей? Нет, вы только посмотрите на неё! Вступительные на дизайнера провалила и пошла работать поваром. Временно. Ага! Который уже год-то пошёл!? Ну, не поедят бездельники роллов – глядишь, не вымрут. А отец тебя уже полгода не видел. Полгода!

– Ну чего ты опять начинаешь? Всю жизнь теперь меня попрекать будешь?

– С весны ведь у нас не была, всё на работу пеняешь – то в отпуске кто, то заболел... Может, кредит у тебя, ипотека?

– Да нет мама, что ты. Не люблю я в долг брать.

– Тогда почему ты не можешь в свой выходной сама собой распорядиться?

– Да всё я могу, просто не хочу Аню подводить, – сказала Варя и тут же осеклась.

– Ну, Аня-то тебя подводить не стесняется, – вспомнила мама рассказы об Ане. – В тот раз ты за неё выходила, а потом обратку от неё месяц ждала. И ещё потом, когда та, другая истеричка «увольнялась», а ты неделю без выходных...

– Ну, всё же человек живой, да и сгоряча я тебе тогда нагородила...

– Живой человек, говоришь? – мама замолчала, как будто готовящийся к разбегу прыгун с шестом примеряется к препятствию. – Это у твоего оболтуса опять не слава богу, да? Пьяный опять? Где ты только откопала этого Кирилла, я всё понять-то не могу? Вот Витька-то какой парень был, чего ты тогда...

Пока мамина артиллерия била в молоко, Варя не принимала её слова близко к сердцу, но теперь, когда она попала в точку, в самый нерв, стало очень обидно:

– Что ты ко мне придираешься? Поругаться хочешь, да? Сказала, что не могу, значит, не могу! Сказала, что потом, значит, потом!

– Ох... Ну, хорошо, что ты, огненная такая? – голос матери стал нежным, как когда-то давным-давно в детстве. – Тогда будем вас потом ждать. И можешь без лодыря своего приезжать, не стесняйся. Его нам не больно-то надо!

Варя ничего не ответила, просто положила трубку.

Она вышла на балкон, на утеплённую лоджию с огромным светлым окном. Справа, через дорогу от дома, был виден следственный изолятор – серое здание с серым кирпичным забором, за которым иногда было видно одетых в серую униформу людей с автоматами и собаками. Справа огромными бочками с трубами, цистернами с антеннами и разномастными ангарами на пригорке громоздился пивзавод. Между пивзаводом и изолятором, под самыми окнами, стояли домики с самыми разными крышами: острыми, покатыми, плоскими. Некоторые крыши были покрыты черепицей, большин-

ство укрылось профлистом, а иные оцинковкой. Встречался и шифер с рубероидом. Крыши были блестящими, бордовыми, зелёными: цвета мха, цвета листвы, цвета мяты. Были крыши цвета морской волны и цвета красного вина. Встречались и ржавые, а некоторые просто чёрные. Каждый месяц прибывало крыш сгоревших, провалившихся. Сразу за домиками была насыпь, на которой была железная дорога, по которой из Москвы ехали поезда в Ижевск, Екатеринбург и Пермь, в Новый Уренгой, Тюмень, Красноярск, Иркутск и Владивосток. Обрато в Москву из этих городов люди тоже ехали под окнами Варвары. За железнодорожной насыпью была промзона с гаражами, за промзоной ютились деревенские домики, а за домиками, уже почти на горизонте, виднелись такие же новостройки, вроде той, в которой жила Варя.

И так ей стало грустно, томительно тревожно от своей неприкаянной ненужности и бессильной тревоги от того, что перед ней всё такое разное, но при этом одинаковое. Что все её обманывают, никто её не любит и не жалеет. Она вспомнила дедовскую молитву: «Господи Иисус Христос, Никола-угодник! Фрола и Лавра, господи Иисус Христос – помилуй и спаси нас! Положи, боже, камушком, подними калачиком». Прочитав её, стало спокойнее и она поняла, что хочет горячего чаю.

Варвара включила электрочайник, а когда тот вскипел, заварила чёрный чай с бергамотом в фарфоровой кружке с

крышечкой. Японцы считали, что если ты попал в беду, например, под проливной дождь, то нету смысла суетиться – вымокнешь до нитки в любом случае, но если пойдёшь спокойно, то хотя бы сохранишь достоинство. Что делать теперь, она не знала. Значит, буду пить чай и будь, что будет.

Прошло пять минут и душистый чай заварился. В дверь позвонили. На пороге стояла Юля – дружившая с Варей задумчивая девочка тринадцати лет. Надо сказать, что Юля своего имени не любила и обещала поменять его, как только получит паспорт. Требовала, чтобы её звали Светланой.

– Здравствуй, Варя! Ты сейчас не занята? – требовательно, без права на отказ, спросила Света.

– Нет, именно сегодня я более, чем свободна.

– Помнишь, ты обещала научить меня готовить роллы?

– Да, помню...

– Сможешь сейчас показать?

– Но у меня ни риса, ни продуктов.

– Я всё купила. И рис, и сыр, и рыбу, и огурцы... Скоро папа придет, а я его даже не накормлю!

Папу Светланы звали Леонидом и он был мастер на все руки, всё умел: мог вбить в стену гвоздь, мог покрыть крышу рубероидом, мог вкопать столб для забора, мог пилить брёвна двуручной пилой, умел копать канавы и разбирать старые сараи. Чистил свечи зажигания у мопеда, выкладывал из кирпича угол гаража и этот гараж потом даже стоял и ничего с ним не делалось. Понимал в кладке срубов, но, глав-

ное, среди своих друзей и знакомых он считался большим специалистом заложить за воротник – благодаря этому навыку судьба однажды научила его подметать в обязательном порядке улицы: пьяный Лёня был буйный. Он был разнорабочим и, когда не мог найти работы в городе, ездил на вахты, с которых обычно ничего не привозил. Хорошо, что в семье всем заведовала его мать, бабушка Светы. Бабушка была женщиной авторитетной и влиятельной, но терпеливой: заботы о доме и воспитании внучки лежали на ней. К этому она относилось с напускной неохотой, но тайной гордостью.

– А нори у тебя есть?

– Да, целая пачка!

– Тогда всё в порядке! Ты когда готовить хочешь?

– Если можно, то лучше прямо сейчас – бабушка уехала к подруге, кухня в нашем распоряжении.

– Тогда пошли, чего зря время терять?

Варвара как была, в халате и сланцах, так и ушла. Они спустились на лифте на шестой этаж, вошли в квартиру, где жила Света и отправились на кухню.

Света действительно подготовилась основательно и выставила на стол продукты, хвастаясь своей предусмотрительностью. Варвара внимательно осмотрела припасы, что-то прикинула и одобрительно хмыкнула:

– Молодец! Порядочек! В чём будем готовить рис – в кастрюле или есть мультиварка?

– Мультиварка есть, только её с антресолей достать надо –

бабушка в ней готовить не любит, поэтому она там пылится без дела.

Варя кивнула и Света принесла мультиварку, протёрла запылившуюся крышку тряпочкой.

– В мультиварке варить лучше – всегда можно точно рассчитать пропорцию, а то в кастрюле он или недоварится, или переварится, при этом обязательно пригорит... Ой, а у тебя уксус есть?

– Нету... А надо? – лицо Светы побледнело.

– Надо, чтобы приготовить соус для риса, сушизу. Если нет, то я сейчас схожу, у меня дома есть.

– А уксус надо какой-то особенный? – с надеждой спросила скучившаяся Света, резко ринувшаяся в шкафчик, где у бабушки хранилось растительное масло, макароны, крахмал и прочая бакалея.

– Лучше, конечно, рисовый. Бальзамический или солодовый не подойдут, потому что...

– А яблочный как? – протянула в дрожащих руках бутылочку Света.

– Подойдёт.

С хрупких плеч Светы упала глыба и ей вернулась чуть высокомерное выражение лица. Всё у неё есть. Хозяйка!

– Так, давай мы с тобой сперва поставим вариться рис, хорошо? Смотри, мы сейчас достанем чашу эту из мультиварки и поставим на весы... Так, нам ведь с тобой надо приготовить совсем чуть-чуть, только для тренировки, правильно

понимаю?

– Да, наверно.

– Хорошо. Совсем мало не положишь, потому что пригорит... Тогда берём буквально вот, сто пятьдесят грамм – лишнего остаться не должно: хватит и мне, чтобы тебе показать, и тебе потренироваться потом. Значит, мы с тобой поставили на весы чашу и теперь насыпаем рис. Так, теперь пошли к раковине. Смотри, промывать рис надо тщательно чтобы убрать эту вот лишнюю крахмалистость. Сначала надо тщательно, но нежно перетирать рис между ладонями, вот так – Варя показала, а Света внимательно следила. – Видишь, вода становится молочной и даже немного вязкой. Потом можно просто гонять рис по ёмкости, меняя воду, пока та не станет чистой. Вот как раз до того состояния, которое стало у нас теперь.

Света недоверчиво посмотрела в чашу, присмотрелась и одобрила. Варя будто читала лекцию в училище:

– Теперь нальём воды. В разных рисоварках с разным рисом бывает по-разному, но обычно хватает пропорции один к одному, с ней не прогадаешь! Да и в любом случае, мы с тобой учимся. Рис должен получиться проваренным, но не потерявшим структуры, чтоб рисинка к рисинке: не каша, но при этом достаточно податливый, готовый принять любую форму по желанию сушиста. Должен получиться ролл, насыщенный воздухом, а не монолитный кирпич. Но и рыхлым он быть не должен – обязан выдерживать контакт с соевым

соусом и не разваливаться, – Варя налила воду из графина, а Света внимательно следила.

– Ладно, всё, – Варя протёрла чашу и включила мультиварку. – Минут сорок у нас есть, так что давай пока сварим сушизу.

– А зачем?

– Чтобы рис стал липучим и душистым, вкусным. Берём вот эту кастрюльку, туда сахара, соли и зальём всё уксусом. Ставим на плиту, перемешаем, чтобы сахар не остался на дне, и включим плиту. Мы с тобой будем аккуратно помешивать до того момента, пока сахар и соль полностью не растворятся. Нельзя, чтобы соус закипел, тогда получится сиропчик, а не сушиза, – Варвара была явно довольна тем, как у неё получалось.

– Чтобы особо тебе голову не морочить, я научу тебя простым роллам, классическим. Хорошо?

– Да, я сама такие даже больше люблю. Они одинаковые, но разные – загадочные. Как коробка конфет.

– Тогда смотри. Берём циновку, макису, и кладём на неё половинку листа нори. Рис выкладываем так, чтобы сверху осталась полосочка нори примерно в сантиметр шириной. Теперь на рис выкладываем огурчик ровной полосой. Огурец лучше нашинковать потоньше – тогда он будет легко жеваться и оставлять за собой свежесть. Вот... Теперь мы сворачиваем такую колбаску, рулетик, чтобы оставленная нами полоска осталась торчать. Теперь мы этот кусочек смачива-

ем водой и докручиваем ролл... Вот так! – Варя провела по бамбуковому ребру циновки указательными пальцами, придерживая боковые грани большим и средним пальцами. Развернула циновку – на доске лежал геометрически ровный ролл. – Теперь ты попробуй!

Света старалась, у неё получилось очень порядочно для первого раза. Роллы порезали, положили на тарелочку. Света довольно смотрела:

– У нас осталось риса ещё примерно на два ролла, да?

– Да, где-то так.

– Тогда давай их тоже искрутим! Покажешь, как делать треугольные роллы?

– Давай, конечно, покажу. Там ничего сложного. Просто макису складываешь не квадратом, а треугольником.

– Всё так просто? Я думала, там целая наука!

– Не боги горшки обжигают.

Треугольные роллы тоже порезали, положили на тарелочку к квадратным. Варя засобирилась:

– Ну, давай тогда, я пойду...

– Нет уж! Давай теперь чай пить! – Света схватила и потянула Варю за рукав так, что халат полностью распахнулся. Варя смутилась, а Света восхищённо и завистливо проводила взглядом скрывшуюся во фланелевых объятиях безукоризненную фигуру.

– Может, ты лучше перед бабушкой похвастаешься? – Варя крепко и надёжно завязала пояс халата.

– Она роллы не любит. Говорит, что это всё глупости. Так что всё равно не оценит. Давай их с чаем съедим!?

Варя вспомнила, что так и оставила на столе чашку со своим чаем с бергамотом:

– Давай!

Посидели и как будто ни о чём поболтали. Света рассказала, что хочет стать или орнитологом, или культурологом, потому что очень любит птиц. Рассказала о том, что папа прогнал её ворона в окно, когда тот расхулиганился... Она уже собиралась отдать птицу кому-нибудь в хорошие и надёжные руки, потому что не справлялась с воспитанием, но тут подоспел «заботливый» папа, который боялся, как бы ворон девочку не клюнул. На Новый Год она хочет выпросить у родителя сову. Что, говорит, я за Светлана без совы?

Близилось время обеда, скоро должна была прийти бабушка, и Варя пошла домой. На столе её ждал остывший и бесповоротно горький чай, но выливать его почему-то стало жалко и она поставила его греться в микроволновку. Варя включила ноутбук, проверила социалки, проверила почту – везде тишина. В поисковике выскочил баннер с рекламой гостеров, корпусом которым служил пенёк. На фотографии пеньки выглядели натурально – берёзовые, еловые, дубовые, сосновые, ясеневые. Смотрелось это очень естественно и оригинально, но стоило дорого. Да и для дома это громоздко, но вот если поставить такой в кафе, на виду у гостей – наверное, это будет неплохо смотреться, когда друг – р-

р-раз! и из деревяшки выпрыгивают два поджаристых куска хлеба. Можно ещё подумать о том, чтобы какое-то благовоение курилось тут же....

От мыслей отвлёк звонок. Незнакомый номер. Сначала Варвара не хотела брать, но после четвёртого гудка всё же подняла трубку:

– Алло?

– Василевская Варвара Романовна?

– Точно так. С кем честь имею?

– Здравствуйте! Меня зовут Николай. Вас беспокоит предприятие «Северное сияние-Собь». Мы открываем ресторан в горнолыжном курорте рядом с городом Харп. Это Ямало-Ненецкий автономный округ, за Полярным Кругом. Мы – дочернее предприятие всем известного крупного холдинга. Вы ещё рассматриваете возможность вахтовой работы?

Холодок восторга, какой-то тихой и пронзительной радости пощекотал сердце Вари:

– Да, конечно же рассматриваю.

– Тогда будем рады увидеть Вас в нашем офисе, там я расскажу Вам об условиях, графике и прочих деталях. Но если Вас всё устроит, то вам лучше поспешить – выехать в Харп надо будет уже завтра. У вас есть медицинская книжка?

– Да, на руках. Ещё полгода годна.

– Это прекрасно!

Из офиса «Северного сияния» счастливая и полная надежд Варвара вернулась с билетом до Харпа и договором на два месяца работы за очень порядочные деньги.

Нужно было что-то решать с квартирной хозяйкой. Номер домовладелицы не отвечал, её сын тоже не брал трубку. Тогда Варя оставила записку в дверях : «Я уехала на вахту! Плату за квартиру внесу своевременно, не беспокойтесь. С уважением, Варвара».

Варя вспомнила сегодняшние телефонные разговоры и подумала, что там, на Севере, они ей такие не нужны. Она выключила смартфон и положила его на стол.

20.12. 201... года. Киров-Харп

Варя выехала из Кирова в Сыктывкар на маршрутном такси, чтобы успеть потом пересесть на поезд в Микуне. Пока машина ехала по привычным кировским улицам, с их рекламными транспарантами, пробками, светофорами, колдобинами и прочей обрыдлой повседневностью, Варвара привычно смотрела вокруг, как будто ехала куда-то по делам, а не начинала путешествие в полторы тысячи километров. Всю серьёзность происходящего она осознала, когда машина перевалила по новому мосту через Вятку и оказалась в каком-то максимально расширившемся, но при этом смехотворно узком пространстве, с иными физическими законами, когда ты уже не «здесь», но ещё и не «там». В этом растя-

нутом по прямой «тут» мир как будто бы сужался до ширины дороги, становился прямолинейным и понятным, неизменным при непрерывных деформациях. Все сворачивалось в маленькую точку за горизонтом, будто в глядящий прямо на неё страшный и бесчеловечный зрачок. Хорошо, что из водительского радио играла простая и залихватская музыка: своей раздражающей похабностью она почти вернула Варю в привычную систему координат и за оставшиеся три часа пути её редко отвлекали замкнутые сами на себе множественные пространства на плоскости с переменным углом отражения. Так и доехала до Сыктывкара.

Все маленькие города похожи друг на друга, даже если эти города – областные центры. Сыктывкар был очень похож на Киров и Варе даже почудилось, что она просто приехала в какой-то новый район своего родного города – такие же дома, такие же магазины, такие же школы, больницы, площади... Всё было привычно, как перебраться из одной своей футболки в другую – одинаковый воротник, одинаковые рукава и даже самая длинная улица города называлась, как и в Кирове, Октябрьским проспектом.

Варя вышла на автовокзале только для того, чтобы пересечь в другую маршрутку и поехать в ней до железнодорожной станции. Мимо неё проносился всё тот же волшебный единый пейзаж без разрывов, складок и склеек. Мир настоящей, но непривычной неевклидовой геометрии.

Микуньский железнодорожный вокзал внутри выглядел

декорацией для чёрно-белого фильма эпохи Оттепели – какой-то очень простой, неказистый, обшарпанный даже, но уютный и благостный. О том, что Варя всё ещё находится в своем времени, свидетельствовали лишь яркие глянцевые упаковки лекарств за стеклом аптечного киоска.

Поезд «Полярная стрела» прибыл по расписанию. Варя заняла своё нижнее боковое место в плацкартном вагоне и сразу уснула.

Ей приснилось, будто она тоже едет в поезде, но за окном осень, а она почему-то одета в тельняшку. В руках у неё книга советского издания в ледериновом переплёте. От неё поему-то пахнет сигаретами. Она сидит спиной к голове поезда, а перед ней, тоже на боковой нижней полке, едет мужчина. Не сказать, что молодой, но точно не старый. Точно не худой, но и не чрезмерно толстый. Не красавец, однако же и не дурной наружности. Приятный, но почему-то очень грустный, потерянный какой-то. Варваре почему-то очень хочется ему помочь, посоветовать нечто очень важное, что могло бы изменить судьбу...

Варе точно что-то снилось дальше. Что-то про залитый светом фонаря ночной перрон, но она не смогла ничего вспомнить. Поезд тряхнуло и Варю бесцеремонно выдернуло из объятий сна. За окном расправил освещённые закатным солнцем могучие плечи Полярный Урал. Он поднимался над привычными елями, пустынными полями, асфальто-

выми дорогами и неспешно текущими реками, превращая обыденный российский железнодорожный пейзаж во что-то эпохальное. Как пришедшая в жизнь сказка, как сон наяву, как исполнение самого сокровенного.

«Быть может, за стеной Урала

Укроюсь...» – прошептала Варя и подумала, что здесь, под сенью древних и великих гор, она сможет не только укрыться, но ещё и разделить жизнь на «до» и «после». Как и Урал делит материк на Европу и Азию. Варя снова уснула и решила спать до самого Харпа. Отоспаться впрок, с запасом перед двумя месяцами ежедневной вахты.

21.12.201... года. Харп.

Выйдя из поезда на морозный и промозглый перрон станции, Варя сразу увидела идущего к ней навстречу среднего роста крепкого мужчину лет сорока с огненно-рыжей бородой и усами. Голова его была коротко стрижена. Мужчина был одет в чёрное пальто, прихрамывал на левую ногу и широко улыбался:

– Варвара Романовна?

– Да, здравствуйте.

– А я Вас уже заждался! Меня зовут Григорий, я из «Северного сияния». Пойдёмте в машину, а то прохладно.

Григорий угодливо взял у Вари большую сумку и пошёл вперёд, к японской машине, которая стояла метрах в ста от вокзала. Наверное, хотел продемонстрировать свою лихость.

– Я сейчас отвезу Вас в хостел, там вы переночуете и познакомитесь с Сергеем Александровичем – он будет работать с Вами на кухне, опытный повар. А завтра с утра я отвезу вас уже непосредственно в туристический комплекс, в ресторане которого вам предстоит поставить высокую кухню!

Он улыбнулся, глядя на Варю добрыми глазами.

– А вы там тоже будете работать?

– Да.

– А кем?

– Пока что этот вопрос решается, поэтому не хочу забегать вперёд – собрание бенефициаров этой негодии как раз теперь происходит для вынесения окончательного вердикта, – было видно, что в таком тоне Григорию вести беседу неудобно, но он старался изо всех сил. – Я буду кем-то вроде привратника. Не то, что дворецкий или придверник... Пожалуй, лучше всего считать меня завхозом, – и он снова улыбнулся Варе широкой улыбкой.

Он помог занести Варе вещи до её номера в хостеле, в гостинице, которая была больше похожа на переоборудованную из библиотеки большую коммунальную квартиру. Тут была и большая общая кухня с телевизором, и два туалета в концах коридора, и душевая. Варя решила, что сразу пойдёт туда, как только выпьет чаю и познакомится с Сергеем Александровичем.

Тот сидел на кухне за столом и пил кофе. Среднего роста,

за пятьдесят, плотного телосложения, с залысиной на голове, похожей на ту, какие бывают у католических священники. Его лицо было гладко выбрито, губы сжаты под крупным носом. С густыми бровями и глазами, полными усталой тоски, которые при виде Варвары блеснули озорным огоньком:

– Здравствуй! Это ты Варвара, да?

– Да, – Варваре не понравилось это «ты» с первой минуты знакомств, она решила отплатить этой же монетой. – А ты Сергей Саныч?

Неизвестно почему, может быть именно из-за этого «ты», Саныч довольно зажмурился:

– Да, меня так зовут. Я буду горячим цехом заниматься. Слушай, может быть ты в курсе, сколько у нас гостей за день будет?

– Мне в офисе объяснили, что мы с тобой будем кормить постояльцев отеля – шведский стол «завтрак-обед-ужин» и обеды для персонала. Предполагают, что персон на тридцать – тридцать пять. Но в детали не посвятили.

– Понятно. Значит, сами пока этих деталей не знают, всё заседают. Я тут, кстати, уже третий день кукую, а они там что-то всё решают. При этом говорят, что кастелянша и инженер-техник приедут только на следующей неделе. Что мы там с тобой вдвоём будем делать? По пустой кухне слонов слонять?

– У меня вахта со вчерашнего дня считается, так что пусть солдат спит, а служба идёт. В принципе, я не против.

– Тоже верно, – Саныч собрал руки в замок на животе. – Ты ведь тут по договору? Там вся сумма прописана?

– Да. Прописано всё, что обещали.

– Это хорошо, это правильно, – Саныч убрал руки с живота и одной облокотился о стол, а другую упёр в подлокотник стула. – Пару лет назад дело было, я тогда в Сабетте работал. Там рабочим просто объявили, что зарплаты не будет. За оба месяца, которые мужики полностью отпахали, им выплатят только то, что в договоре, а в договоре минималка плюс северная надбавка. Всё. А они вахтовики опытные и по дороге в поезде больше пропивать привыкли.

Варвара налила себе кофе, села на стул напротив Саныча. Размешивала сахар, слушала.

– Так вот. Один сварщик, у которого два кредита и ипотека, сказал, что ему деваться некуда и без денег он домой всё равно вернуться не может. Он утром залез на буровую вышку, повесил транспарант «верните деньги!» и заперся. Погода стояла хорошая, оттепель как по заказу, так что он там бог знает сколько просидеть может. Месторождение большое, много разных контор работает, посторонних людей уйма, поэтому испугалось руководство, уж не знаю как, но договорилось с этим сварщиком и он слез. Из всей бригады с полноценной зарплатой он один домой уехал, остальные остались с минималкой. Вот, – Саныч отхлебнул из чашки. – Зато после этого к вышкам подходить имеют право только монтажники и только вместе с мастером. Так что если кто в

другой раз туда полезет, то ему сразу штраф в сто пятьдесят кособоких, как раз обычная ставка за двухмесячную вахту.

И это не только на том участке было – тогда многих на деньги кинули. Иуда продал Христа за тридцать серебряников, а эти паразиты выручили миллиона три. Ладно хоть меня пронесло, я работал на другую организацию и с нами нормально рассчитались.

В телевизоре показали машины с включенными мигалками, какие-то люди в костюмах со светоотражающими полосками деловито и споро тащили непонятный шланг из одного канализационного колодца в другой. Корпулентный мужчина в серой шапке-ушанке с кокардой и кожаной куртке с погонами полковника размахивали руками и что-то разъяснял столпившейся у ограждений толпе озабоченных граждан. По телевизору ведущая тревожным голосом зачитывала:

«На юго-западе Москвы произошло крупное ЧП – прорвало трубы водоснабжения. Вода затопила проезжую часть, в результате чего на дороге и прилегающей парковке образовалась наледь площадью около шестидесяти метров. Подача воды была перекрыта, сотрудники ГИБДД остановили движение транспорта, в результате чего многие не смогли попасть на работу. Некоторые автовладельцы не смогли даже завести двигатели. По предварительной информации, прорыв трубы произошел в связи с изношенностью коммуникаций. Коммунальные службы уже приступили к ремонтным работам... »

– Нет, видела? Про то, как у них там трубу прорвало, показывают на всю страну, а что пол-Ямала с зарплатой наебали...

Варя допила свой кофе и вышла с кухни, оставив Саныча наедине с телевизором.

Гостиничный душ был похож на душевую в бассейне – поразительной глубины бирюзовая плитка на стенах и матово жемчужная на полу. Только кабинки тут были с дверками и закрывались, потому что душевая комната была общей. Унисекс. Внутри кабинки было просторно, поэтому Варя заперлась внутри, положила принадлежности для мытья на полочку и повесила бельё на крючок. Поверх белья накинула синее мохнатое полотенце.

Душевые лейки были вмонтированы в стену и сразу было сложно подобрать нужную температуру – сначала Варю облило ледяной водой, а когда она чуть-чуть повернула вентиль, сверху полился чуть ли не чистый кипяток. Она ещё раз повернула вентиль, боязливо вжалась в угол кабинки, где на неё попали бы только единичные капли, вытянула руку и на цыпочках включила душ. Из лейки душа полилась вода комфортной температуры. Варя встала по струю воды, чтобы вымокнуть полностью – от макушки и до пяток. Потом она налила в ладошку шампуня и нанесла на волосы, помассировала и тот удивительно хорошо вспенился нежным об-

лаком. Пришлось даже смахнуть немного пены, чтобы та не попадала в глаза. Затем Варя намочила мочалку с гелем для душа водой – тот тоже на удивление пышно вспенился и Варя подумала, что, наверное, дело тут в том, что текущая по трубам ямальская вода очень мягкая, не такая жёсткая, как в Кирове.

Вода текла по Вариной шее, плечам, между изящными лопатками и задерживалась в надключичных впадинах, как многочисленные озёра Ямала, которые из своих протоков образовывали разветвлённую систему рек, питавших Обскую губу – самый большой залив Карского моря. Ввиду активной человеческой деятельности, все водоёмы так или иначе способствуют миграции загрязнений в Обь, которая в конечном счёте выносит их в Обскую губу, питая беспокойную поверхность залива.

Линия водораздела Оби и Печоры проходит по Полярному Уралу. Немного ниже верхнего течения находятся две вершины, стремящиеся своими восторженными острыми пиками вверх, радующие своей идеально формой взгляд счастливец, которому довелось их видеть в первозданном виде. Они будят в душе страждущего надежду, восторг и трепет от созерцания этого чуда поистине русской природы.

Но путник опустит голову с заломленной на затылок шапкой и продолжит путь по лежащей у подножья равнинной долине. Её упругий, но нежный рельеф из-за сурового климата, имеет термокарстовое происхождение и обусловлен

мелким залеганием вечной мерзлоты. Поэтому Варя долго тёрла мочалкой живот – не потому, что он был каким-то особенно грязным, просто он замёрз.

Если посмотреть на Полярный Урал из космоса, то можно поразиться технически безупречным пропорциям и элегантностью силуэта. Там, где река Обь образует Обскую Губу, на крутых берегах ярко выражены зоны с меняющейся скудной, но волнующей растительностью. В местах, разделённых заманчивыми устьями, человеческая деятельность исторически более тщательная и полнокровная, обусловленная особенностями и спецификой уникального ландшафта со всеми томительными неровностями, удивительными бугорками и вождеденными впадинами. Неожиданно на правом бедре Варя обнаружила непонятно откуда взявшийся синяк – наверное, ударилась в поезде о полку, когда тащила чемодан по узкому проходу.

Долина реки Соби делит Полярный Урал на две гармоничные и грациозные части. Протяжённость Уральского хребта в целом составляет более двух тысяч шестисот километров, тем больше сужаются шелковистые отроги, чтобы перейти в оренбургские степи. Разного рода знатоки утверждают, что за океаном можно найти более протяжённые горные системы. Тут мы не возьмёмся утверждать, но с полной ответственностью заявляем, что в Европе ни французские Альпы, ни испанские Пиренеи, ни итальянские Апеннины, ни немецкие Арденны, ни братские Карпаты с Балканами рядом

не стоят с грандиозными склонами нашего Урала. Южный Урал представляет интерес для многих альпинистов, уделявших в своих тренировках особое внимание растяжке мышц, суставов и сухожилий, потому что неподготовленными ногами, с узкими и изящными, фарфоровыми ступнями этих маршрутов не одолеть. Варя пожалела, что не взяла с собой пемзу и нечем было поскоблить распаренные пяточки.

Пена, почти полностью покрывшая поверхность Вариного тела, свою загадочность только подчеркивала его прелесть. Варя стала смывать с себя пену. Та уходила нехотя и смывать её пришлось намного дольше, чем обычно, но до того было приятно нежиться в ласковых объятиях и ощущать пальцами эту бархатистую гладкость, что воды было не жалко. Крупные капли застыли на шёлковых склонах упруго согнутой спины. Она расправила плечи и капли медленно скатились вниз.

Варя насухо вытерлась полотенцем, замотала им волосы, оделась и пошла в свой номер.

Подходило время обеда и Варя снова пошла на общую для постояльцев гостиницы кухню. За столом снова сидел Сергей Саныч и деловито чистил варёные яйца.

– Вот ты, наверное, думаешь – этакий балабол тут перед тобой сидит, что сперва про Север страшные истории рассказывает, а потом сам же тут рестораны открывает.

– Ничего такого я не подумала. Всякое бывает. Нужда научит есть калачи и лежать на холодной печи.

– Это ты верно говоришь, не поспоришь. Но после того случая я зарёкся и решил, что в Средней полосе зарплаты, в принципе, не сильно ниже, зато под условным Ярославлем не так страшно без рубля в кармане остаться, как на Паюте. Пошукал, посмотрел и попал в контору, которая трубопроводами занималась. В обязанности там входило не только работяг кормить, но и покупать продукты. Сперва меня это напрягло, но потом я понял, с какого боку подходить надо.

Вот, к примеру, на Севере с пьяницами борются и в открытую особо не запьёшь, то там у меня вся бригада – сплошные алкоголики. Даже напарник мой, второй повар, непьющего меня терпеть не смог, и через неделю ушёл жить в вагончик к алкашам, а ещё через неделю вообще сбежал куда-то, – Сергей макнул варёное яйцо в солонку и целиком положил себе в рот. Почти не жуя, проглотил и хлопнул руками, чтобы стряхнуть на пол крошки.

– Ох, и напарнички там были – только держись! И наркоманы, и психопаты... Зато начальство через это меня только больше ценило. Но дело не в этом, – он налил кипятка в кружку, где уже лежал чайный пакетик. – Понимаешь, алкашей кормить – самое лучшее дело! Алкаш на завтрак не пойдёт, потому что он утром с бодуна и ему бы похмелиться, а твоя каша с омлетом ему не нужна: он с утра из бочки дождевой воды напился, потом проблевался, обосрался и у него в брюхе так бурлит, что он и в обед ничего жрать не станет. Разве что на ужин придёт чего-нибудь на закуску утащить. Но

на ужин приходили только те, кто ещё на ногах стоять может. И вся бригада такая поголовно, кроме мастеров.

– Как же они работали, если пили беспробудно? – Варя подула на ложку с горячим супом, потом понюхала и снова подула.

– В том и дело, что мастерам с такими упырями и вурдалаками работать даже удобнее: трезвого и путного ты не заставишь иное что делать, а алкаша можно припугнуть, что за пьянство уволят – тогда он тебе в любое болото вверх ногами без сапог ползет! И никаких производственных травм, потому что если алкоголь в крови – значит, сам режим нарушил, а с начальства взятки гладки. При этом алкаши сами рады работать там, где им пить разрешают! Взаимовыгодное сотрудничество получается, симбиоз – две пиявки друг из друга сосут! – Саныч радостно хлопнул в ладоши.

– А моя выгода была в том, что я карман клал втрое больше, чем зарабатывал. То есть я сначала им, как путёвым, готовил всё по карточкам, по раскладкам и порциям. Но выкинул половину обеда один раз, потом другой, потом третий и понял, что так много готовить вовсе не нужно! А деньги на продукты брал, само собою, те, что и были положены. Потом опять же у меня опыт: тогда ещё всех этих стейк-хаусов не было и я говяжьё щёки покупал как субпродукт по бросовой цене. Просто варил всю ночь, за электричество ведь не мне платить! И получалось очень вкусно. Бульон я им понятно, что не на бёдрах куриных варил, но брал-то как за бёдра! В

итоге за три вахты себе Октавию купил и ипотеку закрыл, а ещё через две вахты в свободное плавание двинул – мы с дружкой открыли производство колбасы. Правда, месяц назад дружок меня киданул... Ну и вот, я здесь! За первую соломинку ухватился – уж не до жира было. И договор я смотрел, чтоб грамотный был.

Варвара доела суп, пожелала Сергею Санычу спокойной ночи и пошла в свой номер. Засыпая, Варя радовалась, что теперь-то она тут, на Севере, отдохнёт от всех своих кировских паразитов, что все они от неё отвалятся, как клещи от лошади, и, вернувшись, она всех пошлёт и будет жить так, как захочет. Но перед этим надо пройти через два месяца сумрака, холода, пронзительного ветра...

22. 12. 201... года. Харп – Микунь.

Утром, когда Варвара и Сергей Александрович завтракали, приехал Григорий. Он сел на свободный стул и с самым благожелательным и умиротворённым видом сказал:

– Варвара Романовна, Сергей Саныч! От себя лично и от общества с ограниченной ответственностью «Северное Сияние-Собь» вынужден принести Вам самые искренние извинения – в последний момент у нашего руководства в связи с международной конъюнктурой кардинально изменились планы. Проект горнолыжного комплекса с рестораном замораживается на неопределённое время. Разумеется, вам будет выплачена компенсация и дорога домой. Всё решилось

буквально пару часов назад. Компенсация поступит на ваши счета в течении трёх суток. Вот вам деньги на дорогу, впрочем, ими вы вольны распорядиться по своему усмотрению. Ещё раз прошу принять наши самые искренние извинения и заверение в том, что мы будем рады увидеть вас тогда, когда проекту всё же будет дан зелёный свет. Не зря ведь мы строили этот комплекс в уникальном месте, где горнолыжным спортом можно заниматься почти что круглый год! Уверяю, что этот Куршевель всё равно будет наш! Я верю, что рано или поздно, но тут будет туристский рай! Кстати, давайте я подвезу вас в Лабитнанги на вокзал – удачно, что до поезда как раз всего несколько часов. Заодно и проведу экскурсию, чтобы вы потом захотели сюда вернуться.

Вещи Варвары были ещё толком не распакованы, так что к переезду она была готова. Сергей Саныч тоже был готов сняться с места, но от новых обстоятельств опешил, растерялся и тогда, когда он наконец вышел из гостиницы, Варя уже давно сидела в машине и слушала лекцию Григория:

– ...это если говорить о добыче полезных ископаемых. Образовавшее Харп предприятие вы видите вот там – он указал рукой куда-то в сторону, пока Саныч грузил в багажник японского седана свои вещи. – Исправительная колония «Полярная сова»! Там сейчас отбывают свои пожизненные сроки самые отъявленные преступники – маньяки, убийцы, террористы. Просто Дантов ад, но без кругов – тут в кучу и предатели всех мастей, и зачинщики раздоров, и насильники

всех родов и свойств. А раз уж они тут все вместе, то и наказание им одно на всех – до конца жизни вмерзать в полярный лёд, – Григорий самозабвенно крутил руль и было видно, что его мысли сейчас точно не о курорте и не о страшных узниках сурового острога.

– Получается, первоначально появилась тут именно тюрьма, а потом уже всё остальное?

Слова Вари вернули рыжебородого придверника к реальности:

– Да, именно так. Сначала были зеки, которые строили сталинскую Полярную дорогу. Они обосновались и тут вырос обнесённый колючей проволокой посёлок вместе с железной дорогой, где, как говорят некоторые, каждая шпала стоила человеческой жизни.

Варвара посмотрела под бегущие параллельным курсом рельсы, в её глазах зарябило и она невольно сглотнула. Григорий продолжал:

– То, что люди тут умирали тысячами, отнюдь не выдумка – недавно случилось очень жаркое лето и вечная мерзлота оттаяла на тридцать сантиметров. Этого хватило, чтобы вспыхнула сибирская язва. Официальные источники утверждали, что это из-за скотомогильников. Кто-то винил в произошедшем хальмеры, древние ненецкие кладбища – ненцы ведь своих покойников не закапывают в землю, а в такой надземный ящик кладут... Когда приедем, я лучше покажу картинку, так будет сложно объяснить. Но в разгово-

рах по душам местные винят именно нашедших здесь свой конец зеков, с погребением которых не церемонились. Тем более, что с ними могли что угодно делать после того, как строительство закончилось и они стали не нужны – разные там прививки, опыты... Есть, конечно, совсем уж фантастические теории. Горячие головы уверяют, что если мерзлота будет таять дальше, то нам грозят болезни, которые в каменном веке выкашивали мамонтов, саблезубых тигров и гигантских оленей. Мол, мы пилим ветку, на которой сидим и, раскапывая недра земли, прошлое нашей планеты, чтобы обеспечить своё настоящее, человечество стучит молотком по ядерной бомбе и может лишиться себя будущего. Вместо того, чтобы колонизировать Марс или изобрести телепортацию, мы дружно ляжем в такую же мерзлоту из-за откопанного древнего вируса.

Тридцать километров в сумраке полярной ночи Варя вполуха слушала рассказ Григория, удобно расположившись на заднем сиденье. Ей было немного жалко, что она не пройдёт того пути, который уже себе наметила – она не станет готовить для улыбчивых, подтянутых горнолыжников роллы и сашими из настоящей северной рыбой, а не из перемороженной чилийской лабуды, с которой она имела дело в городе. Она не будет коротать за книгой долгие вечера, когда за окном бушует буран. Ей не покормить северного оленя свежим мякишем с раскрытой ладони. Поэтому как же она теперь вернётся в Киров суровой, могучей и радостной жен-

щиной, которой все тревоги и переживания прошлого покажутся мелкими недоразумениями? Как без этого двухмесячного покаяния ко спасению маятник наконец качнётся в правильную сторону? Только снег иногда искрился за окном, отражая своей поверхностью какую-то тихую северную надежду, которой нет нигде снаружи, но которая всегда есть где-то внутри.

Въехали в Лабытнанги. Автомобиль петлял пустыми мглистым улицами мимо бараков, привычных Варе по родным кировским окраинам, но только в Кирове окна иных бараков украшали наличники, а тут таких не было ни одного, зато стены домов казались втрое толще. Ехали мимо каких-то серых страшных стен с колючей проволокой – с другой стороны дороги раскинулась равнина, которая была скованной льдом и закрытой снегом Обью.

Как будто ото сна очнулся Саныч:

– Григорий Лукьяныч, при всём к вам уважении, но здесь, в вечной мерзлоте по соседству с террористами и людоедами перспективы курорта мне кажутся...

– Нет, вы не сомневайтесь – в конце концов, Санкт-Петербург тоже начался с крепости, которая потом два века была тюрьмой для самых отпетых... – Григорий махнул свободной рукой в сторону серых стен: – Это исправительная колония «Полярный медведь»! – гордо произнёс он, кивая головой в сторону стен. – Список её узников не такой впечатляющий, как у «Совы», но зато о ней пишут таблоиды по всему

миру. Вот ещё совсем недавно... Их ослепил встречный свет дальних фар. Григорий схватился обеими руками за руль, машина ушла в занос и резко затормозила, остановившись в считанных сантиметрах от занесённой сугробом обочины.

– Киркук тебе в Жанажол, горгон бангузийский! – рассвирепевший Григорий пытался одновременно расстегнуть ремень безопасности и открыть дверь, но ни то, ни другое сходу не удалось. Он запутался, запыхался от ярости, а когда наконец выскочил из машины, водителя красной трёхдверной Нивы, неизвестно откуда появившейся на перекрёстке, уже и след простыл.

– Привыкли тут на своих зимниках носиться, как олени дикие... Никакой культуры вождения! – Григорий вздохнул, сел обратно за руль и дальше машина спокойно доехала до здания вокзала, которое выделялось на фоне остальной застройки, как океанский лайнер среди лесосплавных барж. Маяк гордой цивилизации со всем её пафосом, лицемерием и самоуверенностью в этом угрюмом, укромном, но откровенном месте.

Тепло распрощались с Григорием, купили в кассе билеты – места оказались в разных вагонах и это заметно огорчило Сергея Саныча. До прихода «Полярной стрелы» оставалось двадцать минут.

Добровольная епитимья закончилась, так и не успев начаться. Варваре очень нравилось, что с каждым часом, каждой станцией за окном природа сгущалась, становилась силь-

нее и могучей, превращаясь из редких чахлых лабытнангских лиственниц в непролазные сысольские ельники.

Проходившие мимо мужчины о чём-то спорили:

– ...выкинули. Вот он денег украл, себя во всём правым считает и думает, что теперь он сильный?

– Ничего подобного! Я вас уверяю, что наши внуки будут смеяться над нами, как мы сейчас смеемся над печенегами, ведь...

23. 12. 201... года. Микунь – Киров.

Выйдя с поезда ранним утром в Микуне, Сергей Саныч довольно догнал Варю и воскликнул:

– Варюшка! Нам с тобой деньги пришли!

Из Микуня на такси доехали до Сыктывкара, а там без заминки пересели в машину до Кирова. Довольный Саныч всю дорогу травил байки. Рассказал о напарнике-наркомане, и о пятидесятилетней мойщице посуды, у которой не было отбоя от ухажёров, и про заведующую, которая чуть не отравила весь посёлок, и про алкаша экскаваторщика, угнавшего свою машину в тундру на двести километров и чудом там не замёрзшего. Больше всего Варе понравилась история, которую Саныч рассказал тогда, когда они уже проехали Юрью и за окном прямо чувствовался родной вятский дух:

«На Бованенкова дело было. Заканчивалась у меня вахта, в одиннадцать утра вертолёт. Я проснулся, значит, на улицу по делу собрался, а дверь открыть не могу! Ни в какую – ни

плечом, ни ногой! Я решил, что замок заело – до того плотно встала, но глянул в окно и просто обомлел. За ночь бураном сугроб до середины окна намело. И вот кто придумал, чтобы у балка двери наружу открывались, а? Не в Калифорнии ж работаем! Пришлось через окно вылезать с лопатой и самому себя снаружи откапывать – еле протиснулся в этой дубленке лешачей. В этой же, в которой сейчас! – Саныч хлопнул внешней стороной ладони по отвороту дублёнки, которая ему была велика и смотрелась свободно.

– Сам я выбрался, откопался, отдышался, и вспомнил, что в соседнем балке девчонки заперты! Повариха с двумя кухонками. Чуть не бегом бросился их выручать. Думал, они там уже с ума сошли. Рассчитывал, что они меня как героя встретят в кокошниках и с караваем. Откопал дверь, дёргаю за ручку – заперто! Они ещё дрыхли и не вставали!»

У кировского автовокзала Сергей Саныч очень нехотя простился с Варей:

– Жаль, что нам не удалось вместе поработать – по всему видать, что ты в деле ладная... Если что, вдруг какая помощь понадобится, так ты имей в виду, – и он протянул Варе сложенную вчетверо бумажку. Та пожала ему руку, посмотрела в глаза и улыбнулась.

Когда Варвара вернулась домой, то записка для квартирной хозяйки всё ещё была воткнута в дверь. Никто её не трогал, только что на дверной ручке появилась рекламная

брошюрка: «Шаурма – это роллы! Бургер – это пицца! Цезарь – это Наполеон! $2 + 2 = 5!$ » На брошюрке был изображён чёрно-белый мужчина с волосами дыбом, узкой полоской усов над верхней губой и насмешливо-добродушной улыбкой. Бредятина какая-то. Варя перевесила брошюрку на ручку соседней двери.

Телефон лежал на столе, даже не успел запылиться. Включила его и он завибрировал уведомлениями о сообщениях:

«Поступление средств в размере...» и

– Анна 13:37

«Привет! Я в инфекционке, у меня сальмонеллёз. Роспотреб закрыл кафе, завтра на работу не ходи – некуда!»

– Анна 17-41

«Я уже дома, так что напишу всё по порядку. Судя по тому, что мне Митька по телефону наговорил, дело было так. После того, как у меня подтвердился сальмонеллёз, врачи из Роспотребнадзора поехали в кафе и от наших условий обалдели. Предъявили, что доски деревянные, мойка неправильная и потолки низкие. От того, что у нас нету ни мясного, ни рыбного, ни горячего, ни холодного цехов, они обалдели, а от нашей морозилки они вообще выпали – вместе и чизкейки, и картошка, и рыба, и курица, и сыр. Так что до решения суда они просто помещение опечатали – сейчас бог знает, как будем вещи забирать!»

Димка наш от этого всего поехал – звонил, писал, чуть телефон не взорвался. Он сперва вопил, что во всём виновата

я и требовал, чтобы всё взяла на себя. Потом написал, что это ты подложила свинью, когда не сказала, что мойка не соответствует стандартам. Заявил, что обеих нас оштрафует за несоблюдение субординации и что зря он нас послушал, когда Максима увольнял (Что?!). В итоге позвонил и елейным голосом сказал, что точно знает, кто мне его заказал и что он этого просто так не оставит. Вот.»

– Анна 22-35

«Варя, ты где? Куда пропала?»

Больше никто за четыре дня никто не писал. Ну, ничего. Спасибо. Слава Богу.

Варвара набрала номер Дмитрия Витальевича – тот бросил трубку. Варя набрала снова, но телефон начальника был уже выключен. Значит, после праздников можно подумать о поиске новой работы.

Варя достала с полки запылившийся учебник академического рисунка. Стряхнула пыль с обложки и углубилась в чтение. Пока можно было только читать и смотреть, потому что карандаши она осенью отдала Свете, которая Юля. Ничего, утром откроются магазины.

Глава XIII

13.05.201... Киров. Утро.

Максим сидел и старательно писал что-то на бумаге. Буквы получались неуверенные – то излишне угловатые, то чрезмерно округлые. Поза Максима тоже казалась одновременно угловатой и округлой – всё потому, что писал он левой рукой. Неделю назад он прочитал где-то, что это очень полезное занятие, способствующие развитию правого полушария мозга. В статье утверждалось, что руки вообще главный инструмент для развития личности, а выходить из зоны комфорта жизненно необходимо. Особенно тем, кто ведёт сидячий образ жизни. Обещали, что можно развить интуицию и творческие способности, научиться параллельно обрабатывать много разной информации, улучшить координацию движений... Очень заманчиво, но если бы только это, то Максим забросил левописание давным-давно. Главным было то, что буквы получались такие, какие когда-то очень давно выводила рука мальчика Максимки – только тогда это была правая рука. Очень трогательно было чувствовать себя снова маленьким, когда было солнце, речка, ласточки, и манная каша с малиновым вареньем.

Максим теперь работал охранником и его служба заключалась в том, чтобы ничего не делать, но делать это с пре-

дельно настороженным и решительным видом.

Вдруг из кабинета, как паровоз из туннеля, вылетел Виктор Сергеевич:

– Макс, по коням! Зови Валеру – пусть драндулет заводит. Поедем сейчас, протрясём хорошенько мясокомбинат наш беспокойный. Их технолог уже забодал в доску – вторую неделю на мозги капает, Гаврилычем своим пугает. Съездим, посмотрим кто там у них колбасу нарезает .

Спустя пять минут все трое ехали по серо-прямолинейному району города мимо радостного фасада онкодиспансера, мимо весёлых елочек тубдиспансера и мимо развивающегося государственного флага над обшарпанным фасадом здания скорой помощи, притулившегося рядом с капитальными развалинами титанической стройки.

Свернули на трассу – слева поле, а справа из-за редких деревьев лесопосадки выглядывало садоводство:

– Прикинь, Макс! В 2005-ом мы с корешем хотели тут сад купить, чтобы в нём отдыхать от случая до случая: шашлык там, пиво... Тогда участок тыщи три стоил – копейки, но нас напрягла возня с документами на полгода. А в 2008-ом, до кризиса, одна грёбаная сотка тут уже стояла в девяносто косарей. Вот мы локти-то кусали... Да и сейчас здесь сотка идёт шестьдесят кусков, как минимум. Два сада – миллион!

Машина свернула на просёлочную дорогу, ещё минут десять колесила мимо покосившихся домиков полу-миллионеров, когда наконец добралась до здания колбасного заводи-

ка, расположенного в бывшей колхозной столовой.

Виктор Сергеевич вышел из машины, сощурился, оценил обстановку:

– Максим, твоя задача – обойти забор по периметру, а потом садись и смотри записи.

С периметром двухметрового забора из коричневого профнастила всё было в полном порядке – никаких дыр, отогнутых листов и подкопов. Даже трава нигде не примята. На всё это геометрическое образцово-показательное великолепие разбитыми фарами взирал остов трактора, проросший насквозь цветущей сиренью. На тракторе сидел ворон и чистил перья.

Записей с камеры видеонаблюдения, установленной над единственными воротами, было на целых два месяца, но за последние две недели, которые успел посмотреть Максим, все было просто донельзя однообразно – одни и те же люди приходили в одно и то же время и уходили в одно и то же время. Одни и те же машины приезжали и уезжали в одно и то же время. Менялась только погода, а ещё растаял снег и высохли лужи.

Вернулся Виктор Сергеевич, за ним стоял технолог. Громко, нарочито разухабисто начальник произнёс:

– Всё, ребята, харе. Вертаемся взад! Я со всех камер записи снял, теперь смотреть будем. Если расхититель где-то скрывается, то только там.

В машине Виктор, накинув сверху, но не пристегнув ре-

мень безопасности, хрустнул затёкшей шеей :

– Ну и лось этот технолог. Обошли с ним все помещения, все холодильники открыли, раздевалку прошерстили, контейнер мусорный перевернули – это ладно. Но потом этот клоун при мне открыл готовую к отправке машину, снял пломбу и мы с ним сорок минут взвешивали продукцию и проверяли соответствие. Знаешь, в чём прикол? Час назад эту машину под его же руководством загружали, он сам её пломбировал! Под конец этот непуть докопался до бухгалтерши, которая капусту тушёную с сосисками ела – воровкой объявил, скандал устроил, дипломом своим тряс, грозить уволился...тьфу ты! уволить грозился. Сошлись на том, что охранник на входе теперь будет вносимое отмечать стикером, а пока бухгалтерше – строгий выговор. Девка аж плакала.

Получается, что с нашей стороны всё чисто – скорее всего этот упырь тут сам что-то мутит, а Гаврилыч его припёк – вот и бегаёт, пятый угол ищет.

– А какие записи мы смотреть будем? Там же только одна камера?

– Камер там пять, но настоящая только одна, которая на въезде, а четыре остальных, которые внутри висят, – муляжи. Прежний хозяин прижимистый мужик был – навешал их для страха и прогнал телегу, что эти камеры прямо в наш офис выходят. А они и верят. Вот пусть и дальше верят, придурки. Поэтому никаких записей смотреть не надо. После-

завтра напишу этому технологу, что ничего подозрительного не выявлено – пусть думает, что кто-то двое суток безвылазно в экран пырился. Валера, можешь закурить, а? Провонял этой колбасой, до сих пор её запах в носу стоит – будто даже сильнее стал. Пусть лучше сигаретами тащит, чем этим «Шылкрафтом».

29.04.201... года. Производственный цех «Шилкрафта»

– Виталий, здравствуй!

– Здравствуй, Сергей Саныч.

– Слушай, на карту зарплата в пятницу упала, а конверта не было. Когда конверта ждать, не в курсе?

– Понимаешь, блин, тут такое дело... Времена сейчас тяжёлые, нестабильные и приходится потуже затянуть пояса. Несколько предприятий холдинга показали убыточную динамику в этом квартале, резко упали показатели волатильности... Короче, конверта не будет.

– В смысле – «не будет»? Не будет только в этом месяце?

– Эм... Скорее всего, конвертов больше совсем не будет.

Лицо Саныча застыло – шевелились только зрачки, которые медленно прошли из левого верхнего угла к правому нижнему, а потом резко встали ровно по центру:

– Да как так-то, ёперный театр!

– Саныч, ты давай, это... того!

– Чего ещё «того»! Без конверта это ведь не зарплата, это какая-то помощь гуманитарная – чтобы ноги не протянуть!

– Но это ведь всё равно выше, чем в среднем по области в этой отрасли...

– Ты анекдот про голубцы знаешь? А вот я знал, что не надо было тот новый договор грёбанный подписывать... «Без налогов будете больше получать на целых десять процентов!» Два раза на пятихатку больше дали! А теперь нам по пятнадцать косарей урезают, так что ли!? Ты сам-то когда об этом узнал?

– В пятницу узнал, на летучке Гаврилыч объявил. Я тебе хотел сразу сказать, но сам понимаешь – такие новости неприятно сообщать. Тем более тебе, с которым мы на Ямале одну сигарету на двоих курили...

– Потому что у тебя, придурка, своих не было. Мужики в курсе, что Горыныч устроил?

– Нет, не в курсе... Не в курсе они потому, что для них ничего не изменилось. Сам понимаешь – кто на такую зарплату сюда рабочим пойдет?

– То есть меньше получать теперь буду только я? Потому что возраст у меня предпенсионный, я на кредите сижу и никуда не рыпнусь? Да... Гориллыч это хорошо придумал, чтобы мастер меньше работяги получал...

– Видимо, у Владимира Гавриловича были свои резоны, о которых мне неизвестно...

– Погоди, а что ты тогда мне только что про какую-то низкую вольтированность пел? Лаве урезают только мне, а не тебе, бухгалтеру, грузчику, рабочим и всем прочим? Пятна-

дцать рубасов спасут холдинг от краха? Да у директоров на джипе любой поворотник дороже стоит!

– Саныч, я всё понимаю, но

– Одну на двоих курили с тобой, значит... В курсе, что курить вредно?

12.05.201... года. Киров, офис «Шилкрафта».

– Здравствуй, Виталий Андреевич!

– Добрый день, Владимир Гаврилович! Как ваши дела?

Отлично выглядите!

– Это ты по телефону увидел? Глазастый, молодец. Да и вообще ты молодец – за два месяца расшевелил эту шарагу: поставщиков сменил, себестоимость продукта снизил, себя там поставил. Я боялся, что тот старый хрен Саныч бучу поднимет, но нет – ты его, считай, без зарплаты оставил, а он дальше работает и в тряпочку помалкивает. Приструнил его, орёл! Ты ведь его знал – вы вместе на Севере работали?

– Да, в Ямбурге. Три вахты вместе отпахали, по два месяца каждая. Он там пил безбожно и за мойщиками волочился – тем его и прижал. Вот был случай – я выхожу на смену...

– Не суть. А суть в том, что недостача у тебя, причём серьёзная.

– Да не может быть! Я там за всем лично слежу! Может, по дороге водилы воруют?

– Не могут они. Во-первых, вы же машины пломбируете.

Во-вторых, до магазинов всё доходит чётко – сколько грузите, столько и приезжает. Так что проблемы на производстве, а начальник производства с дипломом – ты. То есть проблемы у тебя.

– Но Владимир Гаврилович, не могу же я...

– Так! Ты понимаешь, что мы – холдинг, то есть группа предприятий, где один за всех и все за одного? А если один из этих всех начинает вниз тянуть, если он недобирает прибыли, то от него избавляются – а ля герр ком а ля герр. «Шылкрафт» курирую я, это моя зона ответственности. Меня тут холдинг главным поставил. Я говорю – ты исполняешь, иначе исполнять будет кто-то другой. Я достаточно ясно мысль выражаю?

– Да, но ведь...

– Нет, я в тебе нисколько не сомневаюсь, Виталя. Перед тобой задачу ставишь – ты её решаешь. Уверен, справишься и теперь. Мы ведь холдинг.

13.05.201... года. Вечер.

Темнало. Три раза просигналив, машина остановилась напротив двухэтажного деревенского дома. Из дома вышел Сергей Саныч, открыл дверь и сел на переднее сиденье, водитель протянул ему зажигалку:

– Саныч, дело такое. Миша говорит, что больше колбасы не надо – не продать ему в своём захолустье столько даже за полцены. Тупо покупателей нет.

– Не парься, у Миши скоро пойдут садоводы, а они мигом расчихают, что к чему. Так что всё он продаст и еще попросит, – Сергей Саныч поправил брюки на коленках и пошевелил плечами так, словно хотел размяться.

– Слушай, у меня ведь холодильник тот огромный так без дела и стоит в гараже. Сколько там колбаса хранится?

– Три месяца ей ни хера не будет. Блин, я думал, ты тот холодос продал давно. Ему ведь уж лет двадцать?

– Где-то так, – Валера вздохнул, постучал пальцами по приборной панели. –Продать-то я его хотел, только кто бы у меня его в девяносто восьмом бы купил? По цене металлолома если только, а по такой цене его продавать – преступление! Датский ведь, на века брали. Не думали, что так оно обернётся – из коммерсантов обратно по своим местам: я автобус водить, а ты по столовкам да вахтам...

– Да, было время – полгода тузами проходили... Он точно работает?

– Не знаю, честно говоря... Да что ему будет-то?

– Если так, то вообще отлично! Я ведь ещё Марину подключу.

– С которой вы цех в 2007-ом открывали?

– Да, с ней самой. Она сейчас заведующая в пекарне – туда тоже колбасу втюхать можно. Поэтому готовься, Валера, – максимум через год сами владельцами «Шилкрафта» будем. Придурка этого, технолога, Горыныч обязательно сольёт, потому что тот запьёт, когда не сможет объяснить недостачу и

выяснится, что он дела не знает – диплом-то купленный. Я его по Ямбургу помню – несусветная тряпка, а не человек, но пока котлы мыл – на корки накопил, а теперь всем сказки рассказывает, что его ошибкой в кухонные рабочие записали, а на самом деле он поваром был. Слух-то недолго распу-стить, как оно на самом деле было. А если мы с тобой будем продолжать в том же духе, то цех в лучшем случае будет едва самоокупаться – холдингу такой актив и нафиг не нужен. А тут мы с баблом и нарисуемся.

– А я не помню, почему Иваныч главным был в Шылкраф-те – вы ведь вдвоём его открывали?

– Да просто свидетельство индивидуального предприни-мателя у него уже было, вот мы и решили пока так перебить-ся, типа, главным числится он, а я наёмный работник. Но со временем, чтоб развиваться, пришлось бы делать ООО, а там бы я стал равноправным учредителем. Но той осенью Иваныч фирму продал, падла...

– А потом и вовсе кони двинул – видать, совесть замучи-ла!

– Очень даже может быть... Он же не только меня опроки-нул, он ведь и свою дачу сжёг ради страховки. Ещё пытался продать дом своего племянника, пока тот на вахте в Москве был. Или не племянника? Не помню... Иваныч, старый ко-зёл, всё мечтал уехать на Мальту, чтобы там век свой пога-ный в разврате и неге доживать. Не представляю, на сколько бы ему хватило денег, но хватило с избытком, потому что

этот подонок даже из области выехать не смог! Эх, знал бы я раньше... – Саныч энергично растёр что-то между ладонями. Вздохнув, продолжил:

– Смотри, что получается. Горыныч думает, что он тут главный, потому что у него бабки. Технолог думает, что главный он, потому что у него бумажка липовая. Иваныч думал, что главный он, потому что фирма на него записана была. Но фишка в том, что без них контора всю дорогу исправно работала, а без меня в декабре за неделю чуть не схлопнулась, поэтому по факту тут я главный.

А скоро и по наименованию буду. Главное, прочно сидеть на своём месте! – и он похлопал рукой по сиденью, под которым был оборудован тайник для колбасы. В машине, которая два раза в день ездила за ворота цеха: утром меняла первую смену охраны, а вечером – вторую.

14.05. 201... года.

Сергей полюбил свой сад и уже теперь видел его в том великолепии, которое обязательно придёт на эти семнадцать соток через пару лет размеренной и планомерной работы. Он видел беседку, которая будет стоять в окружении калины, чубушника, трёх яблонь и орешников: в мае из неё можно будет любоваться яблоневым цветом, который в июне сменит собой чубушник, а следом наступит время калины – и все это в обрамлении бурной ореховой зелени.

Так здорово будет отмечать там праздник в окружении друзей или читать книгу в компании чашки чая. Или просто грустить одному октябрьским вечером, глядя на уходящую в серое небо великую красоту увядающей природы. Иногда Сергею думалось, что рано или поздно и он станет частью этой земли: прадедовской малины, чёрной смородины сорта «Памяти Шукшина», колючего крыжовника и могучего дуба, который сам собою вырос на дальнем конце участка. Чтобы вон тот терновый куст стал ему домом родным. Но это планы были уж очень далеко идущими, пока других дел было невпроворот.

Сергей был с мешком на плече. Мешком кедровой хвои. В упорном желании сделать из своего запущенного несколько-

ми поколениями огорода ореховый сад, он уже рассыпал под маленькими, подрастающими кустиками орешника опилки, а теперь укладывал сверху хвою. Чтобы помочь малышам и защитить их от сорных трав. Чтобы этот слой служил гостиницей и трактиром для жуков и червяков, которые рыхлят грунт и не дают почве превратиться в однородную и монолитную плиту. Чтобы весной солнце не высушило деревца и чтобы они не мёрзли в ноябре, когда уже морозно, но снега ещё нет и нежные сугробы не укутали в объятия корни, за которые любому нужно держаться, чтобы устоять. Хвою он выкладывал из мешка.

Месяц назад, когда всё ещё только таяло, он заказывал пять кустов ремонтантной малины, которую хотел высадить, чтобы обновить зачахшие посадки прадеда, но уже три недели их никак не могли доставить в магазин. Сначала ссылались на разбитые дороги, потом мешали праздники. Сергей уже замучил расспросами продавщицу и теперь ему было неловко звонить. Он ждал, когда, наконец, позвонят ему.

В кармане завибрировал телефон, Сергей снял трубку:

– Сергей Чулымов?

– Да, он самый!

– Вас беспокоит садовый магазин, к нам наконец-то привезли ваш заказ! Можете забрать сегодня!

– Большое вам спасибо.

Всё приходит к тому, кто умеет ждать. Кроме пяти кустов

малины Сергею в подарок за ожидание дали пачку удобрений и он вполне довольный стоял на остановке и ждал автобус. Вдруг он увидел высокую девушку с тёмно-русыми волосами и почти чёрными, сверкающими и необыкновенно добрыми глазами. Ноги сами поднялись и пошли в её сторону и остановились только тогда, когда их разделяло не больше полуметра. Он сказал первое, что пришло на ум:

– Сударыня, а как вы думаете, мне малину стоит посадить траншейным или кустовым способом?

Девушка как будто узнала этого приятного, грустного и наконец-то найденного человека. Она понимающе кивнула и улыбнулась:

– Тут тебе самому решать, а меня Варварой зовут.

2.10.201... года.

В полуоткрытые ворота, держа в пасти большую кость с ошмётком серого мяса, вбежала чёрно-белая собака. Внимательно глядевшись по сторонам, юркнула в будку охранника. Под письменным столом сразу что-то заворочалось, зашуршало, запищало: радостно топая и потягивая, из-под душистой колбасной коробки выкатились пять разноцветных комочков. Сверкая умными глазками и виляя короткими хвостиками, дети окружили мать, которая, строго оглядев потомство, с усталым и отстранённым видом легла посреди комнаты на половик. Ужин лишь раз прервался полным лю-

бови рыком, когда одна маленькая сучка с рыжим сердечком на лбу не в меру раздухарилась. Наступило довольное и сытое молчание.

Солнце клонилось к закату и его последние золотые лучи падали на офисный стол, по которому гулял большой ворон. На полу лежала порванная напополам газета: «...ранее, Роспотребнадзор приостановил деятельность недавно созданного на базе «Шилкрафта» ООО «Колбаса от Саныча» на основании выявленных нарушений в ходе внеплановой проверки. Руководство колбасного предприятия заявило о недобросовестной конкуренции, нарушениях законов рынка и происках высокопоставленных недругов, пояснив, что все нарушения носят бюрократический характер, касаются оформления документов и не могли никоим образом сказаться на качестве продукта. Уполномоченный по защите прав предпринимателей поставил ситуацию на личный контроль. Напомним читателю: предприятие было выкуплено и реорганизовано группой предпринимателей у агропромышленного холдинга в сентябре этого года. Это событие встретило неоднозначную реакцию в среде бизнесменов, ведь, с одной стороны...»

Перепрыгнув со стола на подоконник разбитого окна, ворон тяжело поднялся в воздух и полетел на запад, мимо просшего сиренью брошенного много лет назад трактора с облупившейся эмалевой краской.

В качестве обложки и иллюстраций использованы работы Джона Эверетта Милле (8 июня 1829 – 13 августа 1896): «The Enemy Sowing Tares (St Matthew XIII, 24–25)», 1865, «Jephthah», 1867, «The Boyhood of Raleigh», 1870, «The Eve of St. Agnes», 1863, «Flowing to the River», 1871, «Lingering Autumn», 1890, «An Idyll of 1745», 1884, «Chill October», 1870, «Speak! Speak!», 1895, «Afternoon Tea», 1889, «Spring (Apple Blossoms)», 1859, «A Flood», 1870, «The North-West Passage», 1874, «A Dream of the Past – Sir Isumbras at the Ford», 1857, «Ophelia», 1852, «Hearts are Trumps», 1872, «The Vale of Rest», 1859, «Isabella», 1849, «Blow, Blow Thou Winter Wind», 1892 с сайта wikipedia.org.

Если Вы хотите задать вопросы или поддержать автора, то это можно сделать по телефону 8-953-672-52-87.